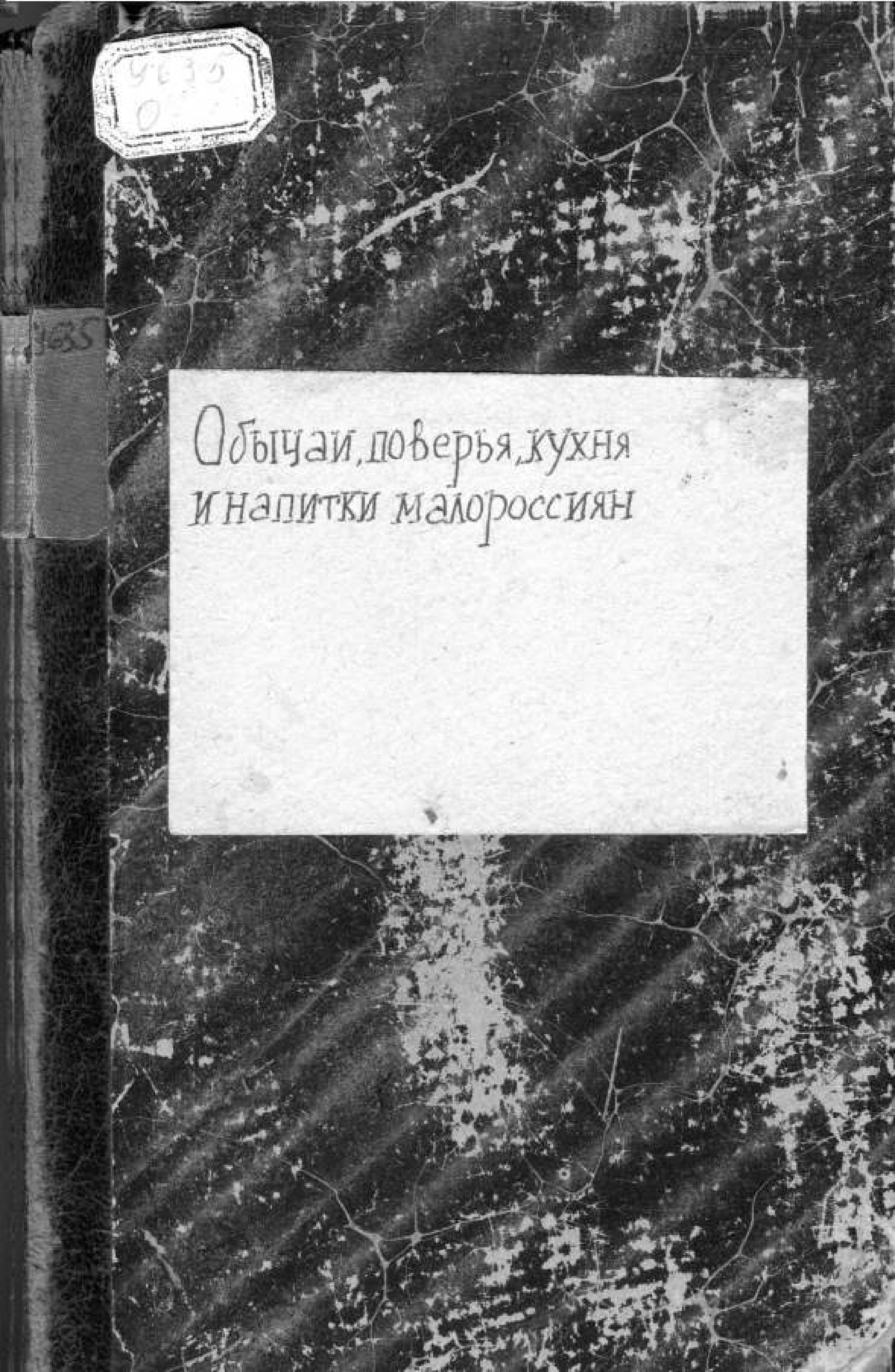

Обычаи, поверья, кухня
и напитки малороссиян

ОБЫЧАИ,

ПОВѢРЬЯ,

КУХНЯ И НАПИТКИ МАЛОРОССІЯНЪ.

ИЗВЛЕЧЕНО ИЗЪ НЫНѢШНЯГО НАРОДНАГО БЫТА

И СОСТАВЛЕНО

Николаемъ Маркевичемъ.

Издалъ И. Давиденко.

(Съ гравюрою).

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было Ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 7-го Марта, 1860 года.

Ценсоръ А. Лазовъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Авторъ настоящей книги, извѣстный историкъ Малороссіи Н. Маркевичъ, еще въ 1850 году, задумалъ составить обширный сборникъ подъ заглавіемъ: ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ МАЛОРОССІИ ОТЪ 1600 ГОДА ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ *и неутомимо трудился надъ нимъ, несмотря на поразившую его въ томъ же 1850 г. тяжкую болѣзнь, которая медленно, но упорно, уничтожала его силы и наконецъ свела его въ могилу въ Іюнѣ этаго года; тѣмъ не менѣе много было собрано имъ матеріаловъ, а нѣкоторыя части обработаны и могли появиться въ печати.*

Желая сдѣлать доступными для публики эти драгоцѣнные труды неутомимаго и добросовѣстнаго изыскателя быта Малороссіи, я рѣшился издать ихъ въ свѣтъ: но какъ сочиненіе это не приведено въ одно цѣлое; то общее названіе—Внутренняя жизнь Малороссіи замѣнено частными заглавіями, соотвѣтствующими содержанію статей; такимъ образомъ эта книга названа: ОБЫЧАИ, ПОВѢРЬЯ, КУХНЯ И НАПИТКИ МАЛОРОССІЯНЪ. *(Описаніе нынѣшняго народнаго быта.) За тѣмъ послѣдуютъ: а) Сравненіе мѣръ, вѣсовъ а также денегъ и цѣнъ на разные предметы въ Малороссіи съ 1715 по 1855 годъ и б) Исторія Монастырей въ Малороссіи.*

И. Давиденко.

22-е Августа 1860 г.
г. Кіевъ.

Печатать позволяется. Сентября 15 дня 1860 г. Цензоръ А. Лазовъ.

Отечество выше родины; оно только часть его; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества.

Изъ частной переписки автора.

I. ПРАЗДНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ.

Новый годъ. Масляница. Великій постъ. Пасха. День св. великом. Георгія. Пятидесятница. Петровъ постъ. Съ 29 Іюня по 6 Августа. Съ 6 Августа по 23 Ноября. Гаданья. Колядки. Вертепъ. Щедривки.—

Пусть вообразятъ мои читатели, что нынче утромъ начался 1850 годъ по Р. Х. Мы съ ними проживемъ жизнью малороссійскою со всѣми прихотями, предразсудками, повѣрьями, обычаями, играми, перешедшими къ намъ отъ предковъ нашихъ.

1 Генваря.

Съ разсвѣтомъ дня, на новый годъ, мальчики идутъ по хатамъ и горстями кидаютъ въ спящихъ, разбрасываютъ по комнатѣ разныя хлѣбныя зерна, приговаривая: «на счастье, на «здоровье, на нове лито! Роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку «пашныцю, безъ куколю, безъ метлыци, а намъ дайте по «паляныци! Будте здоровы зъ новымъ годомъ!»—

ПѢСНЯ ПОСЫПАЛЬНАЯ.

Ходыть Илья
На весилья,
Носыть пугу
Жытяную,
Де замахне—
Жыто росте.
Роды, Боже,
Жыто, пшеныцю,
У поли ядро,
А въ домѣ добро.

2 Февраля.

Теперь ужъ время идетъ «не къ Рыздву, а къ Великодню.» Не видно, какъ Генварь прошелъ и вотъ день Срѣтенія Господня.

Это день, въ который зима встрѣчается съ лѣтомъ. Если въ этотъ день оттепель и вода каплетъ съ крышъ, съ «*стрихъ,*» то зима еще пролежитъ; если же морозъ, то весна наступитъ рано. Но снѣгъ ужъ таетъ. Дѣвушки собираются въ кучки на проталинахъ и «*закликаютъ весну.*» Онѣ поютъ *весиянки*. Эти пѣсни поются только весною, на праздникѣ природы, т. е., тогда, когда все постся хорошо.

27 Февр. Масляница. Приходитъ 27 Февраля, масляница; женщины *волочутъ колодку*», то есть, идутъ по домамъ и привязываютъ «*паробкамъ и дивкамъ*» небольшую колодку къ ногѣ, въ наказанье за то, что не вступили въ бракъ въ прошлый мясоѣдъ. Эту колодку можно снять не иначе, какъ за нѣкоторый выкупъ; на собранныя деньги пируютъ, и вмѣсто блиновъ московскихъ подаютъ вареники со сметаною; на масляницѣ это главное блюдо.

1 Марта. Въ этотъ день, т. е., день св. Евдокіи, бабакъ пробуждается отъ зимняго сна, выходитъ изъ норы и свиститъ.

5 Марта. Масляница проходитъ; въ воскресенье передъ великимъ постомъ всѣ благочестивые христіане идутъ къ роднымъ и сосѣдямъ испрашивать прощенія въ обидахъ; а между тѣмъ кто хочетъ узнать, которыя изъ знакомыхъ ему женщинъ вѣдьмы, тотъ долженъ въ это воскресенье взять кусокъ сыру въ холстинку и три ночи сряду держать его за губою во время сна; потомъ, завязавъ его въ рубаху, носитъ на себѣ черезъ весь великій постъ; въ великую субботу всѣ вѣдьмы явятся къ нему просить сыру; но онъ не долженъ давать, иначе самъ погибнетъ.

9 Марта. Въ день сорока Мучениковъ, сорока кладетъ на свое гнѣздо сорокъ палочекъ; школьники приносятъ своему учителю сорокъ бубликовъ. Жаворонокъ вылетаетъ изъ своего «*вирая;*» въ честь его пекутъ изъ тѣста птичекъ, которыхъ называютъ иногда «*голубци,*» иногда «*жайворонки,*» и дѣти, ходя съ

этими жаворонками, поютъ веснянки. Между прочимъ отъ этаго дня должно быть еще сорокъ морозовъ, считая утреній и вечерній морозъ за два.

Въ день св. Алексія, щука пробиваетъ хвостомъ ледъ; малороссіяне называютъ святого *«Олекса теплый.»* *17 Март.*

Въ день Благовѣщенія, какая будетъ погода, такая будетъ и на Свѣтлый Праздникъ. Птицы въ этотъ праздникъ не вьютъ гнѣздъ. *25 Март.*

Птица, которая завьетъ гнѣздо на Благовѣщеніе, лишается на нѣсколько дней способности летать и принуждена только ходить по землѣ.

Въ день св. Архангела Гавріила, вылетаетъ ласточка изъ своего *«вырая»*; такъ какъ въ народѣ Архангелъ Гавріилъ слыветъ *«Благовистныкомъ»*, то въ этотъ день все раждающееся будетъ *«благовисне,»* т. е., ягненокъ будетъ *«кручакъ»* съ червемъ во лбу; яйцо, снесенное въ этотъ день, неспособно къ высиживанью цыпленка. *26 Март.*

Въ 1850 году, Марта 29 было средопостіе; т. е. середа четвертой недѣли, она здѣсь называется *«средохрестна»*. Пекутъ кресты изъ пшеничной муки; носятъ ихъ съ собою при посѣвѣ маку; часть оставляютъ, чтобъ носить при посѣвѣ пшеницы, остальное съѣдаютъ. *29 Март.*

Въ полночь съ середы на четвергъ *переломится постъ*; если прислушаться, то можно услышать сильный шумъ и трескъ.

Въ Лазареву субботу сѣютъ горохъ, чтобъ былъ *рясный*. Это праздникъ дѣтей; они во время церковнаго обхода на вечернѣ носятъ вербы, и кому досталась самая большая вѣтвь, тотъ счастливѣе всѣхъ своихъ товарищей. *15 Апр.*

Въ вербное воскресеніе, возвратясь изъ заутрени, тотъ, кто не лѣнился встать рано и принесть съ собою вербы, приходитъ къ лѣнивцу спящему, бьетъ его и приговариваетъ: *15 Апр.*

„Не я бью, верба бье;
„За тыждень—Велыкдень;
„Будь велыкій, якъ верба,
„А здоровый, якъ вода,
„А богатый, якъ земля.“

Эту *«свячену»* вербу садятъ на огородѣ, въ саду, въ дворѣ.

Страстная недѣля называется, *«билою.»* Въ эту недѣлю наши малороссіянки бѣлятъ избы, моютъ скамьи, полицы, столы, дверы. Онѣ говорятъ: *«Мыты, билыты, завтра Велыкдень.»*

20 Апр. Въ Великій или по здѣшнему *Чистый* четвергъ, кто имѣетъ накожныя сыпи долженъ купаться до восхода солнца. Хлѣбъ, посѣянный въ этотъ день, будетъ чистъ, безъ сорныхъ травъ. Обворачиваютъ въ холстъ кусокъ соли, обжигаютъ его въ печи и оставляютъ для подачи на столъ на Свѣтлый Праздникъ. Эта соль хороша для овецъ, для коровъ, отъ боли живота, отъ *«сглаза»*. Во время отправы страстей тишина въ воздухѣ повсемѣстная, молчанье торжественное. Возвращаясь изъ церкви, стараются принесть домой огонъ со страстей, т. е., чтобъ не погасла страстная свѣча; въ домахъ на сволокахъ накоптить должно этимъ огнемъ кресты, а свѣчу сберегаютъ до будущаго чистаго четверга. На ней 12 шариковъ сплюснутыхъ означаютъ число четверговыхъ евангелій: эти шарики должно прилѣплять къ свѣчѣ въ самое время чтенія евангелій. Свѣча эта очень полезна отъ лихорадки. Для этого ее должно помѣрять ниткою три раза въ длину, сжечь нитку, золу смѣшать съ святою водою и въ четвергъ выпить на тощакъ; во время трудной смерти даютъ ее въ руки умирающему. Во время трудныхъ родовъ,—зажигаютъ ее предъ иконами; во время грозы опять зажигаютъ ее и ставятъ предъ образа; ходятъ съ нею въ пчельникъ.

21 Апр. Въ страстную пятницу ничего не ѣдятъ до захожденія солнца. Кладутъ ладанъ подъ плащаницу; этотъ ладанъ важенъ.

Взятый съ престола, куда переносятъ его вмѣстѣ съ плащаницею, онъ очень полезенъ отъ болѣзней; имъ должно подкуриться; тоже противу грозы; имъ должно, во время молніи и грому, весь домъ окурить.

Въ страстную субботу, во время обхода вокругъ церкви и стоянія у западныхъ ея вратъ, когда въ церквѣ никого нѣтъ, ангелы выводятъ Спасителя изъ гроба; а святые выходятъ изъ иконъ и цалуются между собою, *христосуются*. *22 Апр.*

На конецъ насталъ *Велыкдень*! здѣсь то выказывается вполнѣ украинское хлѣбосольство: вокругъ церкви стоятъ телѣги, на которыхъ привезено съѣстное для освященія. Уморителенъ бываетъ юморъ малороссіянъ въ ихъ замѣчаніяхъ на счетъ физіономій жареныхъ поросятъ и недопеченныхъ пасокъ. Нѣтъ хозяина, который бы не имѣимѣлъ къ этому поросенка, колбасу, пасху, и нѣсколѣко красныхъ яицъ. Но вотъ воскресенскій столъ зажиточнаго пана, у котораго пани придерживается родной старины: двѣ, три, даже четыре огромныхъ сладкихъ пасхи, изъ превосходной крупичатой муки, на маслѣ, яйцахъ и сахарѣ; одна или двѣ кислыя пасхи; сырная пасха, ягненокъ изъ масла; пара поросятъ—одинъ безъ фарша, другой фаршированный кашей и печенкою, у нихъ въ зубахъ хрѣнъ; два ягненка—одинъ безъ фарша, другой фаршированный миндалемъ, изюмомъ и рисомъ; окорокъ вечины и окорокъ буженины подъ сѣткой изъ бумаги; кендюхъ; голова борова въ натурѣ съ глазами изъ маслинъ, воткнутыхъ въ сливочное масло; лукъ зеленый; крессъ салатъ зеленый; тарелка пшена, на немъ соль четверговая; превосходное сало въ кускахъ; нѣсколько сортовъ сосисокъ и колбасъ, какъ то: кровяныя, простыя малороссійскія, печеночныя и пр; масло, сыръ, сметана, лукъ въ кореньяхъ; все это обложено крашеными въ синюю, желтую, мраморную наиболѣе въ красную краску яйцами; эти яйцы *23 Апр.*

гусиныя и куриныя. Прибавьте къ этому нѣсколько сортовъ водокъ и наливокъ; тутъ есть и перчиковка, и калгановка, и кардамонная, и кусака, и сливянка, и малиновка, и рябиновка и терновка.

Но ключница должна прятать все съѣстное такъ, чтобъ его мыши не могли тронуть; если мышъ съѣстъ кусокъ освященнаго ягненка или поросенка или пасхи, тотчасъ у ней отростаютъ крылья, и она становится летучей мышью, т. е., кажаномъ.

Здѣсь то начинаются катанья крашанокъ по лубку, игра на *вбиткы*, игра въ *пацы*, въ хрещика, въ перепелочку, хороводы, танцы, *деръ-деръ* и проч.

Но въ 1850 году слилось два праздника въ одинъ; кромѣ того что 23 Апрѣля—Великдень, это еще день св. побѣдоносца Георгія. Во всѣхъ селахъ тогда бываютъ ходы на «*жита*» съ водосвятіемъ; хлѣбные всходы окропляются святою водою. Собираютъ росу и мочутъ ею глаза, у кого они болятъ, и другія больныя части тѣла; окропляютъ ею домашнюю птицу. Если ворона можетъ въ этотъ день спрятаться во ржи, ожидаютъ урожая.

На Георгія начинаетъ пѣть соловей; онъ поетъ пока ячмень начнетъ колоситься. Если кукушка, т. е., *зозуля*, поетъ до Георгія, а деревья еще не развились, будетъ тяжелъ годъ для народа, люди будутъ болѣть и падежъ на скотъ. Кто въ первый разъ услышавъ зозулю будетъ имѣть при себѣ деньги, у того въ продолженіи цѣлаго года не будутъ онѣ переводиться. И потому то послѣ Свѣтлаго Праздника завязываютъ въ рубаху грошъ, и слѣдовательно имѣютъ всегда при себѣ деньги.

Первые цвѣты, primula veris, навываются здѣсь «*рястъ*». Нарвавъ и бросивъ ихъ на землю, топчутъ приговаривая: «топчу рясть; дай Боже потоптаты и того году дождаты.»

Это желанье дожить и до другой весны. Отъ этаго обычая произошла пословица; «та вже йому рясту не топтаты.» Говорится она о безнадежномъ больномъ, который навѣрно не доживетъ до слѣдующей весны.

Лукъ и ячмень стараются посѣять раньше того времени, когда лягушки квакать начнутъ. Ѣдучи на посѣвъ конопли, берутъ съ собою сырыя яйца; пріѣхавъ на мѣсто варятъ ихъ, ѣдятъ и раскидиваютъ скорлупу по полю приговаривая: «роды «Боже конопли билы, якъ яйца.» Отъ этаго дѣйствительно конопля родится лучшей доброты.

Земля, по давнему преданію, не растворяется вполнѣ до перваго грому, то есть до выѣзда и прогулки пророка Иліи въ колесницѣ по небу. Если первый громъ будетъ слышанъ на западѣ, будетъ хорошій урожай хлѣба. Если при первомъ громѣ подпереть спиною дерево, стѣну, ворота и тому подобное, то спина не будетъ болѣть. Дѣвушки, услышавъ первый громъ, бѣгутъ къ рѣкѣ, умываются и утираются чѣмъ нибудь краснымъ, чтобъ не терять красоты и быть богатыми. Онѣ ловятъ перваго гусенка, котораго завидятъ и трутъ имъ лице, это уничтожаетъ веснушки; впрочемъ отъ веснушекъ есть еще и другое средство, не менѣе дѣйствительное: собираютъ снѣгъ выпавшій въ мартѣ, наполняютъ водой изъ него бутылки, и потомъ этой водой умываются.

Въ день св. Апостола Симона *Зилота* ходятъ по лѣсамъ собирая цѣлебныя травы «*зилье*» говоря по здѣшнему; въ иныхъ мѣстахъ ищутъ въ этотъ день кладовъ, *золота*; искателямъ помогаетъ *Зилотъ*. *10 Мая.*

Наступаетъ пятидесятница. Эту недѣлю называютъ: *зеленою*, *клечальною*, *русальною*. Первый день называется *духовымъ*, второй—*троицынымъ*; такъ празднуетъ эти дни и церковь наша, хотя въ Великороссіи празднуемы они на оборотъ. «До *11 Іюня.*

святого духа держысь кожуха» говорятъ малороссіяне, не вполнѣ довѣряя весеннему солнцу и теплотѣ. Первые три дни этой недѣли называются троицкими святками; въ субботу передъ духовымъ днемъ, при захожденіи солнца, натыкаютъ вѣтви деревъ передъ дверьми построекъ, ставятъ ихъ внутри домовъ по угламъ, посыпаютъ полы и землю передъ дверьми аеромъ, осокой и другими травами; вѣтви называютъ *клечанье*, а вся недѣля *клечальною* и *зеленою*.—

Въ эту же недѣлю *русалки* выходятъ изъ рѣкъ, нагія и прекрасныя, съ распущенными волосами, хлещутся въ полночь при лунѣ на поверхности волнъ, бѣгаютъ по полямъ, качаются на вѣтвяхъ деревъ, манятъ прохожихъ и до смерти щекочутъ ихъ. Русалками становятся утопленницы и дѣти родившіяся не живыми, или умершіе не крещенными. Эта послѣдняя порода русалокъ называется: *мавки*.

Начиная съ клечальной субботы, дѣвушки не выходятъ въ поле одиночкою и не купаются цѣлую недѣлю, «*щобъ мавки не залоскоталы.*» Онѣ носятъ съ собою и за пазухой полынь и *любыстокъ*, какъ предохранительное средство отъ нападенія мавокъ.

15 Іюня. Особенно страшны русалки и мавки *въ зеленый четвертокъ*. Дѣвушки и женщины, боясь прогнѣвить ихъ, въ этотъ день не работаютъ; если бы надобность заставила ихъ идти въ воду, то прежде должно туда полыни набросать. Этотъ день называется *русальчинъ* или *мавскій велыкдень*. Эта недѣля имѣетъ свои пѣсни.

ПѢСНИ ТРОИЦКІЯ.

Ой бижыть, бижыть мыла дивчына,
А за йею да русалочка.
Ты послухай мене, красно панночко,
Загадаю тоби тры загадочки;
Якъ угадаешъ—до батька пущу;
Не угадаешъ до себе возьму;

Ой що росте безъ кореня,
А що бижыть безъ повода,
А що цвите да безъ цвиту?
Камень росте безъ кореня,
Вода бижить безъ повода,
Папороть цвите да безъ цвиту.
Панночка загадочки не вгадала,
Русалочка панночку залоскотала.

*
* *

Ой завью винкы да на вси святкы,
Ой на вси святкы, на вси празныкы,
Да рано, рано на вси празныкы.
А въ бору сосна колыхалася,
Дочка батенька дожыдалася.
Ой мый батеньку, мый голубчыку,
Ты прыбудь сюды хоть на литечко;
У мене въ тыну подъ воротьмы
Сыне море розлывается;
Паны й гетманы избигалыся,
Сіому дыву дывовалыся.

*
* *

Прылитала зозуленька
Зъ темного лисочку;
Сила, пала, заковала
Въ зеленомъ садочку.
Ой якъ выйшла Марусенька
Въ іеи запытала:
Скажы мени зозуленько,
Довго буду въ батька?
Будешъ мыла, Марусенько,
Сей день до вечара
Бо-дай-же ты, зозуленько,
Симъ литъ не ковала,
Що ты мени, молоденькой
Правды не сказала.

Но вотъ наступаетъ Петровъ постъ, съ своими краткими *Іюня* ночами и днями безконечными.

«Мала ничь Петривочка!
«Не выспалась наша дивочка.»

Поютъ малороссіяне, сожалѣя объ утомленной красавицѣ, ко-

торую сонъ одолѣваетъ, когда ужъ солнце взошло. «Нехай въ Петривку!» или «се не въ Петривку, щобъ двичи казаты,» говорятъ они тому кто, не дослышавъ, требуетъ повторенія разсказа какого нибудь. О происхожденіи Петровки вотъ что извѣстно у насъ.

Ее въ старину не было; всѣ недѣли были сплошные. Мужья *ласовалы* на маслѣ, на сметанѣ и на всемъ ежедневно. Хозяйки посовѣтовались и учредили Петровку, но не умѣли сдѣлать ее постоянною; а потому рѣшились по очередямъ назначать ее продолжительность: отъ шести, пяти недѣль до одной.

Іюня 23. День Рождества св. Іоанна Предтечи посвящается празднику ***Купалы***. Съ утра дѣвушки идутъ въ поле или въ лѣсъ собирать травы и цвѣты; изъ нихъ вьютъ они для себя купальскіе вѣнки, въ вѣнкахъ долженъ быть и полынь; кромѣ того онѣ носятъ полынь весь этотъ день у себя подъ мышками; это предохранительное средство отъ русалокъ и вѣдьмъ.

Къ вечеру отправятся въ лѣсъ или садъ, срубятъ тамъ дерево, предпочтительно, если есть, *черноклёнъ*; отнесутъ его на мѣсто, назначенное для праздника, и дадутъ ему названье ***марена***. Тогда приносятъ пуки соломы, а иногда соломенную куклу, одѣтую въ женскую рубаху, въ лентахъ, въ монистахъ и въ большомъ вѣнкѣ; эта кукла называется ***Купала***. Пришедши на мѣсто, втыкаютъ въ землю дерево, обвѣшиваютъ его вѣнками и лентами, ставятъ возлѣ него Купалу, и не вдалекѣ разводятъ огонь; взявшись за руки ходятъ съ пѣснями вокругъ дерева, и потомъ скачутъ черезъ огонь. Иногда вмѣсто огня употребляютъ крапиву, которую набрасываютъ въ высокія кучи и потомъ скачутъ черезъ нее. Мущины только присутствуютъ, но въ хороводахъ, пляскахъ и въ пѣсняхъ не участвуютъ.

ПѢСНИ КУПАЛОВЫЯ.

Иване Йвасеньку,
Не переходь дороженьку.
Ив....

Якъ перейдешъ, выноватъ будешъ.

Ив....

Зроблю я тоби у трехъ зильяхъ.

Ив....

Прыйшлось дивкамъ да Дунай плысты.

Ив....

Вси дивочкы переплылы.
А сыроточка утопула.
Дошлы слухы до мачухы.
Да не жаль мени дочки.
Да не дочкы, падчерочки.
Жаль плахточкы—крещаточкы.
Й запасочки—сыняточкы.

***

Торохъ, торохъ по дорози;
Що за гомонъ по дуброви?
Ой братъ сестру вбывать хоче,
Сестра въ брата прохалася:
Мый братику, голубчыку
Не вбый мене у лисочку;
Убый мене въ чыстомъ поли;
Ой, якъ убъешъ поховай мене,
Обсады мене трёма зильями:
Першымъ зильемъ—*гвоздычкамы*,
Другымъ зильемъ—*васылькамы*,
Третимъ зильемъ—*стрилочкамы*.
Дивочкы йдутъ—гвоздычкы рвуть,
Мене зпомянуть.
Парубкы йдуть—васылькы рвуть,
Мене зпомянуть.
Козаки йдутъ—стрилочкы рвуть,
Мене зпомянуть.

***

Стояла тополя край чыстого поля;
Стый тополенько, стый нерозвывайся,
Буйному витроньку не поддавайся,
На нашей тополи чотыры соколка:
Первый соколко—молодый Ивашко,
Другый соколко—молодый Мыколко,

Третій соколко—молодый Мыхайло,
Четвертый соколко—молодый Васылько.

*
* *

Ой не стый, вербо, надъ водою,
Не пускай зилья по Дунаю,
Ой, Дунай море розлывае,
И день и нычь прыбувае,
Въ верби корень пыдмывае,
Сверху вершокъ усыхае,
Съ вербы лыстя опадае;
Ой стань, вербо, на рыночку,
Къ хрещатому барвиночку,
Къ запашному Васылечку.

*
* *

Нашы подоляне церковь збудовалы,
Не такъ збудовалы, якъ намаліовалы,
Та й намаліовалы тры мисяца ясныхъ:
Ой, якъ первый мисяцъ—молодый Ивашко,
А якъ другый мисяцъ—молодый Васылько,
А якъ третій мисяцъ—молодый Мыхайло.
Нашы подоляне церковь збудовалы,
Не такъ збудовалы, якъ намаліовалы,
Та й намаліовалы тры зирочкы ясныхъ:
Ой первая зирочка—молода Наталка,
А другая зирочка—молода Варвара,
А третяя зирочка—молода Маруся.

*
* *

Сонце сходыть, грае,
Йвась коня сидлае,
Въ стремена ступае,
Въ сидельце сидае,
Тяжко воздыхае.
Іого батечко пыта:
Що ты сыночку гадаешъ?
На що коныка сидлаешъ?
Що, батечко до того?
Я до тестя до свого
Пущу коныка на двиръ;
Ой, у тестя новый двиръ:
Постелю барвинкомъ двиръ,
Васылькомъ местыму двиръ,

Щобъ тещинька похвалыла,
Щобъ дивчына полюбыла.

*
* *

Ой вербо, вербо, вербыцю,
Часъ тоби, вербыцю, розвыться;
Ой, ще не часъ не пора.
Часъ тоби, Ивашко, женыться;
Ой, ще не часъ не пора:
Ще дивчина молода.
Хай до лита, до Ивана,
Щобъ дивчына погуляла;
Хай до лита, до Петра,
Щобъ дивчына підросла.

Передъ Ивановымъ днемъ хозяйки загоняютъ на ночь коровъ съ телятами для того, чтобъ телята сосали матокъ, и тѣмъ лишали вѣдьмъ возможности ихъ доить.

А на самый день Ивановъ змѣя мѣдяница, которая слѣпа, получаетъ зрѣніе на цѣлые сутки, и тогда она необыкновенно опасна: бросясь на человѣка, какъ стрѣла, она можетъ его на сквозь пробить.

Въ полночь съ 23 на 24 Іюня, разцвѣтаетъ красноогненный цвѣтокъ *папоротника*; его должно найти, сорвать, сберечь и владѣлецъ его становится знахаремъ; никакой кладъ не утаится отъ него. Клады бываютъ двухъ сортовъ: *заклятые* и *незаклятые*. Послѣднимъ можетъ возпользоваться каждый, кто его найдетъ; но заклятымъ овладѣть не такъ легко. Мѣсто гдѣ онъ находится извѣстно, потому что надъ нимъ по ночамъ свѣка горитъ; но кто зарывалъ его, тотъ его заклялъ; онъ можетъ достаться намъ при исполненіи опредѣленныхъ условій. Эти условія бываютъ иногда очень тягостны. Иногда заклинаютъ на мать, на отца: добывшій кладъ долженъ непремѣнно лишиться отца или матери. Иногда условія очень удобоисполнимы, но такъ просты, что никому въ голову не придутъ; а между тѣмъ стоитъ ихъ исполнить и кладъ дается. За то случалось добыватъ кладъ, очень легко: во время заклинанія

подслушать заклятіе, и кладъ дастся безъ исполненія условій. Но не зная заклятія, начните рыть то мѣсто, гдѣ свѣчка горитъ, гдѣ зарытъ кладъ; чѣмъ глубже будете вы рыть, тѣмъ глубже будетъ кладъ входить въ землю.

Клады являются въ различныхъ видахъ: старикомъ, лошадью, клубкомъ, собакой, пѣтухомъ; толкните старика, ударьте собаку, они разсыплются въ видѣ денегъ; но какъ догадаться? Вѣрное средство: имѣть цвѣтокъ папоротника; владѣльцу этаго цвѣтка все извѣстно. За то какъ трудно добыть его! Во первыхъ должно одному, безъ товарища идти въ лѣсъ; невыразимыя страхи окружаютъ смѣльчака. Всѣ ужасы волчьей долины, въ Фрейшицѣ, ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которые окружатъ искателя. Вѣдьмы, черти, вовкулаки, нетопыри, филины, домовые, мертвецы, лѣшіе, русалки—все это общество соберется въ лѣсъ съ хохотомъ, криками, завываньями. Ревъ звѣрей, трескъ деревъ, перекаты грома безъ тучъ, блуждающіе огни. Нѣтъ, не многіе рѣшаются искать волшебнаго цвѣтка.

«Колы до Йвана просо зъ ложку, то буде й въ ложку.» Это народная примѣта хлѣбопашественная. А вотъ примѣта пчеловодовъ; имъ пчелы такъ говорятъ: «годуй мене до Йвана, »зроблю съ тебе пана.» Не знаю, согласенъ-ли съ этимъ г-нъ Прокоповичъ. Прибавлю къ тому примѣту метеорологическую: Когда 24 Іюня гроза, орѣхи будутъ пусты и будетъ ихъ мало; а если погода хороша, на нихъ будетъ урожай. И вотъ косовица.

На косовицу у насъ собираются цѣлымъ селомъ; бѣлыя шаравары, бѣлыя рубахи, точило, гаманъ, люлька и коса напоминаютъ одежду Сватослава, а ряды косарей—древнія лавы запорожцевъ. Таборъ на могилѣ, кругомъ возы, яма вырыта, въ ней огонь, надъ огнемъ кетлы, варится юшка, каша; тутъ-же стоитъ фура съ запасами—сало, соль, рыба наслучай середы и пятницы, и бочка съ горѣлкою. Далѣе походная кузница,

гдѣ отклёпываютъ косы. Атаманъ ведетъ косарей. Когда подсохнетъ трава, приходятъ жены, сестры и дочери съ граблями. Вотъ пѣсня ихъ:

А въ борку на клынку
Чій же ленъ да не полотый?
То Марусынь ленъ да не полотый.
А чему-жъ вона да не выполола?
То за симъ, то за тымъ
Да не выполола.
Ой чія-жъ то синожать да не кошеная?
То Грицькова синожать да не кошеная.
То за симъ то за тымъ
Да невыкошена.

Петровка оканчивается, къ этому дню пекутъ лепешки изъ сыру съ мукой и яйцами, и этимъ разговляются. Кукушки крадутъ ихъ, жадно ѣдятъ, и, подавившись ими, перестаютъ пѣть. Эти лепешки называются *«мандрыки»*. Слѣдующій за тѣмъ день называется *«полу-Петра.»* *Іюня 29* *Іюня 30*

Между тѣмъ осень приближается, уже приходятъ дни, предвѣщающіе, каково будетъ это время года: если 19 Іюля, въ день св. Макрины, или по здѣшнему *Мокрины* будетъ дождь, то вся осень будетъ дождлива. *Іюля 19*

Многіе до 20 Іюля считаютъ за грѣхъ картофель ѣсть; послѣ Ильи ужъ не купаются. До Ильи облака ходятъ за вѣтромъ, послѣ Ильи—противъ вѣтра; комары перестаютъ кусать; рои пчелъ, вылетѣвшіе послѣ Ильи, не надежны; даже пчеловоды гонятъ прочь и чужой рой къ нимъ послѣ Ильи залетѣвшій. *Іюля 20*

Когда громъ гремитъ, это Илья по небесному мосту въ колесницѣ ѣздитъ. Когда громъ зажжетъ избу, ее должно тушить не водою, а молокомъ или сывороткою.

Въ Іюлѣ бываютъ сильныя грозы; грозныя ночи Іюля и Августа называются *горобиными*, потому что громъ и молнія недаютъ заснуть и воробьямъ.

Отъ жаровъ бываютъ метеорологическія явленія. Огненный шаръ, летящій по воздуху, это *змѣй* навѣщаетъ дѣвушекъ.

Перелетаетъ-ли звѣзда по небу? Это дѣвушку теряетъ украина. Дѣвушка стала хозяйкой, она замужъ вышла.

Падаетъ ли звѣзда и исчезаетъ-ли она до земли не долетая? Это вѣдьма подхватила ее и спрятала въ кувшинъ, въ «*глечыкъ.*»

Радуга, «*веселка*» по здѣшнему, спускается въ рѣку и сосетъ изъ нея воду для дождя.

Между тѣмъ жатва началась, и наши жницы поютъ:

ПѢСНИ ЗАЖНИВНЫЯ.

Ой, въ чужого господаря обидать пора,
А въ нашого господаря ще й думкы нема.
Ой, паночку нашъ, обидаты часъ.

У чужого господаря горилочку пьютъ,
А въ нашого господаря воды не даютъ.
Ой паночку нашъ, обидаты часъ!

У чужого господаря полудновать пора,
А въ нашого господаря ще й на думци нема.
Ой, паночку нашъ, полудновать часъ!

У чужого господаря пополудновалы,
А въ нашого богатого ще й недумалы.
Ой паночку нашъ, полудновать часъ!

ТОЖЕ.

Закотылось да сонечко
За выноградный садъ:
Цилуйтеся, мылуйтеся
Да хто кому радъ.
Ой Маруся изъ Ивашкомъ
Цыловалась, мыловалась
Й рученьку дала:
Отъ-се тоби, Ивасеньку,

Рученька моя:
Ой якъ дыждеть до осени
Буду я твоя.

Пантелеймонъ у насъ носитъ имя «*Палыкопа*». Если кто возитъ копны хлѣба съ полей своихъ въ гумно, въ день Пантелеймона, то рискуетъ, что за такое неуваженіе къ празднику, сгорятъ у него копы, а иногда и дворъ: ихъ «спалыть Палыкопа». *27 Іюля.*

На *Маковія*, т. е., въ день св. мучениковъ *Маккавеевъ*, собираютъ созрѣвающій къ этому времени *макъ* и пекутъ «*шулыкы*». Это коржи изъ пшеничнаго тѣста, облитые густою медовою ситою съ примѣсью растертаго мака. *1 Августа.*

Въ день Преображенія Господня, т. е., на *Спаса*, дозрѣваютъ яблоки и груши *спасовки*; ихъ срываютъ и несутъ въ церковь для освященія, равно какъ и вновь подрѣзанный кусками медъ, *стильныкы*. *6 Августа.*

Около этаго времени оканчивается обыкновенно жатва ржи. Въ самый день окончанія жатвы бываетъ сельскій праздникъ: «*обжинкы*». Жницы ходятъ по нивѣ, собираютъ случайно оставшіеся, несвязанные въ снопы стебли жита, поютъ пѣсни и сплетаютъ изъ жита вѣнокъ. Одна изъ дѣвушекъ его надѣваетъ себѣ на голову по общему выбору, и потомъ всѣ толпой идутъ съ пѣснями къ панскому двору. Панъ принимаетъ вѣнокъ, вѣшаетъ его подъ образами, а дѣвушекъ угощаетъ. Иногда обжинки празднуются большимъ обѣдомъ, бочкою водки, посреди панскаго двора для всего села. Вѣнокъ сохраняютъ до будущаго года; на другой годъ, около 6 Августа, изъ него выколачиваютъ зерна и сѣютъ на новомъ лану. И наши жницы поютъ:

ОБЖИНКИ.

Ой чіе-жъ то поле
Зажовтило, стоя?
Иванове поле

Зажовтило стоя.
Жевьци молодыіи,
Серпы золотыіи,

Ой чіе-жъ то поле
Задримало стоя?
То Грыцькове поле
Задримало стоя;
Женьцы все старыія,
Серпы все стальныія;
А мы свому пану
Изробылы славу:

Жытечко пожалы,
Въ снопы повязалы,
У копы поклалы.
А мы свому пану
Изробылы славу:
Ой паночку нашъ,
Обжиночкивъ часъ!

О днѣ Спаса говоритъ пословица: «пришовъ Спасъ,— «держы рукавычкы про запасъ».

15 Авгус. *29 Августа.* Успеніе Пресвятыя Богородицы называется ***перва Пречиста***; а день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя слыветъ ***головосѣкою***. На головосѣка держутъ строгій постъ, весь день ничего не варятъ, и не берутъ ножа въ руки, а главное: въ этотъ день не рубятъ капусты; если же кто срубитъ головку, то на ней будутъ видны красныя пятна, похожія на кровь.

1 Сентября. Въ день Симона Столпника ласточки прячутся въ колодези. Тогда же должно класть яйцы въ прокъ, заготовлять соленья; снимать съ баштановъ дыни и *«кавуны»*.

8 Сентября. Черезъ недѣлю послѣ *другой Пречистой*, то есть послѣ Рождества Богородицы, птицы начинаютъ улетать, а ***гадюки*** улѣзать на зиму въ ***вырай***; это обыкновенно начинается въ

14 Сентября. день Воздвиженія Животворящаго Креста.

Но не всѣ змѣи уползутъ; тѣ, которыя кого нибудь укусили, остаются мерзнуть въ холодные осенніе дни за наказаніе.—

Что касается до ***вырая***, это дивная, теплая сторона, далеко гдѣ то у моря, однимъ птицамъ и змѣямъ. Первая улетаетъ туда и послѣдняя прилетаетъ оттуда—кукушка, т. е., ***зозуля***. На это есть причина очень важная: у кукушки сохраняются ключи тамошніе; она ключница вырая. Змѣи въ вырай лѣзутъ по деревьямъ, а потому на Воздвиженье не должно не только дѣтей пускать, но и взрослымъ ходить въ лѣсъ. Въ этотъ день весьма легко быть укушеннымъ змѣею.

Пятница передъ Воздвиженьемъ заслуживаетъ особеннаго уваженія; есть еще и другія то-же очень знаменитыя, ихъ счетомъ десять, кромѣ великопостныхъ на первой и послѣдней недѣли, всѣхъ же двѣнадцать; а именно:

1. Предъ Благовѣщеньемъ,
2. Десятая послѣ Свѣтлаго Праздника,
3. Предъ Тройцынымъ днемъ,
4. Предъ Успеніемъ,
5. Предъ Усѣкновеніемъ,
6. Предъ Воздвиженьемъ,
7. Предъ Покровомъ,
8. Предъ Введеньемъ,
9. Предъ Рождествомъ Христовымъ,
10. Предъ крещеньемъ,
11. } Великопостныя.
12. }

Впрочемъ всѣ 52 пятницы важны: *понедѣлковать*, то есть, поститься по понедѣльникамъ обязаны старухи однѣ, молодыхъ можно увольнить отъ этаго; но въ пятницу никому не должно ни работать, ни скоромнаго ѣсть.

Что такое пятница? Это—*Свята Пятынка*; многіе люди видѣли какъ она, бѣдная, ходила по селамъ изколонная иголками, изсверленная веретенами; это швейки да пряхи сдѣлали, шивши и прявши по пятницамъ. Къ тому-же кто постится по пятницамъ, у того лихорадки не будетъ никогда.

1 Октября.

Къ Покрову работъ полевыхъ уже нѣтъ; разумѣется, мы говоримъ не о тѣхъ хозяевахъ, которые въ Декабрѣ копны овса съ полей въ гумны возятъ. У тѣхъ хозяевъ, которымъ ужъ нѣчего дѣлать въ поляхъ ко дню Покрова, у нихъ хозяйки очень счастливы:

«Якъ прыйшла косовыця, то-й жинка кородытся; якъ прыйшлы жныва, жинка якъ «нежыва; а якъ прыйшла Покрова, той жинка здорова».

23 Ноября. Но вотъ приходитъ зима. На канунѣ дня св. Великомученицы Екатерины *парубки*, т. е., молодые люди не женатые, постятъ, чтобъ имѣть добрыхъ женъ; если же они грамотны, то сверхъ того должны читать житіе Великомученицы Варвары.—

24 Ноября. Въ самый день св. Екатерины, дѣвушки срѣзываютъ нѣсколько прутьевъ съ вышень и ставятъ ихъ въ воду. Если на нихъ будутъ цвѣты къ Рождеству, то гадающая выйдетъ за мужъ.

29 Ноября. Но настоящія гаданья начнутся черезъ пять дней, т. е., на канунѣ св. Андрея Первозваннаго; ихъ много способовъ; вотъ тѣ, которые вѣрнѣе и слѣдовательно предпочтительнѣе:

1. Взять горсть конопляннаго сѣмяни, выйдти въ полночь на дворъ, три раза обойти вокругъ хаты или *повитки*, сѣять въ это время сѣмя, скородить ихъ рубахою и приговаривать:

«Я, святый Андрію,
«Конопельки сію;
«Дай-же, Боже, знаты
«Съ кимъ весилье граты.»

Женихъ приснится неминуемо.

2. До восхода солнца, скрытно отъ всѣхъ, взять горсть конопляннаго сѣмяни, завязать въ рубаху и носить цѣлый день; вечеромъ посѣять; заскородить рубахой и, не сомнѣваясь, сказать:

«Хто мыни суженый, той пряде зо мною конопельки брать.»

Суженый непремѣнно придетъ ночью дергать коноплю. Это гаданье можно употреблять и на канунѣ новаго года.

3. Взять по наперстку: соли и пшеничной муки; разболтать ихъ въ водѣ; передъ вечеромъ выпить это. Ночью будетъ хотѣться пить; суженый подастъ воды.

4. Взять предыдущую пропорцію тѣхъ же ингредіентовъ, да наперстокъ воды; замѣсить и спечь коржикъ. Ложась спать,

одну половину коржика съѣсть; а другую положить подъ подушку; суженый придетъ, чтобъ съѣсть остальное.

5. Спечь большой соленой коржъ и съѣсть на ночь; суженый подастъ пить.

6. Положить кусокъ хлѣба съ солью подъ подушку; суженый придетъ подѣлиться.

7. Выдернуть изъ кровли стебель соломы, чтобъ только онъ былъ съ колосомъ. Если въ колосѣ найдется зерно—женихъ будетъ богатый; если не будетъ зерна—женихъ будетъ бѣднякъ; если солома безъ колоса, то жениха тотъ годъ не будетъ. Здѣсь одно замѣчательно, что у плохаго молотника дочь должна имѣть непремѣнно богатаго жениха, хотя отецъ ея бѣднѣе хорошихъ молотниковъ.

8. Налить воды въ тарелку; положить на нее нѣсколько соломинокъ въ видѣ мостика, и поставить себѣ подъ кровать. Суженный придетъ перевесть невѣсту черезъ мостъ.

9. Проснувшись утромъ 29 Ноября, подвязаться поясомъ; цѣлый день молиться и не ѣсть ничего; ложась спать, снять поясъ, положить его крестомъ подъ подушку; потомъ сказать громко:

«Живу въ Кіевѣ на горахъ,
«Кладу хрестъ въ головахъ;
«Съ кимъ винчаться,
«Съ кимъ заручаться,
«Съ тымъ и за руки держаться.»

Ночью явится женихъ, или какъ называютъ его *«судьба»*, а еще иначе: *«дружба.»*

10. Посадить *«пивня въ дижу»* и поставить *«на покути,»* на полу поставить миску съ водой, и тутже посыпать кучки проса, ржи, гречихи. Если пѣтухъ изъ дѣжи кинется на зерно,—женихъ будетъ славный хозяинъ; если онъ кинется къ водѣ—женихъ будетъ—*поганый пьяныця.*

11. Но лучшій, употребительнѣйшій, ни когда необманчивый рецептъ гаданья, вотъ онъ: спечь небольшія здобныя булочки, *балабушки*; сверху примазать ихъ масломъ и положить попарно на скамьѣ, т. е., на *ослони*, каждую пару назвать именами, предполагаемыхъ невѣсты и жениха. Впустить въ избу собаку, которая ничего-бы не ѣла цѣлый день. Хотя балабушки положены попарно, но обыкновенно собака одну съѣстъ изъ одной пары, другую изъ другой, такимъ образомъ она составляетъ пары по своему. Вотъ то-то будетъ свадьба, а вовсе не такъ, какъ положено гадающими. Но если сброситъ собака балабушку на полъ, то это дурно; это предвѣщаетъ если не смерть, то покрайней мѣрѣ одиночество на цѣлый будущій годъ.

Декабря. Въ день святаго Наума хорошо начинать учить дѣтей; наука пойдетъ *на умъ*.

4, 5, 6 Декабря. На Варвары, говорятъ, зима ложится: «Варочка постеле, «Савва погладыть, а Мыкола стукне.»—А между тѣмъ «Вар«вара ночи вкрала, дня прыточала.»

Въ эти-же дни волки начинаютъ бѣгать стаями, и разгонятъ ихъ первые только выстрѣлы, которые раздадутся при водоосвященіи въ день Богоявленія Господня.—

2[illegible] Декабря. Въ день Рождества Христова вечеромъ *колядуютъ*. Женщины, а преимущественно дѣвушки идутъ толпами по улицамъ; часто несутъ онѣ фонарь въ видѣ мѣсяца, или звѣзды, который освѣщенъ разноцвѣтнымъ огнемъ, съ помощью крашеной бумаги, и вертится на шестѣ. Дѣвушки подходятъ къ окнамъ избъ, и поютъ пѣсни: къ хозяину, къ сыну, къ хозяйкѣ, къ дочери. Пѣсень таковыхъ; весьма много, названье имъ *колядки*. Вотъ нѣсколько изъ нихъ:

КОЛЯДКИ.

А у пана Ивана, да іого двори
Стояло дерево тонке, высоке;
Тонке, высоке, лыстомъ шыроке;
Изъ того дерева церковка рублена;
А въ той церковци стоятъ тры престолы:
На першомъ престоли—святее Риздво,
На другомъ престоли—святого Васыля,
На третіомъ престоли—хрестытель Иванъ.
Святее Риздво намъ радость прынесло,
Святый Васыль Новый годъ прынисъ,
Хрестытель Иванъ воду охрестывъ.

***

Ишовъ, перейшовъ мисяць по небу,
Да стрився мисяць зъ ясною зорею;
Ой зоря, зоря! де въ Бога була?
Де въ Бога була, де маешъ статы?—
«Де маю статы? у пана Ивана
«У пана Ивана да на іого двори
«Да на іого двори, да у іого хати.
«А у іого въ хати дви радости іе:
«Першая радость—сына женыть;
«Другая радость—дочку оддавать;
«Сына женыты—молодца Мыколу;
«Дочку оддаваты—молоду Наталку;
«Бувай же здоровъ, молодый Мыколо,
Да не самъ съ собою, зъ отцемъ и зъ матирью,
«Изъ мылымъ Богомъ, изо всимъ родомъ,
«Исусомъ Хрыстомъ, святымъ Рожествомъ.»

***

«Да чому ты, дивчыно, гуляты нейдешъ?»
—Ой якъ мени, дивчыни, гуляты пойты,
Що мои братики зъ войска приихалы;
Прывезлы мени тры подарочка:
Першый подарокъ—золотый перстень,
Другый подарокъ—зеленая сукня,
Третій подарокъ—перлова нытка.
Золотый перстень якъ огонь сяе,
Зеленая сукня слидъ замитае,
Перлова нытка голову обвязуе;

***

Ой гула, гула крутая гора,
Що не вродыла шовкова трава,
Тыльки вродыло зелене выно;
Красная панна выно стерегла,
Выно стерегла, крипко заснула.
Якъ налетилы Райскиіи пташечки,
Обдзюбалы зелене выно,
Да й пробудылы красную панну.
Ой скоро-жъ вона тее учула,
Своимъ рукавцемъ на іихъ махнула:
«Ой шугы въ лугы! райскія пташки,
«А мени вына треба й самой:
«Брата женыты, сестру одаваты,
«Сама молода зарученая.

*
* *

А въ сіого пана скамья заслана,
Да на той скамьи тры кубкы стоять;
Въ першому кубци медокъ солодокъ,
Въ другому кубци крипкые пыво,
Въ третіому кубци зелене выно.
Зелене выно для пана того,
Крипкее пыво для жинкы іого,
Зелене выно для іого дитокъ.

*
* *

Ой заказано и загадано,
Святый вечоръ!
Всимъ козаченькамъ у військо йты,
Пану Ивасеньку короговъ несты
А въ іого ненька
Вельми старенька,
Выпроважала
И научала:
Ой сынку мій сынку!
Не поперэжай вередъ війска,
И не оставайся позади війска,
Держыся ты війска все середніого,
И казаченька все статечного.
Молодый Ивасенько не послухавъ неньки,
У переди війска конемъ игре,
А позади війска мечемъ махае.
Колы вынъ якъ гляне, ажъ тутъ и самъ Царь:

«Ой колыбъ я знавъ,
«Чій то сынъ гулявъ,
«Да я бъ за іого й дочку оддавъ,
«Й половыну царства іому бь я оддавъ.

***

Изъ за горы изъ за каменнои
Святый вечоръ!
Да выдтыль выступа велыкее війско,
А попереду панъ Ивашко иде,
Панъ Ивашко иде, коныка веде,
Хвалытся конемъ передъ королемъ;
Да нема въ короля такого коня,
Якъ у нашого пана Ивашка.
Хвалытся стрилою
Передъ дружыною;
Да нема у дружыны
Такои стрилы,
Якъ у нашого пана Ивашка.
Хвалытся лукомъ
Передъ гайдукомъ;
Да нема у гайдука
Такого лука,
Якъ у нашого пана Ивашка.
Да бувай же здоровъ пане Ивашку!
Да не самъ зъ собою,
Зъ отцемъ зъ матирью,
Зо всимъ родомъ,
Изъ мылымъ Богомъ,
Святый вечоръ!

СЫНУ ХОЗЯИНА.

Ой рано, рано куры запилы;
А ще ранійше (*такой то*) вставъ;
(*Такой то*) вставъ, лучкомъ забрязчавъ;
Лучкомъ забрязчавъ, братьевъ пробужавъ;
Вставайте, братця, коней сидлайте;
Коней сидлайте, хортывъ склыкайте;
Да пійдемъ, братця, въ чистее поле;
Ой тамъ я назнавъ куну въ дереви;
Ой вамъ же, братця, куна въ дереви;
А мени, братця, дивка въ тереми.

ЕМУ-ЖЕ.

У поли-поли війско стояло, соколе ясный,
папычу-красный!
(*имя*)
Війско стояло, ладу не знало;
Ладу не знало, (*имя*) прохало;
Вывелы іому коня въ наряди;
Вынъ іого взявъ, шапки не знявъ;
У поли-поли війско стояло;
Війско стояло, ладу на знало;
Ладу не знало, (*имя*) прохало;
Вынесли іому мыску червынцивъ;
Вынъ іихъ узявъ, шапки не знявъ;
У поли-поли и проч.
Вывелы дивчыну іому въ наряди;
Вынъ дивчыну взявъ, шапку знявъ.

ДОЧЕРИ.

Ой рясна, красна въ лузи калына;
А ще краснійша (*такого-то*) дочка;
По двору ходыть, якъ мисяцъ сходыть;
Въ синечки прышла, якъ зоря зыйшла;
Въ хату прыйшла, паны стричають;
Паны стричають, шапкы знымають;
Шапки знымають, іеіи пытають;
Чы ты царивна, чы королевна?
Тожъ не царивна, не королевна;
То дивчына (*такого-то*) дочка;
Мы-жъ іеіи поважаемъ;
Святымъ Риздвомъ поздоровляемъ;
Зъ отцемъ, изъ иенькою, изо всимъ родомъ.

МАЛОЛѢТНОЙ ДОЧЕРИ.

У Кыеви на рыночку,
На жовтому на писочку,
Тамъ дивчинка садъ сажала,
Садъ сажала, полывала,
Полывавшы, примовляла:
«Росты саду высче мене,
«Высче мене, красче мене.»

Въ саду да тры корыстонькы:
Перша корысть—оришенька;
Друга корысть—то вышенькы;
Третя корысть—то яблучки;
Оришками—чечоватыся;
Вышенькамы—забавлятыся;
Яблучками—пидкидатыся;
Да бувай здорова зъ отцемъ зъ матирью;
И зъ мылымъ Богомъ, и зо всимъ родомъ;
Исусомъ Христомъ, Святымъ Рожествомъ.

Иногда въ пѣсняхъ этихъ есть юморъ, напр.

Хрыстосъ родывся,
Иродъ сказывся,
Й вамъ того желаемъ,
Съ чимъ васъ поздоровляемъ.

Въ колядкахъ послѣ каждаго стиха повторяется:

«Святый Вечоръ!»

Иногда колядки имѣютъ прекрасное назначеніе. Въ 1848 году нѣсколько моихъ крестьянъ собрались украсить церковный престолъ рѣзьбою и позолотою. Они поручили священнику просить, чтобъ я позволилъ имъ колядовать и собранные деньги употребить на это украшеніе. Я, съ удовольствіемъ, увидѣлъ въ этомъ дѣлѣ ихъ религіозность и преданность къ обычаямъ прадѣдовъ; я имъ разрѣшилъ, съ тѣмъ чтобъ мнѣ представленъ былъ рисунокъ украшенія, для поправки его, если онъ можетъ обезобразить видъ.

Въ этотъ же день грамотные мѣщане, дьяки, школьники, церковные пѣвчіе собираются и носятъ по домамъ знаменитый кукольный театръ подъ именемъ *вертепъ*.

ВЕРТЕПЪ.

Малороссійскій вертепъ есть походный театръ, представляющій благочестивымъ христіанамъ великое произшествіе въ мірѣ: Рождество Спасителя. Нѣтъ сомнѣнія, что также представлялись многія другія произшествія, взятыя изъ священнаго

писанія, но уцѣлѣлъ и дошелъ до насъ, только вертепъ. Первоначальное происхожденіе вертепа можно отнести ко временамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, къ 1600—1620 годамъ, когда онъ началъ возобновлять кіево-братскую школу и академію. Слогъ кантовъ первой части вертепа говоритъ въ защиту моего мнѣнія, и кто читалъ стихи, сочиненныя духовными лицами того времени, тотъ найдетъ въ размѣрѣ и даже въ выраженіяхъ сходство неопровержимое. Нѣтъ сомнѣнія, что первая часть вертепа сочинена какимъ нибудь значительнымъ духовнымъ сановникомъ, для поддержанія въ простомъ народѣ грекороссійской вѣры, которую гнали тогда корыстолюбивые іезуиты и крули съ магнатами. Малороссійскій вертепъ предшествовалъ театральнымъ представленіямъ, бывшимъ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ,—и взятымъ тоже изъ ветхаго и новаго завѣтовъ. Впрочемъ слогъ рѣшительно одинъ и тотъ-же. Эти представленія названы: *комедія Навуходоносоръ* и *комидія притча о блудномъ сынѣ*. Оба напечатаны въ осьмомъ томѣ древней россійской вивліоѳики. Не знаю, почему Новиковъ помѣстилъ комидію прежде комедіи. Навуходоноссоръ посвященъ царю Алексію Михайловичу, а блудный сынъ *Государямъ благочестивымъ*, т. е., въ двоецарствіе.

И Навуходоноссоръ, и блудный сынъ и вертепъ написаны, очевидно, малороссіянами, а слѣдовательно въ академіи кіевской.

Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что знаменитый того вѣка стихотворецъ, Симеонъ Полоцкій былъ въ то время въ Москвѣ. Я имѣю, если не подлинникъ то копію его стиховъ на смерть царя Алексія Михайловича, и слогъ всѣхъ четырехъ твореній весьма сходенъ между собою. Это средина между языками славянскимъ и малороссійскимъ. Приведу примѣры:

«Что *мои вы* совѣтники вѣрные! Како великодушіе мое «сіе объяти можетъ? Быстрая рѣка Тигръ *киваніемъ* руки моей

«точію установитися должча. Евфратъ *возбуряетъ* гордыя «своя волны по желанію моему даже до самыхъ облакъ.» Навуходон. стр. 189.

«*Велеможнѣйшій* Монархъ! аще ми *покорственнѣй-*«*шему* рабу твоему такожде слово изрещи къ сему долженствуетъ, тогда прежe смиренно о свободѣ и милостивомъ «*повельніи* молю, дабы безо всякаго опасства глаголати моглъ.» Навуходон. стр. 191.

«Братья любимая,
«Испійте вина;
«Силу бо даетъ,
«Внутрь укрѣпляетъ,
«Что и смерти не убоятися;
«Вино-же творитъ
«*Да ся—веселитъ*
«Человѣкъ во житіи.»

Навуходон. стр. 271. 272.

«Радости наша сыновъ твоихъ *славо*,
«Между пречестныхъ честнѣйшая *главо!*
«Отче любезный, намъ данный отъ Бога
«Живи въ радости здравъ на лѣта многа.

Блуд. с. 37.

«Что стяжу въ дому? чему изучуся?
«Лучше въ странствіи умомъ обогачуся;
«Юньшихъ *отъ мене* отцы посылаютъ,
«Въ чюжлыя страны, *потомъ ся нехаютъ.*»

Блуд. с. 39.

Это очевидно писалъ малороссіянинъ, и въ добавокъ Симеонъ: послѣдніе стихи такъ ясно примѣнены къ Петру Великому, тѣмъ болѣе, что ихъ произноситъ «сынъ юнѣйшій ко отцу.»—Теперь приведемъ стихи изъ находящейся у меня драгоцѣнной рукописи.

«Егда изволитъ Господь духъ мой взяти,
«Повели чинно тѣло земли вдати;
«О душѣ паки Господа молити,
«Дабы изволилъ въ свѣтлый рай вселити;

«Поминанія обычай соблюди,
«Родителей ты никогда забуди;
«Православную вѣру да держиши,
«Бога въ Тройцѣ Единаго чтиши.»

Я увѣренъ, что Симеонъ Полоцкій писалъ два вышеприведенныя театральныя представленія, и что онъ заимствовалъ форму ихъ изъ кіевскаго вертепа; а въ Кіевъ занесенъ вертепъ черезъ польшу съ запада, гдѣ издавна представляемы были произшествія, взятыя изъ священнаго писанія; на примѣръ:

1. Mathieu!
2. Plait-il, Dieu?
1. Prends ton épée
Et t'en va toi en Galilée,
2. Prendrais-je aussi mon épée?
1. Oui, Mathieu.
2. Adieu, Dieu!

Эти представленія были въ ходу вездѣ на западѣ, поддерживали вѣру, напоминали о библейскихъ произшествіяхъ, и, снисходя къ простотѣ народа, поучали его добродѣтели.

Нашъ вертепъ есть походный домикъ въ два этажа. Сдѣланъ изъ тонкихъ досокъ и картона. Верхній этажъ имѣетъ балюстраду, за балюстрадой совершается мистерія: это Виелеемъ. Въ нижнемъ этажѣ тронъ Ирода; полъ оклеенъ мѣхомъ для того, чтобъ не видно было скважинъ, по которымъ движутся куклы. Каждая кукла прикрѣплена къ проволокѣ; подъ поломъ конецъ этой проволоки; за этотъ конецъ, придерживая куклу, содержатель вводитъ ее въ дверь и водитъ по направленію, какое для нее необходимо. Разговоръ отъ имени куколъ происходитъ между дячками, пѣвчими и бурсаками то писклывымъ голосомъ, то басомъ, смотря по надобности. Вторая часть представленія происходитъ вся въ нижнемъ этажѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

1. ПОНОМАРЬ, *въ обыкновенномъ сѣромъ нанковомъ халатѣ; волосы съ продѣломъ на серединѣ головы, прямо противъ носа и съ косою.*

2. 3. АНГЕЛЫ, *съ крыльями и одинъ изъ нихъ съ лиліею.*

4. 5. ПАСТУХИ, *въ обыкновенныхъ кобенякахъ съ видлогами.*

6. ИРОДЪ, *въ парчевомъ кунтушѣ, съ короною на головѣ, и съ скипетромъ.*

7. ТѢЛОХРАНИТЕЛЬ, *Ирода, въ чешуйчатыхъ латахъ, съ огромнѣйшимъ мечемъ, и въ шлемѣ.*

8. ТРИ ЦАРЯ ВОСТОЧНЫХЪ, *въ парчевыхъ кунтушахъ, съ коронками на головахъ, вмѣстѣ всѣ три связаны другъ къ другу плотно, и въ этой позиціи движутся.*

9. САТАНА, *чорный, съ хвостомъ, съ крыльями летучей мыши, съ огромными рогами и съ уголькомъ во рту, на рукахъ пальцы съ когтями, нога лошадиная.*

10. СМЕРТЬ, *скелетъ съ косою.*

11. РАХИЛЬ, *въ жидовскомъ костюмѣ, съ ребенкомъ на рукахъ.*

12. ВОИНЫ, *съ копьями, въ шлемахъ, въ латахъ.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Изъ партитуры № 1.)

ХОРЪ. Нинію время и молитвы часъ,
Христе рожденный, спасы всихъ насъ.

ПОНОМАРЬ, *(говоритъ безъ пѣнія)*:

Возстаните отъ сна и благо сотворите,
Рождшагося Христа повсюду возвистѣте,
Сіе вамъ, людые, охотно глаголю;
И благословите: пойду, да позвоню.

Онъ подходитъ къ колоколу, который виситъ въ нижнемъ этажѣ, и звонитъ; въ тоже время выдвигаются въ верхнемъ этажѣ горящія свѣчи, и освѣщаютъ фонъ, гдѣ предполагается колыбель Спасителя; надъ этимъ мѣстомъ сіяніе; но ни младенца, ни рождшей не видно.

ХОРЪ, *за сценой. Голосъ № 2.*

Ангелы снижайтеся;
Ку земли зближайтеся,
Богъ—Господь, который зъ нами
Днесь,—отъ вика онъ былъ зъ нами,
Славой неба претосполны,
Вси языци претольщи
Веселытеся, радуйтеся,
Яко съ намы Богъ.
Небомъ земля сталася,
Якъ Бога дождалася;
Де творецъ Архангеловъ,
Тамъ треба ц Ангеловъ.
Славой неба престополны,
Вси языци претолыцы,
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.
Якъ люцыферъ спавъ зъ неба,
То тамъ святыхъ людей треба,
Щобъ поповныть паденые
Довжно Христу рожденые.
Славой и проч.
Богъ сіогодня раждается,
Небомъ земля зполняется,
Трепещуть Архангелы,
Служать іому вси Ангелы.
Славой и проч.
Яко съ нами Богъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Два ангела, во время пѣнія 3 и 4 стиховъ второй строфы, входятъ въ верхній этажъ, со свѣчами, кланяются Виѳлеему, потомъ всѣмъ христіанамъ, то есть, зрителямъ; по окончаніи пѣнія, одинъ изъ нихъ уходитъ, а другой, приблизясь къ дверямъ, говоритъ безъ музыки:

АНГЕЛЪ.

Возстаньте пастыріе и бдите зѣло,
Возстаньте и радуйтесь, яко се приспѣло
Рождество Спасово, міру пророками предрѣченно,
Который вже родывся отъ дивы совершенно;
Возстаньте и славте іого повсюды,
Да узнаютъ о немъ окрестные люды.

Ангелъ уходитъ.

Разговоръ двухъ пастуховъ за сценою.

ПАСТУХЪ 1-й. Грыцьку!

ПАСТУХЪ 2-й. А що Грыцьку?

ПАСТУХЪ 1-й. Вставай хутенько, выберы ягня маленьке, да підемъ генъ-генъ на гору, може ще й мы поспіемо въ пору.

ХОРЪ. *за сценою. № 3.*

Слава буди въ вышнихъ Богу,
Дающему радость премногу,
Рожденну, явленну
И во ялѣхъ безсловесныхъ положенну.
Щобъ даровавъ златыи литы
Намъ пожыты въ ныхъ многія литы,
Спивайте, играйте,
Вси люді рожденнаго восхваляйте.
Ты, вертепе, возвеселыся
Се-бо въ тоби Хрыстосъ родыся,
Во струнной псалтыри

Рожденнаго прославляйте во всемъ міри.
Волъ и оселъ іого вытають,
Пастыріе іого прославляють,
И цари государы
Отъ Персъ и Индіи принесоша дары.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пастухи приносятъ ягненка въ даръ Божественному Младенцу.

ПАСТУХЪ 1-Й.

Отъ-се-жъ и мы, Панычу, до вашой таки мосци,
Але-жъ, Грыцько съ Грыцькомъ прииделыся въ гости;
Ось и ягня Вамъ принеслы изъ сильского стада,
Нехай буде да здорова вся наша громада.

ПАСТУХЪ 2-Й.

Да годи лышъ, Грыцьку, тоби тутъ блеяты,
Да нумъ проздравляты,
Може кому чы не часъ й до стада чухраты.

ПАСТУХЪ 1-Й.

Якъ такъ, ты бувай-же, Панычу, здоровъ;
Да й намъ дай, щобъ и мы такы булы здоровы,
Да изъ сихъ чижмачкивъ обулысь въ сапьяновы.
Благословы-жъ сей пидарокъ выдъ насъ прыняты,
А намъ дозволь погуляты.

Скрыпка за сценою играетъ дудочку

Оба пастуха танцуютъ и приговариваютъ:

Зуба, зуба на сопилку!

ПАСТУХЪ 2-Й.

Спасыби-жъ Вамъ, мы-бъ довше тутъ гулялы,
Дакъ хлиба изъ дому не бралы.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ нижнемъ этажѣ начинаютъ слѣдующее дѣйствіе: воины входятъ и уходятъ: хоръ за сценой начи-

наетъ пѣть; Иродъ съ тѣлохранителями тихо идетъ къ трону черезъ сцену.

ХОРЪ, *за сценой. № 4.*

Днесь Иродъ грядетъ въ страны своя выѳлеемскія,
Плиныты вси храмы,
Дабы зыскаты Хрыста нарожденна,
Отъ тріехъ царей іому извищенна,
Со воинствомъ премногымъ.
И веливъ же онъ во своемъ повити
Живущіе въ немъ вся диты избыты,
Во двоихъ лѣтѣхъ и ныжайше,
Во тріехъ лѣтѣхъ и множайше,
О Ироде преокаянный!

Иродъ гордо садится на тронъ, тѣлохранители удаляются.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Три восточные царя идутъ тихо къ Ироду.

ХОРЪ, *за сценой. № 5.*

Шедше тріе цари
Ко Христу со дары,
Иродъ ихъ пригласи,
Куда идутъ? испроси.

ИРОДЪ *встаетъ, встрѣчаетъ ихъ и говоритъ:*

Царіе и друзи, куда шествіе ваше?
И кому такіе драгіе дари и поклонъ приношаше?

ЦАРИ, *со смиреніемъ.*

Ко Христу новорожденному идемъ поклонъ отдати,
Дабы въ милости его вѣкъ свой пребывати.

ИРОДЪ.

Да гдѣ-жъ онъ родился? если въ моемъ царствѣ,
То невозбранно идите, ищите;
Прошу же и меня вскорѣ о семъ извѣстите;

Ибо и азъ пойду, ему поклонюся,
И яко предъ сильнымъ царемъ смирюся.

Цари переходятъ въ верхній этажъ; Иродъ садится.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ХОРЪ, *за сценою* *№ 5.*

Отвѣщаша іому,
Идемъ къ рожденному;
Къ рожденному идите,
И мя возвѣстите.

Азъ, шедъ, поклонюся,
Предъ Христомъ смирюся,
Возламъ честь обычну
Цареви прылычну.

Звѣзда идетъ чудне
Зъ востокъ на полудне,

здѣсь звѣзда появляется въ верхнемъ этажѣ и предшествуетъ царямъ,

Надъ вертепомъ сіяетъ,
Царя Христа являетъ.

Цари подходятъ къ Виѳлеему и кланяются.

ЦАРИ.

Се къ тебѣ, Христе, Царю нарожденный,
Да будемъ сылою твоею ограждены!
Пріими трудъ нашъ,
Мы бо пріидохомъ ти витати,
И смиренный поклонъ тебѣ оддати.

Цари уходятъ; ихъ встрѣчаетъ ангелъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АНГЕЛЪ.

Куда, царіе, мыслите идти? не къ Ироду изнову?
Инымъ путемъ идите, повирьте сему слову.

Иродъ вамъ, какъ вы въ іого булы, говорилъ лукаво;
Вы-же не слухайте іого, да идите на право.

ЦАРИ.

Благодаримъ тебе, ангеле, а наипаче Богу,
Що ты въ пути нашемъ показалъ дорогу;
Проведи же насъ, ангеле небесный,
Да не иматъ въ руки насъ Иродъ сей лестный.

Цари съ ангеломъ уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Дѣйствіе въ нижнемъ этажѣ. Иродъ сидитъ на тронѣ.

ХОРЪ, *за сценой. № 5.*

Ангелъ къ нимъ вищаетъ,
На путь наставляетъ,
Инымъ путемъ идите,
Ко Ироду нейдите.

Волфы возвратишася,
У Ирода не быша,
Вспять, вспять возвратишася,
Не вотще трудишася.

Пришли въ страны своя,
Христа славословя,
Чають съ нимъ небѣ жыты
Ему-жъ навикъ служыты.

ИРОДЪ, *разъяренный кричитъ.*

Какой, какой уронъ нашей царской славѣ!
Насмѣялись мнѣ дураки въ моей-же державѣ!
Я послалъ ихъ въ Виѳлеемъ, чтобы испытаты,
О необыкновенномъ семъ рожденномъ дитяты;
Но они мнѣ о немъ вѣсть не предложилы,
Какъ простого мужыка меня обольстылы.

Еще сильнѣе кричитъ.

Раскаленная утробо! не вимъ, что чыныты.
Азъ есмь царь, на земли хто мя можетъ слыты?
Пошлю вирные рабы, штобъ іого убыты.
О храбрыи мои вои, представите здѣ!
Вѣрно вы мнѣ должны служити вездѣ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ВОИНЫ, *входятъ во есѣ двери и разомъ говорятъ*

Государю нашъ, почто требуеши насъ?
Мы здѣсь всегда предстояли,
И приказы твои всегда выполняли;
Не можетъ-же сему во вѣки статься,
Чтобъ смѣлъ кто твоей державѣ посмѣяться.

ИРОДЪ, *сквозь слезы.*

Однако-же волфы меня осмѣяли,
Да и царскій приказъ ногами попрали;
Обойдите-жъ моя грады, вся мои предѣлы,
Убивайте всихъ младенцевъ, коихъ бы обрялы.

ВОИНЫ.

Государю, приказъ твой выполныть готовы.
Мы на всихъ враговъ твоихъ возложимъ оковь

ХОРЪ, *за сценой. № 6.*

Перестань рыдаты
Печальная маты!
И на радость преложися
Къ царю приближися.
Не имы за школу,
Видя, яко воду,
Кровь изливаемыхъ
И убиваемыхъ;
Къ жизни непремѣнной,
Ко смерти не тлѣнной,
За живота страту
Пріемлють за плату. (bis)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ВОИНЪ, *ведетъ Рахиль съ грудными ребенкомъ и говоритъ съ злобою.*

Ступай, баба, ступай! не вгипайся, ступай!

Къ царю.

Вотъ, царю, твой приказъ мы добрѣ спальняли;
Во всихъ гарадахъ дѣтей убивали

Се адинъ изъ младенцевъ въ царствѣ южъ застался;
Я долго за его матерью ганялся;
Се послѣдня жива предъ тобою,
Мать хочетъ заминыть смѣрть іого собою.

ИРОДЪ.

Я царскому слову не могу измѣнить,
И велю тотчасъ не мать, а отроча убить.

Воинъ схватываетъ на копье ребенка.

РАХИЛЬ.

Ахъ неспосная печаль духъ мой снидаетъ,
Что сей лютый воинъ чадо убиваетъ:
Вырвавшы изъ нѣдръ моихъ, хощетъ погубиты.
О нещастіе мое, что буду чыныты?
Щастливы тѣ жены, кои не раждаютъ.
Скорби и печали во все не знаютъ.

Бьетъ себя въ груди; воинъ уходитъ.

ХОРЪ, *за сценой.* *№ 6.*

Иродъ несытый
Велытъ убиты,
А воинъ терзаетъ
И убиваетъ.

№ 7.

Маленкіи чады
Вси пребудутъ рады,
Тымъ бо съ неба платятъ,
Що животъ свій тратятъ
За Христа и Бога;
То имъ мзда премнога,
Малымъ отрочатамъ,
Закланнымъ овчатамъ.

РАХИЛЬ, *къ Ироду:*

Умилосердысь царь и возвраты мни чадо!
На що іого убилъ? оно еще есть младо!

ИРОДЪ.

Полно, баба, полно шумѣть!
Объ убитомъ нѣчего жалѣть.

ХОРЪ, *за сценой.* № 6.

Не плачь, Рахиле,
Що чадо не циле;
Не увядають,
Но процвѣтають (bis)
Вольныи крылья
Новой святыни;
Къ Богу и сыну
Имieшъ прычыну: (bis)

№ 7.

Твое бо пернате
Небомъ суть узяте:
Путь прошедше тисный
Побидныи писны
Поють Царю славы,
Иже iихъ избавы
Отъ сетей ловящихъ
Въ пагубу губящыхъ. (bis)

РАХИЛЬ, *къ Ироду прямо.*

О Ироде пребеззаконный, мучителю стопекельный,
Якую ты въ дитяхъ вину обритаешъ,
Що смертiю отъ сердцевъ нашыхъ отрываешъ?

ЯВЛЕНIЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

ВОИНЪ, *вбѣгаетъ, выгоняетъ Рахиль и уходитъ за нею.*

Ступай, баба, ступай! здѣсь баловъ не точи!

ИРОДЪ, *тихо, самъ съ собой.*

Увы, кая сихъ временъ здѣлалась премина?
Думавшу мни вѣчно жить, блызыться кончына.
Однакъ-же я съ смертiю сражаться буду.

Громко.

Вои вирныи мои! станьте у порога,
И да смерть не убижытъ, ловить яко мога!

ЯВЛЕНIЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ВОИНЫ, *входятъ толпой во всѣ двери, и становятся у пороговъ.*

ХОРЪ. *За сценою. № 8.*

Тутъ смерть выходыть, речетъ къ нему выну.
Почто дерзнувъ пролыть кровь неповынну?
За ню же, реку, стяжу твою душу,
И пригласыты други свои мушу
О, Ироде преокаянный!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

СМЕРТЬ *входитъ, воины, испуганные убѣгаютъ.*

Що ты Ироде не сытый!
Почто се болтаешъ.
И мене убиты
Воямъ повеливаешъ?
Изъ пропасты ада
Будешъ ты знаты,
Неповынны чада
Якъ убиваты.
Выйды, брате, друже,
Меня пособыты,
Кровопыйцю Ирода
Отъ земли стребыты!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Сперва подъ поломъ, а потомъ-за сценой все громче и громче, басомъ, слышно:

Гупъ, гупъ, гупъ, гупъ, гупъ.

Потомъ входитъ чортъ, и продолжаетъ: гупъ, гупъ.

ЧОРТЪ, *къ смерти.*

Почтося, моя другыня, зовешъ на пораду?
Тотчасъ умерщвлю й препоручу аду.

Къ Ироду.

А покуда ты, несытый Ироде, будешъ спорыться зъ моею сестрою?
Разви ты не хочешъ брататься зо мною?

Къ смерти.

Поднымы, сестро, косу! вдарь іого во глàву!
Щобъ знaлы повсюду нашую державу.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ИРОДЪ *привстаетъ; отъ страху рѣшился на смѣлость, и дьячковскимъ голосомъ кричитъ на смерть:*

Што мя словеси стращаеши?

СМЕРТЬ, *тѣмъ же голосомъ.*

Разви ты мене и до днесь не знаеши?

ИРОДЪ.

Азъ есмь богатъ и славенъ,
И нѣсть нихто мнѣ равенъ.

СМЕРТЬ.

Слава и богатство прейдутъ!
Сей косы довольно взмаху,
И мертвъ ужъ человикъ отъ страху.

ИРОДЪ.

Косы ты, баба, траву своей косою,
Не тебѣ, машкаро, спорыться зо мною!
Я могуществомъ и сылою
Заставлю тебе покорыться.

СМЕРТЬ.

Безумне! всіого свита я сильній нахожуся;
Изначала вика никому не клонюся;
Азъ есмь монархыня, всіого свита пани,
Я царыца суща на всякыи страны.
Князіе и царіе подъ властью моею,
Усихъ васъ я посѣчу косою своею.

Даетъ ударъ косы по Ироду, тотъ падаетъ, и домо трепещетъ; смерть уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ХОРЪ, *за сценой поетъ въ то время, какъ Иродъ все еще въ конвульсіяхъ. № 8.*

Дерзай отъ смерти посѣченъ косою,
Да идетъ во адъ и живетъ съ тобою;
Ты будешъ тамо всегда пребываты,
О, Ироде преокаянный!

Сперва подъ сценою, потомъ за сценою слышно опять:

Гупъ, гупъ, гупъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ЧОРТЪ, *входитъ, хватаетъ въ объятія Ирода и басомъ, отрывисто, протяжно говоритъ:*

Друже мій вирный; друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глыбочайшей бездни.

Еще громче и скороговоркой:

Отъ такъ беруть, отъ такъ несуть
Роскошникивъ свита!
Понеже дать не могуть
Предъ Богомъ одвита.

ХОРЪ, *за сценою. № 8.*

Не видавъ же онъ, що изтребыться
И царство іого въ конецъ разорыться.
Заслуга іого знатна всимъ и явна
За то-й пекельна бездна изготованна.
О, Ироде преокаянный!

Занавѣсъ опускается.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Дѣйствующія лица въ своихъ національныхъ костюмахъ; дѣйствіе второе въ нижнемъ этажѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ДИДЪ И БАБА.

ДИДЪ. Отъ теперь и намъ припало,
Якъ Ирода вже не стало:
Потанцюймо-жъ, молодычко,
Мій ружевый квитъ, хоть мало.

БАБА. Гляды лышень, сучій диду,
Щобъ не ввелы танци въ лыхо,
Забрались-бы у тисный кутъ,
Да хлибъ соби iлы-бъ тыхо.

ДИДЪ. Да що ты мени бовтаешъ,
Чого и сама не знаешъ.
Ты говорышъ ричь сю лишню,
А я-бъ тоби сказавъ пыйты,
Пидъ черешеньку, пидъ вышню.

ХОРЪ. *поетъ.* № 1.

Дѣдъ съ бабою танцуютъ.

Ой пидъ вышенькою, пидъ черешенькою
Стоявъ старый зъ молодою
Якъ изъ ягодою. } bis

И просылася, и молылася:
Пусты мене, старый диду,
На улыцю погулять. } bis

Ой и самъ не пыйду, и тебе не пущу
Хочешъ мене старенького
Да покинуты. } bis

Ой не кидай мене, бабусенько моя,
На чужой сторони-и
Пры лыхій годыни. } bis

Куплю тоби хатку, ище й синожатку,
И ставокъ и млыно-окъ,
И вышневенькій садокъ. } bis
Ой не хочу хатки, а ни синожатки,
Ни ставка-а, ни млинка-а,
Ни вышневаго садка. } bis
Ой ты старый: кахи, кахи!
А я млада: хихи, хихи!
ДИДЪ. Да годи-жъ, годи-жъ, годи-жъ бо вже!

Кланяются публикѣ и уходятъ, съ перепугу, увидя солдата, который имъ кричитъ: кой чортъ васъ здѣсь развеселилъ и проч.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СОЛДАТЪ, *на дида и бабу,*

Кой васъ чортъ здѣсь разносилъ?
Вѣдь тотчасъ патащу къ ахвицеру,
Штабъ вы знали крестіянску вѣру.

Къ зрителямъ.

А здраствуйте, честные гаспада!
Не булоль тутечки здѣсь салдатъ?
Съ ними времечко правести я радъ;
Но какъ оныхъ здѣсечка тутъ нѣтъ,
То примить, гаспада, мой привѣтъ.

Рѣчь:

Я солдатъ прастой, не богословъ,
Не знаю красныхъ словъ;
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита;
Читать и писать не вмѣю,
А гавару, што разумѣю:
Ноныча люди веселяться,
Да й подлина, какъ не удивляться:
Христосъ въ вертепѣ народился,
А Иродъ окаянный сказился;
Боюся царства лишиться,
Вздумалъ дѣтской кровью омыться.

За то Иродушкѣ пришлось жестоко,
Какъ черти тащили въ адъ его глубоко.
Каковую вѣсть вамъ ста собщаю
И васъ Христовымъ Рождествомъ поздравляю.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

СОЛДАТЪ И ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

СОЛДАТЪ.

А, Дарья Ивановна, каково живете?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Скучаю за вами, Игнатій Парамоновичъ.

СОЛДАТЪ.

Благодарю васъ за память.

Цалуются, скрыпки играютъ камарицкую, танцы, вдругъ слышенъ барабанъ, № 2.

Ахъ, Дарья Ивановна, барабанъ слыхать!
Мнѣ треба въ походъ ступать.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА, *цалуетъ его.*

Прощайте, Игнатій Парамоновичъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЦЫГАНЪ НА КОНѢ.

Монологъ.

Дягы, дягы; забувъ, батю, дугы!
На шлявъ да-ры-да-ты,
Бо йду, проздра-вля-ты.

Къ зрителямъ.

Крыця не лошыця, кремень не кобыла,
Якъ бижыть, ажъ дрыжыть, якъ впаде, то й лежить.

Кобыла падаетъ, а съ нею и цыганъ въ снѣгъ.

Пху! побыла-бъ тебе лихая да нещастлыва годына!
Пре пре пре каторжного батька скотына.

Щобъ тоби ни стрыло̀, ни брыло̀,
Щобъ тебе на свити не було!
Одынъ въ роти зубъ держався,
Дай той теперъ у снѣгу зостався.

Къ зрителямъ.

Панове! хто хочетъ будемо миняты!
Далыби, що іеін стоить продаты.

Не много помолчавъ.

Нихто ни шажка ни копіечки не хоче даты?
А тутъ то суча кобыла брыкуча,
Хочъ ребра въ іеін й дуже выдно,
Да все-жъ за годъ вона раздобріе;
Колы жыва буде, боятымутся люде;
Хутко бига.

Бьетъ кобылу плетью и кричитъ:

До шатра! до шатра! до шатра!

Кобыла вспрыгиваетъ и убѣгаетъ.

Охъ юсты-жъ, юсты, смадженой капусты!
Хочь-бы смальцемъ зашароваты,
Да добре попироваты.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Входитъ ЦЫГАНЕНОКЪ, СЫНЪ.

СЫНЪ. Йды, батько! маты казала вечерять.

ЦЫГАНЪ. А щожъ доброго вы тамъ наварылы?

СЫНЪ. Казала маты: ничого.

ЦЫГАНЪ. А хлибъ-же іе?

СЫНЪ. Де-бъ то взявся? нема.

ЦЫГАНЪ. Такъ дарма; я тутъ съ людьмы добрымы погарцюю;
А вы вечеряйте соби здоровы.

Цыганенокъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Входитъ цыганка съ кувшиномъ въ рукѣ.

ЦЫГАНКА. Гараську, Гараську!
Изіила собака порося в паску;
Да ще й перець вынюхала!
Теперъ кого пеняты?
Нигде й хлиба взяты!

ЦЫГАНЪ. Ой жинко, жинко; я шекъ-монодекъ,
Фунъ-фунъ-фонфора!
У мене що ны день, то копійка свижа.
Чи молочка? то й на, на!
А чи сальца? то й на, на!
А теперь то я-жъ зъ голоду вмыраю.

ЦЫГАНКА. Э, старый котюго! ше й тоби мене
Огъ-се дратоваты?
А якъ знавъ-бы ты соби михомъ подуваты,
Да зализо горячее, молотомъ ковать.
Якъ ударю я тебе кичвою сіею,
Не будешъ ты знущатысь надъ бидностью моею.

Даетъ ему пощочину.

ЦЫГАНЪ, *грозитъ ей плетью.*
Ой жинко, якъ начну сергіемъ лататы,
То вся шкура на тоби буде трищаты.

ЦЫГАНКА. И не лай-же мене,
И не бый-же мене:
Прынесу я борщыку
Въ полывяныиъ горщику.

ЦЫГАНЪ. Хутко-жъ, жинко, да не бавсь.

Цыганка уходитъ и опять возвращается.

ЦЫГАНКА. Тутъ то страва, тутъ-то люба!
Покоштуешъ, зъысне губа.

ЦЫГАНЪ. А дай же покоштовать.

Пьетъ изъ глечика, потомъ плюетъ и говоритъ съ досадою.

Ге, побила-бъ тебе годына лыхая!

Така твоя й страва якъ и ты дурная:
Твій борщъ да походывъ на ракову юшку.

ЦЫГАНКА.

Кыдала мый мыленькій й цыбулю й петрушку;
А для свого господара,
Й кусокъ сала изъ комара.

ЦЫГАНЪ.

Гайда-жъ до шятра дітей годуваты,
А колы хочь то й вернысь, да нумъ танціоваты.

Скрыпка играетъ. № 3. Цыганъ поетъ и танцуетъ съ цыганкою.

Чомъ, цыгане, не орешъ? Бо немаю плужка!
Тыльки въ мене поясъ е; за поясомъ пужка.
Чомъ, цыганко, не прядешъ? бо не вмію прясты.
Изъ за гаю
Выглядаю,
Щобъ сорочку вкрасты.
Ходимъ стара
До шатра,
Що мае Богъ даты!
Фунъ, фунъ, фонфора!
Проживемъ безъ хаты.

Танцуя, уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ВЕНГЕРЕЦЪ, *въ гусарскомъ платьи.*

Терентенбасса, маленька басса, велыка басса,
Мòи пòля, мòя вòда, мòе блàто, мòе въ блати, мое све.

Входитъ мадьярка.

А здраствуй мадьярко!

Цалуются. Скрыпка № 4. Поютъ и танцуютъ.

Гу́ссаръ кòня наповавъ, Дзюба воду брала,
Гу́ссаръ писню заспивавъ, Дзюба заплакàла.
Не плачь, Дзюбо, моя любо, доки я зъ тобою,
Якъ поиду я одъ тèбе, заплачешъ за мною.

Ой хто любыть печерыци, а я люблю губы,
Ой хто любыть молодыци, я горнусь до Дзюбы.

Цалуются и уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ПОЛЯКЪ И МАЛЬЧИКЪ.

ПОЛЯКЪ.

А цо тута за галанцѣ!
Нѣхъ дзѣмбло вѣзмѣ гайдамацѣ!
Идьзь хлопку, ведзь до мнѣ кохапу,
Я ту краковьяку вытанцёваць стану.

Мальчикъ уходитъ.

Къ зрителямъ.

А цо, пановѣ?
Же бы вы знали, цо я естемъ зъ дзяда,
Изъ прадзяда, шляхтичь уродзёный.
Я былемъ ве Львовѣ,
Былемъ и въ Краковѣ,
Былемъ и въ Кіовѣ,
Былемъ и въ Варшавѣ,
Былемъ и въ Полтавѣ,
Былемъ въ Богуславѣ.
Падамъ до ногъ ясневельможнего пана!.....

Называетъ по фамиліи хозяина дому.

Зычу здрувья и внога лята.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Входитъ полька.

ПОЛЯКЪ,

А, якъ ся машъ, моя варшавянко?

ПОЛЬКА.

Будь здрувъ, мой кохянко.

Цалуются.

Скрыпка. № 5. Полякъ поетъ. Оба танцуютъ.

Сивы коникъ, сивы; зелюна кульбака;
Заѣхалемъ до неѣ,—нѣхцѣ мѣ собака.

Не жалуй дивчина барылечки вина,
Бо собѣ достанешъ добрей матки сына.
Же-бы ты вѣдзяла, цо о тобѣ мыслѣ,
Скоцилась-бы до мнѣ, ...
Хызбабымъ мусяла въ Краковѣ не бывацъ,
Жебымъ не умяла краковяка спѣвацъ.

Во время танцовъ, мальчикъ выходитъ изъ дверей и начинаетъ танцовать въ присядку за спиною своего пана, тотъ, дѣлая па назадъ, опрокидывается и кричитъ, лежа на полу:

А пудзь до дзембла, лайдакъ; батôгами забiю.

Вспрыгиваетъ и всѣ уходятъ въ ту минуту, когда за сценой пѣсня раздается:

Да небуде лучше, да не буде краще,
Якъ у насъ да на украини!
Нема . . . . . . нема. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Входитъ въ красныхъ шараварахъ, въ полной одеждѣ, съ люлькою и съ булавою, за спиной бандура.

ЗАПОРОЖЕЦЪ, *къ зрителямъ.*

Гай, гай, панове! що то якъ я молодъ бувъ!
То-то въ мене була сыла:
. . . . . бьючы й рука не млила.
А теперъ выдъ . . . . и блоха сыльнишь здается,—
Плеча й руки болять, уже сыла рвется!
Ой вы лита, лита, поганая справа,
Въ морду хоть зацупышъ, вже на та росправа.
Ой бандура моя золотая,
Колыбъ до тебе шынкарка молодая.
Танцiовавъ бы зъ ею до смаку, до смиха,
Одцуравея-бъ зъ ею навики одъ лыха.
Бо, бачь якъ заграю, не одынъ поскаче,
Да къ тому весилью може хто й заплаче!..
Я козакъ, горилку пью, люльку я курыкаю,
Е шинкаркы въ мене, а жинки не маю.
А васъ, панове, святками поздоровляю.

ПОНОМАРЬ, *(говоритъ безъ пѣнія)*:

Возстаните отъ сна и благо сотворите,
Рождшагося Христа повсюду возвистѣте,
Сіе вамъ, людые, охотно глаголю;
И благословите: пойду, да позвоню.

Онъ подходитъ къ колоколу, который виситъ въ нижнемъ этажѣ, и звонитъ; въ тоже время выдвигаются въ верхнемъ этажѣ горящія свѣчи, и освѣщаютъ фонъ, гдѣ предполагается колыбель Спасителя; надъ этимъ мѣстомъ сіяніе; но ни младенца, ни рождшей не видно.

ХОРЪ, *за сценой. Голосъ № 2.*

Ангелы снижайтеся;
Ку земли зближайтеся,
Богъ—Господь, который зъ нами
Днесь,—отъ вика онъ былъ зъ нами,
Славой неба претосполны,
Вси языци претолыци
Веселытеся, радуйтеся,
Яко съ намы Богъ.
Небомъ земля сталася,
Якъ Бога дождалася;
Де творецъ Архангеловъ,
Тамъ треба ц Ангеловъ.
Славой неба престополны,
Вси языци претолыцы,
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.
Якъ люцыферъ спавъ зъ неба,
То тамъ святыхъ людей треба,
Щобъ поповныть паденые
Довжно Христу рожденые.
Славой и проч.
Богъ сіогодня раждается,
Небомъ земля зполняется,
Трепещуть Архангелы,
Служать іому вси Ангелы.
Славой и проч.
Яко съ нами Богъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Поворожы, будь ласкова,
Далыби отдячу.
Хочъ не зручь дакъ хоть па вкыдки.

ЦЫГАНКА.

Ходыла цыганка по горахъ, долынахъ;
Носыла писокъ на вылахъ.
Скильки останется на вылахъ писку,—

Шепчетъ такъ, чтобъ запорожецъ неслышалъ; но тотъ слышитъ.

Стылькибъ у тебе осталось козаченьку духу.

Громко.

Ты зовсимъ здоровъ, вставай,
Да дохидъ давай.

ЗАПОРОЖЕЦЪ, *встаетъ.*

Потанцюю й же зо мною, бо дамъ прочухана.

Скрыпка. № 7. Танцуютъ.

ЦЫГАНКА.

Не жалуй, батеньку, копiечки, да дай дви.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Що ты кажешъ, цыганко? я не дочуваю.

ЦЫГАНКА.

Да я й сама, козаче, знаю.
То я кажу: не жалуй копiечки, да дай дви.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

За-що, або й на що тоби, скажи, будь ласкова.

ЦЫГАНКА.

Я бъ соби, голубе мый сызый, рыбкы купыла.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Може бъ ты, цыганко, й товченыки iила.

ЦЫГАНКА.

Охъ iила бъ, козаче, бурлаче; да дежъ то ихъ взяты?

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Цапleно ты голова! чому давно не казала,
Ябъ бъ тоби повну пазуху наклавъ.

Булавой бьетъ ее съ низу подъ спину.

Отъ тоби товченыкы! Отъ тоби товченыки!

Цыганка, подпрыгивая, убѣгаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ. *Танцуетъ. Скрыпка № 8. Потомъ говоритъ:*

Пыйты лышень до Хвеськи, да выпыть хочь пивквартывку, бо дуже щось сухо на языку.

Стучится въ дверь.

Хвесько, Хвесько! а Хвесько! Сердце, видчыны! видчыны, будь ласка! хиба ты нечуешъ? бо дай ты зозули нечула. Кажу тобы, видчыны, бо й двери выставлю и викны побью.

Отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ, потомъ разгоняется и лбомъ высаживаетъ двери, скрывается за сцену.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ЖИДЪ. *Въ носъ и съ протяжнымъ удареніемъ въ словахъ.*

Ой вай міръ, савафіяне;
Якъ гналыся, пакъ, Фараоняне,
Явреевъ самъ Богъ засцысцае,
За огненнымъ стовпомъ ихъ ховае,
Цудо друге луцце ще зробыфъ,
Въ цормномъ мори війско затопыфъ.
Мовса, Гарунъ, Дувидъ, святыи,
Воны вси бацылы цуда тыи.
Взе скоро оттый цасъ прыде,
Сцо хтось то насъ кругомъ обыйде
И сказе, бакъ, такъ:
Цесны Явреи! я Мессіясъ васъ!
Теперъ я царь и свитъ весъ насъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦЯТОЕ.

Входитъ жидовка.

ЖИДЪ. **Теперь, Сюро, нумъ танціоваты;**
А писля горилку перепродаваты.

Скрыпка. № 9. Жидъ танцуетъ и поетъ:

Ой вей мирь, татуню!
Ой вей мирь, мамуню!

Ой, ой, ой, ой!
Було у нас войска
Цотыри тысіонцы;
На тымъ войску сапки
Усе изъ заіонцы.
Ой вей миръ, татуню!
Ой вей миръ, мамуню!

Въ это время запорожецъ стучится, перепуганый жидъ кричитъ:

Бизы, Сюро до хаты, гросы ховаты,
Бизыть гайдамака, буде грабоваты.

Жидовка уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Запорожецъ и жидъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А здоровъ жидовыну,
Ерытычій сыну.

ЖИДЪ.

Здоровъ-зе бувъ, мылостывый пане.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А що тсе ты въ барыльци несешъ?

ЖИДЪ.

Сабасковую горилоцку-зъ, пане.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А ке-жъ и мени, покоштую.

ЖИДЪ.

Тызъ у мене и такъ, козаценьку, багато напыфъ.
Да-й гросей незаплатыфъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Отъ и притулывъ горбатого до стины;
Вы, бачу, вси жыды дурны.
Колы-жъ я у тебе горилку пывъ,
Да й грошей не платывъ?
Мабуть ты не знаешъ, якъ мене й зовуть.

ЖИДЪ.

Ты жъ пакъ Максымъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А брешишъ, поганцю: я зъ вику Протысъ.

Махаетъ булавою.

ЖИДЪ.

Нехайзе будешъ и прокысъ!
На, на! горылоцку пый.
Да тыльки мене не бый.

Открываетъ чопъ, запорожецъ пьетъ изъ барила, жидъ держитъ барило и трясется отъ страху.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Не трясы-бо, гадючій сыну, а то зубы побьешъ.

ЖИДЪ.

Пый, скильки лузъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Отце, яка мицна жидывска горилка.
Але-жъ якъ я бачу, то вже я упывся.

Падаетъ на землю, жидъ становится на него и душитъ его колѣнями.

ЖИДЪ.

А! цузои крови напывся,
Да й самъ скрутывся.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Що се по мени лазыть? глянь, глянь!
Э! се жыдъ такъ на мени пораегся;
Чи такъ-же въ насъ бьють?

Машетъ булавою.

ЖИДЪ.

Ой вей, миръ, гевултъ, вухъ! вухъ!

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Я ще й не вдарывъ а вынъ крычыть—опухъ!

Наноситъ ударъ булавою, жидъ падаетъ.

У насъ якъ бьютъ, дакъ съ прытыска, съ видвагы.
Не гадючій же жидъ зъ разу и скрутывся!
Де лышъ тыи макогоны, чы правдоньку звоны?
Пійду по іого душенци бевкну хочь разъ.

Подходитъ подъ колоколъ и звонитъ головою.

Що воно такее? навищо похоже?

Пидъ хуртовину була-бъ добра шапка;
Щебъ и брязчала зъ потылыци;
Отъ тогди хочь якій машталиръ
Тобъ зверпувъ зъ дорогы.
Дай горобцямъ пидъ негоду добре тутъ ховаться.
А може й на вершу вынъ прыгодыться.
Якъ бы то въ болото іого застромывъ,
То то бъ то ракивъ наловывъ.
Пийты-жъ, да жыда заволокты,
А то залигъ дорогу нильзя й разходыться.
А да бакъ, якъ бакъ чорта велычають?
А вже-жъ неякъ якъ може дидько.
Гей дидьку, дидьку, дидьку—го!
Ходы, будь ласковъ, вызьми жида;
Твого такижъ родного дида.
Пекельнымъ буде зъ іого жарке;
А чи ты зроду, дидьку, іивъ таке!
Буде зо всихъ васъ на цилый пистъ,
Видпасешся, пидымешъ хвистъ.

Прячется за дверь.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

ЧОРТЪ.

От теперъ я дождався,
Що жыдъ мени доставея.

Долго смотритъ на жида.

ЗАПОРОЖЕЦЪ, *подкрался и ударилъ его буласою.*

Отъ-се ты й доси не однисъ?
Якій съ тебе проворный бисъ?

Бьетъ чорта снова.

Несы жъ, несы, да кушай на здоровье.

ЧОРТЪ.

Гупъ, гупъ, гупъ.

Уноситъ жида.

Скрыпка. № 10. Запорожецъ танцуетъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Ище колы-бъ найты унъята ледащычку;
Щобъ врагъ узявъ, абы лышъ не пьяныччку;
Бо я прызнаться й самъ пьяпычокъ не люблю.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

УНІАТСКІЙ ПОПЪ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.
Про вовка промовка, ажъ дидько вовка и несе.
Высповидай мене, попе, пидъ попынкою.
УНІАТСКІЙ ПОПЪ.
Признавай грихы предо мною, покайся;
Передъ схизматскымы попы не признавайся.
ЗАПОРОЖЕЦЪ.
Чого соромляться? паноче, разкажу, що знаю.
УНІАТСКІЙ ПОПЪ.
Благо сотвориши, аще ничего неутаиши.
ЗАПОРОЖЕЦЪ.
Я зъ малку мандрую по свиту;
Я бивъ
. . . .
Небивъ уніатскихъ я попывъ,
Съ живыхъ зъ іихъ кожу я лупывъ.
Воны надъ козакомъ ждуть смерты,
Щобъ въ домовыну скорійше заперты;
Таскають, спивають, сміются,
А на помынкахъ, якъ попьются,
Дакъ тыльки не танцюють,
Мовъ, кони козацьки гарцюють.

УНІАТСКІЙ ПОПЪ. *Дрожащимъ голосомъ.*
Треба тоби до косціола ходыть;
Часты поклоны треба бить.
ЗАПОРОЖЕЦЪ.
Э! Бачъ? я зъ вику въ косціолъ не ходывъ,
Поклонывъ не бывъ, хиба тебе побью.
Уніатъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Монологъ запорожца.

А що? утикъ? а добре дуже я зробывъ;
Мовъ, десяты жидывъ побывъ.

Утикъ! а то пришлось бы чорта знову зваты,
Щобъ уніатьского попа да чортови отдаты.

Скрыпка. № 7. Танцуетъ.

Отъ-се-жъ якъ я дуже вморывся;
Мовъ коло плуга день возывся.
Треба лягты, да заснуты;
А ранкомъ можно и до Хвеськи,
Де лыснуты мокрухы.

Ложится на правый бокъ.

Такъ лягты не гарно.

Ложится на лъвый бокъ.

А такъ ище гирше.

Ложится на спину.

А такъ то за певне якій дилько задушыть,
Бо я слабовытый.
Гай, гай, панове! що то якъ я молодъ бувъ!

Ложится на брюхо.

Ляжу бакъ такъ, якъ мый батько колысь спавъ!
А я іого добре знавъ.
Теперь нехай на шыю хто сяде,
Устану рачки, дай повезу, якъ вылъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

ДВА ЧОРТА. *Входятъ и хотятъ взять запорожца; одного изъ нихъ онъ ловитъ за хвостъ; другой убъжалъ. Запорожецъ тянетъ чорта за хвостъ къ свъту.*

Монологъ запорожца.

Ухъ! Чортъ у баклагъ влизъ!
Що се я піймавъ? чи се птычка?
Чи перепелычка?
Чи се тая сынычка,
Що вона й не дыше,
Тыльки хвостыкомъ колыше.
Глянь, глянь! яке воно чуднее;
Да, далиби, страшнее.
Очи зъ пятака,
А языкъ вывалывъ, мовъ та собака!

Де ты груды соби поздыравъ?
Може глыдъ да грушы кравъ?
Повернися, подывлюсь, яке ты изъ заду.

Чортъ поворачивается, запорожецъ его осматриваетъ.

Эге! воно, бачу, й крыльца мае,
Се-жъ то те, що нычью литае,
Да куры хватае.

Стоитъ въ раздумьи.

Се, да те, кажу я,
А воно той коныкъ,
Що по полю скаче,
Да хрущывъ ловыть.
Колы скаче, то уже-жъ
Танціовать уміе;
А може не сміе!
Ось ну лышень, не соромляйся!
Погупцюймо трохи,
Повтикають блохы.

Скрыпка. № 8. Запорожецъ танцуетъ, а чортъ стоитъ.

А що-жъ се ты стоишъ, якъ кожухъ замерзлый?

Бьетъ его булавой.

Скрыпка. № 8. Танцуютъ оба. Чортъ въ тактъ приговариваетъ.

Гупъ, гупъ; гупъ, гупъ, гупъ.

Запорожецъ, ударивъ его булавой, говоритъ.

У ну лышень геть; ты . . . .

Чортъ бѣжитъ въ испугъ.

Ащо? утикъ? не такъ було ще зъ іимъ робыты;
Колы вынъ . . . ., то треба було вбыты.

Къ зрителямъ.

По сій мови, будте здоровы
Мени прыходытся, панове,
Съ писни слова не выкыдать,
А що було, барзо прошу
Объ тому лыхомъ не помынать.

Пойду теперъ соби въ курипь
Вику доживать.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Входитъ свинья, подходитъ къ иродову трону, ложится подъ него, такъ, что только задъ изъ подъ трона виденъ. Входитъ хозяинъ свиньи и стегаетъ ее плетью.

Аля! аля! аля-жъ, кажу! вона нибы не чуе.
Що тамъ вона рые свинячою мордою;
Эге! треба жыдамъ оддать;
Вона давно хотила здыхать.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

ЦЫГАНЪ. Здоровъ бувъ, Флыме!

КЛИМЪ. Здоровъ бувъ, цыгане!

ЦЫГАНЪ. Яку вона кару тоби зробыла.

КЛИМЪ. Весь городъ порыла,
Капусту й постернакъ поила.

ЦЫГАНЪ. Отдай намъ еи, мы еи научымъ
Холянды танціоваты,
Въ городъ небуде вже скакаты.

КЛЫМЪ. А я думавъ, що вынъ купыть,
А вынъ еи даромъ лупыть!
Пане купче! тикай.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЖЕНА КЛЫМА.
Чоловиче, до насъ бачу
И кондякъ прыпхався.

КЛЫМЪ. Э! я, жинко, іого
Давно сподивався.

Жена уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

ДЬЯЧОКЪ. Дай Богъ здравствовать, Климе!
КЛЫМЪ. А дай Боже пану бакаляру!
Ты нашъ таки, кондяче,
Возьмы собы отсю свыню,
Бо въ городъ все скаче.
ДЬЯКЪ. Ци, ирцъ, ци, ирцъ, ферчикъ!
Иже, виды, азъ, нашъ, есть
Спыти ко мнѣ зѣло.
Климій сотворилъ намъ честь,
Давъ свиняче тѣло.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

ИВАНЕЦЪ. Азъ путешествую, кое ваше дѣло?
ДЬЯЧОКЪ. Вземъ сіе бремя несы въ наши клѣти.
ИВАНЕЦЪ. Помозите ю на рамо польяти.
ДЬЯЧОКЪ. Возгласи: аля, аля! въ школу пирья драты.
ВСѢ. Алля! аля!

Иванецъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬСЕДЬМОЕ.

ДЬЯКЪ, *благодаритъ Клима.*
Гевалъ, Амонъ и Амалыкъ,
И вси живущы въ Тыри,
Возрадуются доброти,
И воспоютъ въ эфири.
Мы вашу обреченну жертву,
Хоть живу, хотя мертву
Со благодарностью пріемлемъ,
И выю вамъ объемлемъ.
КЛЫМЪ. И тобн тее-жъ одъ насъ, пане кондяче.

Дьякъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВОСМОЕ.

КЛЫМЪ. Дывысь, якъ пресучій дьякъ подяковавъ гарно,
Що ажъ въ мене слёзы въ вичью навернулысь

Да правда есть за щой дяковать:
Свыня хочь куды свыня,
Ребра такъ и свитяться.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

ЖЕНА КЛЫМА.
Клыме чоловиче!
До насъ бачу изъ свыняки
Принеслы кондяки
Обидрану кожу.

КЛЫМЪ. Отъ бачъ, жинко, що я можу!
Свыняка бъ пропала,
А платыть дьяку за сына
Пора вже настала.
Теперь вже мы рощиталысь:
Цилы гроши въ насъ зосталысь.

ЖЕНА. У насъ, чоловиче, зъ вику товаряки не було.
А теперь не стало уже и свиняки; усе за гуло
Теперь потанцюймо, якъ прежде водылось,
Щобъ конопелькы былыш народылось.

Скрыпка. № 1. Танцуютъ.

КЛЫМЪ. Ходимъ жинко у насъ десь козяка була.

Жена уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТОЕ.

Входитъ коза.

КЛЫМЪ. Цыцы!
КОЗА. Мееѐ!
КЛЫМЪ. Цыцы!
КОЗА. Мееѐ.
КЛЫМЪ. Цыцы!
КОЗА. Мееѐ. Прячется подъ иродовъ тронъ.
КЛЫМЪ. Отежъ до цыкався! й козу загубывъ.

Къ зрителямъ.

Панове громадо! чи не бачыли козы?
Що то було въ еій солодке молоко!
Що [illegible] дойныцы молока давала;

Теперь вона бидна, якъ въ воду упала.
Одна бида не мынулась,
Друга навернулась.
Вчора довелось заснуть
Пыдъ лысою горою;
Макогоненко Грыцько
Вынявъ у мене съ кышени
Люльку, крыцю, кременець
И на пугу ремнинный конець.
Заколупывъ серлце въ край
Що ни въ пекло, ни до жинки
А ни въ рай.
А тутъ козу ще згубывъ,
Лучше бъ бувъ ей убивъ.
Пойду лышень, пошукаю.

Находитъ

А моя козонька, моя голубонько,
Бачь якъ вона скаче, мовъ танціовать хоче.

Скрыпка. № 12. Танцуетъ. Потомъ вольно кидаетъ подъ тронъ, коза падаетъ и издыхаетъ.

А що се? скрутылась? скрутылась?

Плачетъ.

Бидна-жъ моя головонько! козу вбывъ!

Подумавъ немного.

Понесу-жъ, да отдамъ собаци шкуру,
А жинци пошыю изъ мяса кожухъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Артиллеристъ и Мужикъ,

МУЖИКЪ. *Везетъ пушку.*
АРТИЛЛЕРИСТЪ. Вези, неотговаривайся.
МУЖИКЪ. А вже жъ бо мени та кушка!

Артиллеристъ, стрѣляетъ изъ пушки.

Виватъ, Господа!

ХОРЪ, *за сценою:*
Многая лѣта! многая лѣта! и проч.

Занавѣсъ опускается.

ЩЕДРИВКИ.

Декабря 31. На *Меланки*, т. е., въ день св. Мелакіи, на канунѣ новаго года, каждая хозяйка приготовляетъ кныши, пироги, колбасы, начиненыя гречневой кашей и вареники. Этотъ вечеръ называется *богатымъ* или *щедрымъ*. Вечеромъ хозяйка ставитъ на столъ все съѣстное, засвѣтитъ свѣчу передъ образами, накуритъ ладаномъ и попроситъ мужа *исполнить законъ*. Мужъ садится *на покути*, т. е., въ углу подъ образами; это старшее мѣсто; предъ нимъ куча пироговъ; зовутъ дѣтей; они входятъ, молятся и спрашиваютъ: «дежъ нашъ батько?» не видя будто-бы его за пирогами.—Хиба вы мене не бачите?—«Не бачимо, тату!»—Дай-же, Боже, щобъ и на той годъ не побачылы.—Тутъ онъ раздастъ дѣтямъ пироги. Между тѣмъ мальчики, толпою, ходятъ по дворамъ и подъ окнами избъ поютъ *щедрывки*:

а. **Улетивъ соколъ изъ юлыци въ двирь**
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!
(*Послѣ каждаго стиха.*)
Ой сивъ же винъ на оконечку,
Кватырочку одчиняе,
У свитлычку заглядае.
Ще свитлычка не метена,
Марусенька не чесана,
Не чесалась, не вмывалась
На батенька розгнивалась:
Сукню пошылы,—покоротылы;
Черевычки зшылы,—да помалылы.

***

б. **Щедрый вечеръ! добрый вечеръ!**
Добрымъ людямъ на здоровье!
Чи дома, дома панъ господаръ!
Щедрый и пр: (*Оба первые стиха*)
Ой я знаю, що винъ дома; и пр.
А сыдыть вынъ въ конци стола; и пр.
А на іому шуба люба; и пр.

На полси калыточка; и пр.
Въ калыточци симъ шелягивъ, и пр.
Сiому, тому по шелягу; и пр.
А намъ, братця, по пырогу, и пр.

Или:

Щедрыкъ, ведрыкъ,
Дайте вареникъ,
Грудочку кашки,
Сальця, ковбаски.

Пѣсни эти оканчиваются шутками, приговорками напр:

Вечоръ довгiй; давайте пырогъ довгiй,
На всю лопату, зъ отцюю хату.—

Итакъ мы прошли круглый годъ. Но я, проходя праздники и относящiяся къ нимъ обычаи,—не сказалъ ничего о встрѣчѣ весны, объ обрядахъ и пѣсняхъ, съ которыми ее принимаютъ.

II. ВЕСНА.

Чѣмъ лучше встрѣтить весну, какъ не пѣснями, не играми, не изъявленiями любви? Она сама юность земли, юность природы, всегда восхитительной; она сама любовь, веселье, наслажденiе. Съ ея появленiемъ все оживаетъ, воды сверкаютъ подъ теплымъ небомъ, подъ лучемъ солнца; цвѣты распускаются въ волшебной свѣжести лунныхъ или темныхъ, но всегда ароматныхъ, ночей; все заговоритъ на поляхъ, по рощамъ, въ водахъ; всѣ голоса сольются и наполнятъ душу очарованiемъ, болотныя птицы, насѣкомые, крикъ домашнихъ животныхъ, бѣгущихъ съ поля въ село, сольются съ щебетанiемъ ласточки, съ яркой трелью соловья. И мы встрѣчаемъ весну пѣснями, и непремѣнно пѣснями любви.

Веснянки начинают пѣть съ Марта мѣсяца, съ того дня, въ который птичка овсянка запоетъ свою первую пѣсню. Въ этой пѣснѣ слышны слова:

«Покинь санки, возьмы визъ».

Въ тотъ же день щука пробиваетъ ледъ хвостомъ.

I. ВЕСНЯНКИ.

а. Нема лiоду, нема лiоду,
Нема-й переходу;
Колы тоби люба мыла,
Бреды й черезъ воду.
Перебрела дви риченьки
И половыну ставу,
Не вводь мене козаченьку,
Въ велыкую славу.
Ой сама-жъ ты, дивчинонько,
Себе въ славу вводышъ,
Що позднен̆ько, не раненько
По улыци ходышъ.
Ой якъ мени, козаченьку,
Да раньше ходыты,
Якъ возьмешъ ты за рученьку
Не мусышъ пустыты.

б. Розлылыся воды
На чотыры броды;
У первому броди
Соловейко щебетавъ,
Зелены сады розвывавъ;
У другому броди
Зозуля ковала,
Литечко казала;
У третьему броди
Конычокъ заржавъ,
Вынъ дороженьку почавъ;
А въ четвертомъ броди
Да дивчина плаче:
За нелюбого йдучы,
Собы лыхо чуючи.

в Свиты, зоре, на все поле
Закиль мисяцъ зыйде,

Да до мене мій мыленькій
Вечеряты прыйде.
Ой чи прыйде, чи не прыйде
На вечерю тую,
А я іому ранесенько
Снидаты зготую.
Цвилы лозы при дорози
Сынесенькимъ цвитомъ;
Ишовъ козакъ изъ улыци,
Билесенькимъ свитомъ;
Не жаль тому козаченьку
Поснидаты даты,
Що вышъ иде изъ улыци
Якъ стане свитаты.

Весна требуетъ любви; наши дѣвушки это поняли и поютъ:

Гирко жыть весною
Безъ мылого одною,
Безъ мылого дружочка,
Ясного соколочка.

Впрочемъ иногда «дивчата» подсмѣиваютъ молодыхъ людей, оцѣняя ихъ очень не выгодно:

По три шага молодець,
По таляру дивка,
По тысячи жинка.

Или:

По тры копы дивочка,
По чотыри кисочка,
По денежци молодець,
Якъ печеный горобець.

Въ этихъ веснянкахъ иногда находимъ мы жалобы дѣвушки на скуку одиночества; иногда желанье узнать, кто ее суженый? иногда упреки милому за холодность, за скупость на часы свиданія. Въ другой разъ противное: наслажденье жизни дѣвической! желанья погулять на волѣ; тоска молодой женщины, которой нельзя уже пользоватся увеселеніями дѣвицъ, ихъ играми, ихъ хороводамы; напр.:

Мисяцъ надъ водою, дивка на юлыци,
Ой, доля, да доля, дивка на юлыци.

Свекорку, батеньку пусты на юлыцю;
Ой доля . . . пусты на юлыцю.
Хочь я тебе й пущу, свекруха не пустыть
Ой доля и проч.
Свекорко, матинко, пусты на юлыцю;
Ой доля и проч.
Хочь я тебе й пущу, зовыци не пустять.
Ой доля и проч.
Зовыци, сестрыци, и проч.

То мы находимъ слезы о томъ, что она идетъ за немилаго; или упреки подругѣ въ томъ, что та *перемовила* у ней жениха. Часто говорится о пріѣздѣ сватовъ, бояръ, о рѣшительной минутѣ выхода за мужъ, о разлукѣ съ подругами, о потери воли, о будущемъ семейномъ счастьи, о недолѣ съ мужемъ, котораго приняла не по любви, о строгости и сварливости свекрови, о разницѣ свекрови съ родной матерью, о тяжкихъ трудахъ по хозяйству.—

Иногда въ этихъ пѣсняхъ и молодой человѣкъ жалуется матери, что онъ не женатъ, что на немъ лежатъ работы женскія:

Укрипъ сію, ромень сажу.

Не хочетъ онъ панночки, не хочетъ короливны. Онъ любитъ дивчину, дочку сосѣда своего. Онъ жалуется на то, что за него не отдаютъ дивчины; вызываетъ ее на тайное свиданіе. Рѣдко въ веснянкахъ говорится о веснѣ. Любовь сама по себѣ весна.—

Сравненія дѣвушки съ *зырочкою, перепелочкою, галочкою, павою, уточкою, яблонькою*,—сравнене паробка съ *горобейкомъ, селезнемъ, соколомъ, голубомъ*,—эти сравненія душевныхъ чувствъ и красотъ съ видимыми предметами мѣстной природы безпрестанно встрѣчаются въ веснянкахъ.

Онѣ поются ежедневно, вечеромъ, по окончаніи работъ, а въ праздники и послѣ обѣда, дивчата и паробки собираются за селомъ или посреди села на выгонѣ, если же село велико,

то на нѣсколькихъ высотахъ; паробки выкапываютъ вершковъ шесть глубины ровъ; дивчата садятся и спускаютъ ноги, и когда онѣ поютъ, когда хороводы одной части села перекликаются въ темнотѣ ночкой съ другими хороводами, паробки стоятъ за ними, прислуживаются, шутятъ, любезничаютъ.—

2. ИГРЫ.

Игоръ весеннихъ много; опишу нѣкоторыя.

Король. Хороводъ дѣвушекъ, взявшись за руки, становятся въ кругъ, всередину входитъ король, хороводъ ходитъ кругомъ и поетъ слѣдующую веснянку:

Королю, край города ходышъ;
Королю, дивчатъ оглядаешъ;
Королю, приступы близенько;
Королю, поклонысь нызенько;
Королю, поцилуйсь гарненько.

Въ эту минуту король цалуетъ одну изъ хоровода и та становится королемъ.

Перепелка. Перепелка стоитъ въ кругу, который ходитъ вокругъ нее и поетъ:

Тутъ була, тутъ була перепелочка,
Тутъ була, тутъ була невелычечка!

Эти два первые стиха повторяются послѣ каждаго изъ слѣдующихъ:

А въ перепелкы да головка болыть;
А въ перепелки да животыкъ болыть;
А въ перепелки да плечыци болять;
А въ перепелки да колина болять.

Итакъ далѣе: ушки, глазки и пр.; при словѣ «болять» перепелка хватается за часть тѣла, которую называютъ; но когда дойдутъ до слѣдующихъ стиховъ:

А въ перепелки да старый мужычокъ,
Якъ иде мужычокъ, то нагайку несе,
Вынъ нагайку несе, бородою трясе.

Тутъ за первымъ стихомъ перепелка морщится, за вторымъ приготовляется плакать, за третьимъ плачетъ. Вдругъ запоютъ:

А въ перепелки молодый мужычокъ,
Молодый, якъ иде, черевычкы несе.

Тогда перепелка начинаетъ прыгать, руками плескать, и другая становится на мѣсто ее.

Воронъ. Въ ней дѣйствующія лица: воронъ, мать, дивчина и дѣти. Впереди становится мать, дѣвушки становятся за нею и берутъ крѣпко другъ дружку за плечи или за поясъ, а первая изъ нихъ берется за мать; эта первая называется «*дивчина, красна дивчина*,» остальныя—дѣти. Онѣ подъ покровительствомъ матери идутъ къ ворону, который, сидя, роетъ палочкой землю. Начинается между нимъ и матерью разговоръ:

М. Вороне, вороне, що ты копаешъ?

В. Ямку.

М. На що?

В. Твоимъ дитямъ очи за

М. За що?

В. Я попапиковавъ, попавароззвъ, а попы прыйшлы, повiидалы, лысточками попакрызалы, та-й пошлы.

М. Чы правда диты?

Диты: неправда, неправда.

М: Окрутнуся двичы, трычы; чы вси мои диты?

Она считаетъ; потомъ, видя, что воронъ хочетъ ихъ ловить, кричитъ: «гай, гай!» Воронъ начинаетъ бѣгать, стараясь поймать послѣднюю; мать бѣгаетъ такъ, чтобъ быть впереди передъ ворономъ, дѣти стараются, чтобъ не они а мать была къ ворону ближе. Когда онъ поймаетъ одну, то уводитъ ее и посадитъ отдѣльно, она ужъ не участвуетъ въ игрѣ; немедленно онъ принимается ловить слѣдующую, и, пой-

мавъ ее, отводитъ къ первой; этакъ продолжается пока останется одна «дивчина». Тогда воронъ садится и опять начинаетъ копать землю. Мать подходитъ къ нему съ дивчиною.

М. Вороне, вороне, що ты робышъ?

В. Ямку.

М. А въ мене есть красна дивчина, та не вдаришъ! Я пійду на торжокъ, та куплю дивчыни красне намысто.

В. А я вкраду.

М. А я тоби голову пробью.

Д. Вороне, вороне, де твоя каша?

В. На полыци.

Д. Я выимъ.

В. А я тебе кіемъ.

М. Вороне, вороне, що за тобою?

В. Макогинъ.

М. Бый же мою дивчину на вздогинъ.

Дѣвушка бѣжитъ, воронъ за нею гоняется съ хлыстомъ и если успѣетъ ударить три раза, то отводитъ къ дѣтямъ.

Тогда всѣ дѣти садятся рядомъ, *«въ лаву»*, берутъ другъ дружку за руки, и крѣпко держутся; мать приходитъ и старается разнять у нихъ руки; та, которую она оторветъ отъ лавы принадлежитъ ей; разумѣется, что дѣти нарочно поддаются; потомъ садятся опять въ лаву, и опять сцѣпляются руками.

Послѣ того воронъ старается оторвать ихъ другъ отъ дружки по порядку. Оторваныя ожидаютъ конца; когда всѣ перейдутъ во власть ворона, онъ ложится на землю ницъ; дѣти прячутся; мать не позволяетъ ему смотрѣть, и послѣ онъ долженъ ихъ отыскать; тѣ, которыхъ не отыскалъ вправѣ его бить, пока онъ не прибѣжитъ подъ защиту ихъ матери и красной дивчины.

Дурне колесо или *укравъ рипкы*. Играющія берутся за руки, составляютъ кругъ, двѣ изъ нихъ подымаютъ руки, обращаются спиною другъ къ дружкѣ и въ парѣ бѣгутъ въ противуположную сторону, за ними слѣдуютъ ихъ сосѣдки; и такъ онѣ прежде составляли кругъ лицомъ къ лицу, теперь составится кругъ спина къ спинѣ, лицами въ наружу. Такъ какъ этою манерою бѣжать неловко, то иныя вырвутся изъ круга, другія попадаютъ, къ нимъ хоръ обращается съ пѣніемъ двухъ стиховъ:

«А що? вкрали рипкы?
«Полетѣли диткы?

Дробушка. Игра вдвоемъ. Двѣ дѣвушки берутся крѣпко за руки, ноги ихъ должны быть вмѣстѣ, руки сколько можно вытянуты, онѣ кружатся и поютъ:

Дробу, дробу, дробушечки;
Наівшыся петрушечкы,
Наівшись лободы,
Гала, гала до воды!

Съ этимъ словомъ одна выпускаетъ руки подруги своей; одна изъ нихъ непремѣнно падаетъ.

Галка. Поютъ слѣдующую веснянку:

Ой галко, галко
Золотая ключныця,
Стань же намъ на помочы,
Зъ молодымы молодыцямы,
Зъ краснымы дивыцимы;
А ты, Марусю, скочь на конець!
А ты, Наталю, веды танець!

Маруся должна была вести хороводъ, а Наталя стояла за нею; во время пѣсни всѣ машутъ въ тактъ руками; при передпослѣднемъ стихѣ Маруся перебѣгаетъ на самый конецъ, Наталя становится первою и ведетъ хороводъ.

Щитка. Всѣ берутся за руки; одна крайняя стоитъ неподвижно, остальныя ходятъ вокругъ нее, мало по малу она обвита подругами; послѣдняя бѣгаетъ вокругъ этой кучи и поетъ:

Щитка маленька,
Де твоя ненька?
На маковци сыдила,
Дрыбенъ мачокъ дзюбала;
Дзюбъ, дзюбъ, дзюбанецъ,
Ходы, дивко, у танець.
А за ею молодець:
Нейды, дивко, у танець.

Пропѣвъ, она становится поотдаль, слѣдующая по ней повторяетъ тоже и такъ далѣе. Наконецъ послѣдняя станетъ первою, а та станетъ щиткою.

Просо. Знаменитая игра, всѣмъ славянскимъ народамъ принадлежащая. Дѣвушки раздѣляются на два ряда, и становятся въ десяти шаговъ одинъ рядъ противъ другаго; одинъ рядъ поетъ:

А мы просо сіялы, сіялы;
Ой дидъ, ладо, сіялы, сіялы;

Второй рядъ:

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ
Ой дидъ, ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.
1. **А чимъ же вамъ вытоптать?**
2. **А мы кони выпустымъ.**
1. **А мы кони переймемъ.**
2. **Да чимъ же вамъ перенять?**
1. **Ой шовковымъ неводомъ.**
2. **А мы коня выкупымъ.**
1. **Ой чимъ же вамъ выкупыть?**
2. **А мы дамо сто рубливъ.**
1. **Не треба вамъ тысячы.**
2. **А мы дамо дивчыну.**
1. **Мы дивчыну вызьмемо.**

Вторая половина кричитъ: «нашого полку убуде, убуде!» — первая: «нашого полку прыбуде, прыбуде.» Изъ втораго полка дѣвушка перебѣгаетъ въ первый; и это продолжается пока всѣ перебѣгутъ. Каждое послѣднее слово стиха повторяется, какъ выше указано, а равно и припѣвъ послѣ каждаго стиха.

Здѣсь долженъ я сказать, что участіе мущинъ въ нѣкоторыхъ играхъ казалось бы необходимо; и я еще помню это участіе, мнѣ случалось видать молодыхъ людей игравшихъ съ дѣвушками.

Въ *королѣ* прежде бывалъ мущина королемъ, онъ уводилъ изъ хоровода дѣвушку; другой мущина вступалъ въ хороводъ; въ *воронѣ* мущина былъ ворономъ. Въ *просѣ* первый рядъ былъ рядъ мущинъ. Съ порчею нравовъ то, что невинно становится стыдно, потому что въ умъ приходятъ такія мысли, которыя прежде не приходили. Теперь молодымъ людямъ совѣстно раздѣлять съ дѣвушками увеселенія, а дѣвушки стыдятся принимать ихъ въ свой кругъ. Скоро перестанутъ и христосоваться на свѣтлый праздникъ. Не знаю, можно ли это приписать къ улучшенію нравственности?

Изъ весеннихъ игръ вотъ еще нѣкоторыя:

Макъ. Выбираютъ дурачка, садятъ его въ срединѣ хоровода. Хороводъ ходитъ вокругъ и поетъ:

Ой на горѣ макъ,
Подъ горою такъ,
Макы, макы маковочкы,
Золотыи верховочкы,
Постойте, дивчата,
Якъ макъ на гори.

Тутъ хороводница спрашиваетъ: «чы сіялы макъ?» — хоръ: тыльки землю оралы. — Поютъ тужъ пѣсню, и повторяютъ ее послѣ каждаго отвѣта. Вотъ вопросы и отвѣты на нихъ.

В. Чы сіялы макъ?
О. Сіялы.
В. А чы зыйшовъ макъ?
О. Зходыть.
В. А чы зацвивъ макъ?
О. Цвите.
В. А чи оцвивъ макъ?
О. Оцвива.
В. А чы поспивъ макъ?
О. Поспивъ.
В. А чы поспивъ макъ?
О. Поспивъ.

Дурачка схватываютъ, встряхиваютъ, толкаютъ, скубутъ за чуба, и проч.

Деръ-деръ. Это игра мальчишекъ, вбиваютъ колъ на дворѣ, двухъ мальчишекъ привязываютъ за правую ногу къ колу такъ, чтобъ они были шаговъ на 30 отъ кола и могли бы вокругъ бѣгатъ; одному даютъ трещотку, а другому жгутъ; обоимъ завязываютъ глаза. Первый трещитъ и старается убѣжать отъ жгута; второй слыша звукъ трещотки старается ударить перваго.

Горѣлки, знаменитыя во всей Руси, въ ходу и въ Малороссіи.

Паци тоже что Русскія *бабки*.

Лапта на всѣхъ великороссійскихъ условіяхъ, также *жгуты* или «джгуты», *носки*, а равно и *кулачный бой* каждому извѣстны; эти игры принадлежатъ единственно мущинамъ; послѣдняя, т. е. кулачный бой, происходитъ у насъ на тройцынъ день иногда *одинъ* на *одинъ*, иногда *стѣна* на *стѣну*, иногда *село* на *село*. Лѣтъ тридцать пять тому назадъ бой одинъ на одинъ я нѣсколько разъ видалъ въ селѣ Рудовкѣ, Прилуцкаго уѣзда; стѣна на стѣну я видѣлъ въ 1844 году въ

м. Ичнѣ, Борзенскаго уѣзда; село на село я видѣлъ нѣсколько разъ между селами Сокирынцы и Калюжинцы, Прилуцкаго уѣзда въ 1848 году; мнѣ разсказывали, этотъ бой очень былъ занимателенъ.

III. ПОВѢРЬЯ И СУЕВѢРІЯ ОТДѢЛЬНЫЯ.

Перейдемъ къ отдѣльнымъ повѣрьямъ.

Медвѣди были люди, жили въ лѣсу; угрюмые, негостепріимные, они не хотѣли знаться ни съ кѣмъ. Зашелъ къ нимъ благочестивый монахъ, прошелъ все село вдоль и поперегъ, просилъ пріюта, никто дверей ему не отперь. Онъ проклялъ ихъ, они стали медвѣдями.

Лице, которое видимъ мы въ мѣсяцѣ—это Каинъ.

Ласточки крали гвозди у жидовъ, когда они распинали Спасителя, и потому грѣхъ выгонять изъ подъ кровель и безпокоить ласточекъ.

Белемниты находимые въ песчаной почвѣ—это громовая стрѣла.

Но домовые, вѣдьми, русалки, вовкулаки играютъ величайшую роль у насъ въ краю.

Начнемъ съ *домовыхъ*. Они живутъ въ домахъ; бываютъ злые и добрые; имѣютъ большое вліяніе на хозяйство. Ихъ не только не должно бранить, но даже не должно противъ ночи говорить о нихъ. Если домовой не полюбитъ хозяина или кого нибудь въ семействѣ, то дѣлаетъ непріятности, ходитъ и стучить по чердаку, безпокоитъ дѣтей въ колыбели, пугаетъ взрослыхъ, не дастъ спать хозяйкѣ и хозяину, наконецъ безъ дальнихъ церемоній душитъ каждую ночь, и не

давая перекреститься, перестаетъ душитъ только тогда, когда пѣтухи запоютъ.

Есть разные домовые: одни живутъ въ старыхъ винокурняхъ, другіе въ развалинахъ, или въ неосвященныхъ домахъ; но конюшенные домовые и мельничные проказятъ пуще всѣхъ.

Конюшенные запутываютъ гривы лошадямъ, по ночамъ на нихъ ѣздятъ: не рѣдко поутру рано вы находите которую нибудь изъ вашихъ лошадей въ поту; не думайте, чтобъ это кто нибудъ, тайно увевъ ее изъ конюшни, ѣздилъ на ней. Нѣтъ, это домовой. Одинъ кавалеристъ разсказываетъ будто-бы онъ поймалъ на головѣ коня, ночью, звѣрка ласточку, которая, сидя между ушами, щекотала морду коня; это несправедливо, это домовой принялъ образъ ласточки. Лучше всего держать на конюшнѣ бѣлаго «цапа» (козла); это врагъ домовыхъ.

Мельничные домовые стучатъ, кричатъ, бросаютъ камнями изъ оконъ и въ окны; къ мельничнымъ въ гости любятъ сходиться и другіе домовые.

Нерѣдко домовые надоѣдаютъ шалостями хозяевамъ до того, что эти принуждены перейти жить на другое мѣсто. Но добрый домовой, когда онъ любитъ хозяина и его семью, это находка, сокровище, кладъ. Онъ кормитъ и холитъ хозяйскихъ лошадей; онъ любуется хозяйской дочерью, какъ своимъ дитятью, онъ къ ней насылаетъ жениховъ; самому хозяину отовсюду и безпрестанно сыплются деньги.

Домовой мохнатъ; на немъ шерсть влажная; любитъ принимать на себя образъ человѣка, и чаще всего встрѣчается въ видѣ трубочиста.

Упиръ,—дѣло другое; онъ всегда золъ; онъ родится отъ чорта и вѣдьмы,—или отъ вѣдьмы и вовкулака. Живетъ онъ злымъ человѣкомъ. Въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка закрасили знаменитую легенду объ упырѣ на стѣнѣ Троиц-

каго собора въ Черниговѣ. Не хочу назвать фамилію, которую, по этой легендѣ, носилъ при жизни упырь; онъ былъ очень богатъ и еще болѣе скупъ. Его хотѣли избрать въ гетманы; князь Голицынъ, участникъ дѣлъ и вѣрный слуга царевны Софьи Алексѣевны, потребовалъ съ упыря взятку, съ тѣмъ что доставитъ ему гетманство; упырь не далъ взятки; Мазепа, Иванъ Степановичъ, человѣкъ смышленный, любывшій деньги, но знавшій ихъ употреблять, короче мой прадѣдушка, занялъ у упыря сумму, которой желалъ кн. Голицынъ; тотчасъ же онъ сталъ гетманомъ, и изъ войсковой казны возвратилъ упырю деньги; вотъ въ этомъ онъ мнѣ не прадѣдушка: я бы или возвратилъ деньги эти изъ доходовъ съ моихъ имѣній, или вовсе бы не возвратилъ ихъ упырю. Какъ бы то ни было упырь по народному преданію былъ злой человѣкъ. Всѣ скряги вообще по характеру мерзавцы; это вещь давно признанная. Упырь ѣлъ скоромное въ страстную пятницу; таскалъ къ себѣ дочерей и женъ крестьянъ своихъ; самихъ крестьянъ одѣвалъ въ медвежьи мѣха и травилъ меделянами; наконецъ умеръ. Его похоронили въ Троицкомъ монастырѣ. На другой день увидѣли, что онъ ѣдетъ на шестеркѣ вороныхъ по красному мосту; кучеръ, форрейторъ, лакаи и три собесѣдника въ каретѣ были черти. Молва разнеслась, сдѣлано было проклятіе, упырь съ поѣздомъ провалился въ Стрижень; немедленно открыли гробъ; нашли упыря красно-синимъ, съ открытыми глазами; его пробили осиновымъ коломъ. Все это происшествіе было написано масляными красками на стѣнѣ собора.

Упири не гніютъ въ гробахъ, они по ночамъ выходятъ и изъ спящихъ высасывая кровь засасываютъ ихъ до смерти.

Вовкулаки бѣгаютъ по ночамъ въ видѣ волковъ. Они злы и хищны какъ волки, имѣютъ любовныя интриги съ вѣдьмами и, какъ мы сказали выше, ихъ дѣти—упыри.

Оставимъ вѣдьмъ напередъ; мы ими заключимъ наши расказы о существахъ сверхъ-естественныхъ; мы только вскользъ упомянули о русалкахъ; мы говорили о нихъ только въ отношеніи къ зеленой недѣлѣ; опишемъ эти существа сколько прелестныя, столько и опасныя. Какъ не вспомнить здѣсь эти звуки:

»Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой,
»Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ
»И влажною всплыла главой
»Красавица изъ нихъ.«

Какъ вспомня ихъ не вздохнуть? какъ не вспомнить и этихъ, никѣмъ почти незамѣченныхъ:

»Черны косы разсыпаяся,
»Съ обнаженныхъ плечь бѣгутъ;
»По волнамъ перегибаяся,
»Вслѣдъ за дѣвами плывутъ.
»Грудь высокая колышется
»Сладострастно между водъ,—
»Передъ ней волна утишится
»И задумчиво пройдетъ.

Русалки, водяныя красавицы; ночью при лунѣ онѣ выходятъ на берегъ озеръ, рѣкъ, ручьевъ, нагія, въ вѣнкахъ изъ осоки и древесныхъ вѣтвей; онѣ садятся на травѣ, расчесываютъ косы, или хороводы ведутъ. Иногда онѣ скрываются въ кустахъ, въ травѣ; всего чаще ихъ вызываетъ на землю заря. На зарѣ дѣвушки наши идутъ къ рѣкѣ за водой; притаясь за деревьями, русалки ихъ ждутъ; бѣда неосторожной, которая забыла взять съ собой полынь или «*любыстокъ*»—т. е. зорю. Русалка бросается на дивчыну, спрашиваетъ у ней: «полынь или петрушка»? Если та отвѣтитъ: полынь,—русалка убѣжитъ; если же: петрушка,—водяная красавица защекочетъ до смерти земную и увлечетъ ее въ рѣку. При словѣ: полынь, русалка обыкновенно съ досадой отвѣчаетъ: «сама ты згынь». А если

она къ мущинѣ обращается то: «самъ ты згинь; ты не мій!»— На слово петрушка русалка говоритъ: «ты моя душка!» и потомъ щекочетъ. Нельзя знать навѣрно, каковы подводныя жилища этихъ красавицъ. Одни думаютъ, что онѣ живутъ тамъ въ гнездахъ, свитыхъ изъ соломы и перьевъ, украденныхъ ими въ селѣ у поселянъ *на зеленой недѣлѣ*. Другіе полагаютъ, что въ подводныхъ дворцахъ у нихъ, построенныхъ изъ морскихъ раковинъ, блещутъ жемчуги, яхонты, сребро и кораллъ.

«Ахъ, еслибъ зналъ, какъ рыбкой жить
«Привольно въ глубинѣ,
«Не сталъ бы ты себя томить
«На *знойкой* вышинѣ.»

Такая пѣсня «манитъ, влечетъ» и въ воду покупаться, и къ тому кто спѣлъ ее: я не говорю о Краевскомъ, Панаевѣ и Некрасовѣ, которыхъ ничто прекрасное неувлечетъ къ себѣ изъ типографіи, гдѣ тискаютъ они свои журналы.

У русалокъ по дну, усѣянному разноцвѣтными раковинами, катятся ручьи изумрудные и падаютъ водопадами надъ хрустальными чертогами.

Русалки прелестны собой; онѣ блѣдны, но черты лица восхитительны, станъ волшебный, косы ниже колѣнъ. Солнце просвѣчиваетъ сквозь воду въ ихъ волшебныя жилища; мѣсяцъ и звѣзды вызываютъ ихъ на берегъ. На Тройцынъ день онѣ выходятъ въ лѣсъ; тамъ цѣлую недѣлю онѣ качаются по вѣтвямъ деревъ, поютъ, играютъ, бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, катаются по росистой травѣ. На канунѣ Духова дня бѣгаютъ во ржи, хлопаютъ въ ладоши, хохочутъ.

Однакожъ онѣ, бѣдняжки: въ Духовъ и Тройцынъ день просятъ себѣ св. крещенія; многіе слышали голосъ и слова пѣсни,

«Мене маты народыла,
«Нехрещену положыла.»

Откуда шелъ этотъ голосъ,-неизвѣстно; но самъ здравый смыслъ говоритъ намъ, что это русалки, не крещеныя, поютъ.

Тогда истинный христіанинъ долженъ сказать: «Иванъ да Марья! хрещаю тебе во имя Отца и Сына и св. Духа!»— Душа некрещеннаго младенца переносится въ рай; но если до семилѣтняго возраста никто не нашелся вымолвить эти слова, младенецъ превращается въ русалку. Утопленницы тоже превращаются въ русалокъ; но ихъ можно отличить по длиннымъ зеленымъ волосамъ, съ которыхъ безпрерывно струится вода.

Многія изъ нашихъ малороссіянокъ, купаясь подъ «*лотоками*» мельницъ, видали какъ русалки, сидя на вертящемся мельничномъ колесѣ, чесали себѣ волосы, съ хохотомъ кидались съ колеса въ воду, шутя вертѣлись съ нимъ, и ныряли подъ мельницу съ крикомъ—куку!—

Русскія русалки, по словамъ г-на Сахарова поютъ таинственную пѣсню, которая такъ начинается:

Шивда, вииза, каланда, виногама;
Іида, іида, якумалима, битама;
Нуффаша, зинзама, охуто ми;
Копоцо, копоцамъ, копоцама;
Ябудалла, викгаза, мейда;
Іо, іа, о іо, іа цокъ, іо, іа, пацдо, іо, іа, папацдо
Пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ.

Я полагаю, что наши малороссійскія русалки этаго не поютъ. Пятый стихъ немножко неблагопристоенъ, а седьмымъ наши малороссіянки кличутъ свиней; но за то русалки малороссійскія любятъ задавать загадки. Если одна изъ нихъ спроситъ васъ:

«Ой що росте безъ кореня?»

отвѣчайте:—*камень*. По Линеевски говоря: Lapides crescunt.

«Ой що цвите да безъ цвиту?»

Отвѣчайте:—*папороть*. По Линнеевски говоря: Filix. Если вы не будете отвѣчать, русалка васъ защекочетъ.

По мнѣ всѣ хорошенькія малороссіянки и великороссіянки, когда онѣ купаются,—русалки. Онѣ влекутъ васъ въ воду голосомъ, наружностью, не дотрогиваясь до васъ, щекочутъ васъ, и можно съ восторгомъ для нихъ утопиться.

Обратимся къ вѣдьмамъ, которыя въ сравненіи съ русалками тоже что въ сравненіи съ Жуковскимъ—К . . . . . Впрочемъ въ малороссіи есть вѣдьмы и въ мужескомъ родѣ; это *вѣдьмакы*; они, по счастью, очень рѣдки.

Вѣдьма, во первыхъ, имѣетъ хвостъ; это главный признакъ, по которому она узнается. По несчастью, этотъ признакъ увидѣть довольно затруднительно. Случалось поймать иную вѣдьму; коль скоро начиналась съ нею расправа, необходимая въ такихъ случаяхъ, оказывалось, что она не вѣдьма, а самозванка.

Вѣдьмы ходятъ въ длинныхъ рубахахъ, распустя волосы; онѣ доятъ до крови коровъ; превращаются въ клубокъ, въ кошку, въ различные и безчисленные фантастическіе образы. Я помню, какъ въ дѣтствѣ моемъ разсказывалъ мнѣ дядька мой о своей встрѣчѣ съ вѣдьмою. Онъ взялъ съ барской конюшни лошадь тайкомъ съ тѣмъ, чтобы за ночь съѣздить изъ села Туровки въ село Рудовку въ нашъ тамошній господскій дворъ и обратно. По какимъ дѣламъ ѣхалъ онъ туда, это дѣло постороннее. Онъ отъѣхалъ версту, другую, вдругъ видитъ море передъ собою; море тамъ гдѣ даже и лужи не бывало; испуганный, онъ понялъ тотчасъ, что вѣдьма разлилась водою; онъ назадъ, море за нимъ, лошадь въ свою очередь, испуганная, скачетъ какъ не тронется грудью къ землѣ, и только у села море оставило его, чуть не нагнало. Бываютъ такіе же случаи.

Въ сказаніяхъ г—на Сахарова списаны три пѣсни вѣдьмъ на лысой горѣ, на обыкновенномъ шабашѣ, и на шабашѣ роковомъ.

Вѣдьмы изгоняются травой плакуномъ. Главныя собранья ихъ бываютъ въ Кіевѣ, на лысой горѣ, въ Ивановскую ночь: они со всей Малороссіи улетаютъ туда черезъ трубу печи (*комынъ*) на *помелѣ*, или *вилкахъ* или *лушнѣ*, но сперва для этаго натираются подъ мышками отваромъ вѣдемскихъ травъ, и въ особенности отваромъ тырлыча.

Повѣрья въ **мертвецовъ**, возвращающихся къ женамъ своимъ, навѣщающихъ родныхъ, знакомыхъ и хозяйство—это повѣрья общія, принадлежащія всѣмъ народамъ въ древности и въ наши времена. Ихъ существованіе понятно. Потеря любимаго человѣка, разлука съ нимъ навсегда, пустота въ жилищѣ и въ обществѣ, которую онъ оставляетъ по себѣ на нѣкоторое время, все располагаетъ и сердце и умъ къ вѣрѣ, что онъ навѣщаетъ насъ, что онъ не совсѣмъ покинулъ міръ. Это повѣрье принадлежитъ и малороссіянамъ. Декабря 7-го, въ 1848 году пришелъ ко мнѣ приходской священникъ и просилъ меня, чтобъ я приказалъ разслѣдовать, кто разрываетъ каждую ночь могилу войта, умершаго отъ холеры въ сентябрѣ. Я спросилъ, не собака-ли, если войтъ имѣлъ любимую собаку?—Мнѣ сказали, что войтъ дѣйствительно имѣлъ собаку, которая была къ нему очень привязана; но что эта собака постоянно ночуетъ въ дворѣ у хозяйки своей. Я приказалъ тайно ставить достаточное количество сторожей и схватить шалуна, который тревожитъ село. Разошелся-ли слухъ объ этомъ приказаніи или 15 градусные морозы тому причиною, только разрытіе могилы прекратилось. Но во всемъ селѣ заговорили, что покойникъ приходитъ къ женѣ своей, шумитъ, стучитъ разрываетъ кровлю, мучитъ скотъ и лошадей. Этого не довольно: жена жаловалась, что мужъ дѣйствительно ее посѣщаетъ и просила священника сотворить молитву надъ могилою.

Но, какъ я сказалъ о вѣдемскихъ травахъ, то должно упомянуть о травникѣ колдуновъ, вѣдьмъ и знахорей.

IV. ЗНАХОРСКАЯ БОТАНИКА.

Плакунъ собирается на утренней зарѣ въ Ивановъ день; его корень выкапывается безъ заступа и безъ ножа. Онъ изгоняетъ домовыхъ, вѣдьмъ и нечистую силу, стерегущую клады.

Папоротникъ собирается противъ Иванова дня; этой травы нуженъ цвѣтъ. Но онъ цвѣтетъ только въ полночь и охраняемъ нечистою силою. Въ глухую полночь показывается почка цвѣтка, эта почка движется и прыгаетъ, съ каждымъ мгновеніемъ увеличивается, принимаетъ цвѣтъ раскаленнаго угля, ровно въ 12 часовъ съ трескомъ развертывается и пламеннымъ цвѣтомъ все освѣщаетъ вокругъ. но въ тоже самое мгновеніе нечистая сила срываетъ его. Итакъ, кто хочетъ его добыть, долженъ идти съ вечера въ лѣсъ, отыскать кустъ попоротника, стать возлѣ. очертить себя и траву. Когда нечистая сила станетъ звать или пугать, заговоритъ иногда голосомъ родни, невѣсты. не должно оборачиваться, оглядываться. Кто оглянется, у того голова такъ и останется, а иногда еще и задушитъ. Кто сорвалъ цвѣтокъ, тому бояться ужъ нечего; онъ отыскиваетъ клады, можетъ стать невидимкою, владѣетъ землею, водою и даже нечистою силою. Стоитъ подбросить цвѣтокъ вверхъ, и если онъ будетъ носиться звѣздою надъ какимъ нибудь мѣстомъ, потомъ прямо на землю упадетъ, смѣло начинайте рыть, подъ тѣмъ мѣстомъ кладъ.

Прыкрытъ, эта трава употребляется противъ свадебныхъ наговоровъ; ее собираютъ съ 15 Августа по 1-е Октября, т. е., между первой Пречистою и Покрова.

Нечуй-витеръ растетъ зимой по берегамъ рѣкъ и озеръ. Его собираютъ съ 13 Декабря на 1-е Генваря, въ полночь. Зрячіе не могутъ его находить; для этаго надобно просить слѣпыхъ, они чувствуютъ присутствіе этой травы; приближеніе къ ней имъ глаза колетъ. Она полезна при переправахъ чрезъ рѣки и рыбалкамъ.

Сонъ-трава; темноголубой цвѣтокъ ея распускается въ Апрѣлѣ. Въ 1829 году въ Телеграфѣ, и въ 1832 году особенной книжкою я издалъ описаніе почти всѣхъ этихъ травъ въ стихахъ. Цвѣтокъ сонъ-трава должно класть подъ подушку, и что приснится, то сбудется.

Тырлычъ растетъ и собирается только въ Кіевѣ, предъ Ивановымъ днемъ, на лысой горѣ; но какъ въ эту ночь всѣ вѣдьмы туда слетаются, то изъ партикулярныхъ людей только тотъ можетъ имѣть тырлычъ, кто прежде добылъ плакунъ.

Разрывъ; эта трава разрываетъ всякій металлъ въ мелкіе куски; замки подземельевъ, оберегаемыя нечистою силой, могутъ быть отперты только разрывомъ. Но эта трава необыкновенно рѣдка, и сами знахоры очень дорого за нее платятъ. Кто имѣетъ плакунъ и папоротникъ, тотъ можетъ найти и разрывъ.

У осикы отъ того листъ дрожитъ, что продавши Христа Іуда на ней удавился. Съ тѣхъ поръ этимъ деревомъ, затесавъ изъ него колъ, полезно упырей пробивать, если они выходятъ изъ гробовъ мучить живыхъ.

Есть травы у насъ въ малороссіи, которыя превращены въ злакъ изъ людей; на примѣръ: василекъ, *суапеп,* или Иванъ да Марья.

Василекъ, не душистый, а самородный растетъ на поляхъ пахатныхъ и наиболѣе во ржи, называемый у насъ «волошки»; это молодой человѣкъ, прекрасный собой, одинъ сынъ у матери

котораго красавица русалка приманила на Тройцынъ день въ поле, защекотала и превратила въ цвѣтокъ.

Иванъ да Марья, melampyrum nemorosum, описанъ въ слѣдующей народной пѣснѣ:

Край долыны глыбокій
Стоявъ теремъ высокій;
Изъ подъ того терема
Выходыла удова;
Выходила удова
Чорнобрива, молода;
Чорнобрива, молода!
Повирь меду и вына.
Я-жъ навиру не продамъ,
Бо на тоби жупанъ дранъ;
Хоть на мени жупанъ дранъ,
Подъ жупаномъ златъ гаманъ.
Колы кажешь златъ гаманъ,
Я за тебе дочку дамъ;
Ой хочь дочку не дочку,—
Вирнесеньку наймычку.
Въ суботоньку змовлялы,
Въ недилоньку звинчалы.
Сталы воны винчаться,
Сталы воны й пытаться:
Козаченьку молодый,
Видкиля ты родонькомъ?
«Я зъ Кіева, Йваненко,
«По прозвыщу Войтенко.
«Дивчынонько молода,
«Видкиля ты родонькомъ?»
—Я зъ Кіева, Йваныьна,
По прозвыщу Войтывна.—
«Якій теперь свитъ наставъ,
«Що братъ сестры не пизнавъ!
«Якы й попы насталы:

«Сестру зъ братомъ звинчалы!
«Ходимъ, сестро, въ темный лисъ,
«Нехай-же насъ звирь изиисть.»—
—Ходимъ брате, до бору,
Станемъ зильемъ, травою:
Ой ты станешъ жовтый цвитъ,
А я стану сынiй цвитъ;
Хто цвиточка увирве
Сестру зъ братомъ зпомяне.

Барвинокъ, душистый василекъ, гвоздика, все имѣетъ свое назначенiе. Но одно изъ прелестныхъ поэтическихъ преданiй, переданное мнѣ молоденькою крестьянкою, это «сочетанье душъ.»

Однажды, я спросилъ у нее, почему она отказала такому-то жениху. Она отвѣчала: «онъ вдовецъ». Такъ чтоже?—«На томъ свѣтѣ жена его у меня его отниметъ; они любились.»—А если-бъ ты была вдова?—«Вышла-бъ, а на томъ свѣтѣ мы-бъ размѣнялись.»—И вотъ причина, что холостые здѣсь не охотно вступаютъ въ бракъ съ овдовѣлыми.

Множество секретовъ есть о болѣзней и чаръ. Знахари и знахорки наиболѣе лѣчутъ отъ соняшницы, сглазу, грызи, размывки, зубовъ, змѣй, переполоху и куриной слѣпоты. Такъ-же надобно умѣть откручивать закрутки, ловить змѣй, гасить пожаръ.

V. БОЛѢЗНИ ОСОБЕННАГО РОДА И ЛЕЧЕНЬЯ ИХЪ.

Соняшныця, боль въ желудкѣ. Ее лечутъ такимъ образомъ: больному на животъ ставятъ миску воды въ три штофа; зажигаютъ паклю пеньковую на животѣ; послѣ этого кружку ставятъ въ миску и начинаютъ заговоры, которыхъ не слышно, потому что больная ужасно кричитъ.

Сглазу; эта болѣзнь происходитъ отъ дурнаго глаза, который на васъ посмотрѣлъ; она еще называется «*уроки.*» Про-

тивъ этой болѣзни берутъ воды никѣмъ не питой и не отвѣданной, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ *четверговой* соли; все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, плюютъ три раза въ сторону; нечаянно сбрызгиваютъ больнаго три раза; даютъ хлѣбнуть три раза; вытираютъ грудь противъ сердца, заставляютъ рубашкой обтереть лице, остальную воду выливаютъ подъ притолоку.

Иногда отъ сглазу употребляютъ заговоръ слѣдующій:

«Помогаешъ, вода явленна; очыщаешъ вода явленна и «луги и береги и середыну. Очыщай ты, вода явленна, отъ «презора прыдуманна, погаданна и встричена, и водяного, и «витряного, и жиноцького, и мужыцького, и дивоцького, и пару-«бицького; пойдить вы, уроки, на сороки, на луги, на очереты, «на болота, на моря.»

Прошептавши это, даютъ больному напиться святой воды, преимущественно крещенской.

Вотъ и еще заговоръ отъ сглазу.

«У моря калына, пидъ калыною дивчина; вона не знала «ни шыты, ни прясты, ни золотомъ гаптоваты; тыльки умила «и знала отъ раба Божого (имя) уроки и презоры выклыкаты «й вызываты, на сухыи лиса посылаты. Уроки, урочища, чоло-«вичи й жоночи, парубочи й дивочи, хлопячи, дивчачи й ды-«тячи, вамъ уроки, урочища у раба Божого (имя) не стояты, «жовтои косты не ломаты, червонои кровы не пыты, серця його «не нудыты, билого тила не сушыты; вамъ иты на мха, на «темны луги, на густы очерета, на сухы лиса.»

Дѣтей при рожденіи должно принимать съ слѣдующими предосторожностями:

Нареченная кума должна взять уголь изъ печки, идти съ нимъ на перекрестокъ и перебросить его черезъ себя; это предохранительное средство *отъ сглазу*. Возвратясь, она беретъ

дитя, кумъ беретъ хлѣбъ и водку въ гостинцы священнику; отъ священника идутъ оба они въ церковь; окрестивши младенца, они идутъ къ родильницѣ; на порогѣ встрѣчаютъ ихъ бабка и кто нибудь изъ мущинъ; всѣхъ ихъ, кромѣ младенца, должно быть четверо; они другъ съ другомъ поцалуются; тутъ кума скажетъ: «вы далы намъ роженого, а мы вамъ молытвеного й крещеного; бабка принимаетъ дитя, кладетъ его на черный овечій тулупъ, чтобъ у него скотъ водился; потомъ относитъ его къ матери, и идетъ обѣдать со всѣмъ обществомъ. Первые куски со своей тарелки кума отправляетъ къ родильницѣ; баба подаетъ узваръ изъ грушъ, ей за это кладуть деньги; у кого нѣтъ денегъ, тотъ говоритъ: «я завтра, бабусю, прыду до васъ петрушку полоть.» Послѣ узвара кума подноситъ водку, и ей кладутъ на подносъ деньги; послѣ обѣда эти деньги высыпаютъ на колѣни родильницы.

На другой день приносятъ ведро воды; бабка починаетъ его: наливаетъ въ кувшинъ, всыпаетъ туда ржи, овса и проса; на полу кладетъ топоръ обухомъ внизъ, остріемъ вверхъ, кладетъ на него вѣнокъ изъ травъ, наступаетъ тихонько на остріе; потомъ подымаетъ топоръ три раза, насѣкаетъ вѣнокъ и сквозь этотъ вѣнокъ изъ кувшина подаетъ родильницѣ умыться. Спустивши воду съ руки по локтю и принявъ ее въ другую руки, родильница изъ горсти прежде правой, потомъ лѣвой напьется; потомъ ей потрутъ этою водою крестообразно грудь, для прибавленія молока, и подадутъ полотенце, чтобъ отереться. Тогда родильница садится за столъ вмѣстѣ съ мужемъ; бабкѣ подаютъ хлѣбъ, соль и водку; потомъ даютъ ей денегъ, она покупаетъ водки и угощаетъ всѣхъ отъ себя. Эта церемонія называется: *размывки*. Родильница и бабка очищаются отъ всего нечистаго посредствомъ воды; младенца же равно какъ и родильницу предохраняетъ отъ сглазу вѣнокъ.

Грызь, ломъ въ рукахъ или ногахъ. Ее лѣчутъ слѣдующимъ лекарствомъ: призываютъ мальчика или дѣвочку—первенца или послѣдне-рожденнаго, т. е., познихырочку; даютъ этому ребенку кусать слегка больную ногу или руку за локоть или за колѣно; послѣ каждаго укушенія долженъ ребенокъ плюнуть; болѣзнь тотчасъ пройдетъ.

Укушеніе змѣи; это лѣчатъ заговоромъ:

«Заклинаю васъ, гадюкы, именемъ Господа нашего Іисуса «Хрыста, и св. велыкомученыка и побидоносця Георгія и всимы «небесными сылами. Заклынаю тры царыци: Куфію, Невію и «Полію, щобъ не вредылы (старцу или младенцу по имени) «волосомъ (цвѣтъ волосъ).»—Потомъ читаютъ молитву: Пресвятую Тройцу пять разъ и Отче нашъ семъ разъ; если змѣя очень ядовита, то читаютъ заговоръ три раза.

Зубная боль; отъ нее есть заговоры предостерегательные и заговоры излѣчающіе. Начнемъ съ предостерегательнаго:

«Тоби, мисяцю, сповни; мени на здоровье. Тоби, мисяцю, «насвитытыся, мени по свыту надывытыся, добре находытыся.»

Это говорится къ молодому мѣсяцу, увидѣвши его въ первый разъ и съ правой стороны. А вотъ излѣчающіе:

«Мисяць у неби, мертвецъ у гроби, камень у мори; якъ «тры браты до купы зберуться и будуть бенкетъ робыты, тоды «у мене зубы будуть болиты.»—

«Ты, мисяцю, Адаме, молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и «живыхъ: у мертвого зубы не болять?—У мертвого зубы николы «не болять, косты задубилы, зубы занимилы; николы не будуть «болить. Даруй, Господы, щобъ у мене раба Божого нарожоного, молытвенного, крещеного (имя) *зубы занимилы, николы не болилы* (три раза повторить).»—

Курына слипота, Hemeralopiam; человѣкъ не видитъ ничего по захожденіи солнца; этой болѣзни родня деготь. На-

добно нагнуться надъ мазницею и просить деготь, чтобъ онъ отозвалъ куриную слѣпоту, или помѣрять ниткой страстную свѣчу, сжечь нитку, и напиться воды, смѣшанной съ золою нитки.

Переполохъ; болѣзнь, происходящая отъ испуга. Отъ этой болѣзни зажигаютъ страстную или обручальную свѣчу; ставятъ миску съ водою, и на свѣчѣ льютъ олово въ воду; пара, подымающаяся въ это время изъ воды, есть нечистая сила, бѣгущая отъ больнаго.

Раны лѣчатъ колосьями тростника, называемыми «куниця.» Пережигаютъ, стираютъ въ порошокъ и засыпаютъ раны.

Испугъ дѣтскій животнымъ или птицею лѣчится шерстью или перьями того животнаго: ими окуриваютъ больнаго.

Нарывы излѣчаются прикладываньемъ заячаго мѣха, намазаннаго сметаною по шерсти.

Поносъ—перезженнымъ макомъ, посыпаннымъ на ломоть хлѣба.

Лихорадка—горькими травами, заговорами, а въ Кременчугскомъ уѣздѣ слѣдующимъ образомъ: должно разрѣзать грецкій орѣхъ по поламъ, вынуть зерно, посадить въ скорлупу большаго паука, сложить половинки вмѣсто, залѣпить ихъ воскомъ, связать накрестъ ниткою и надѣть больному на шею.

Болэнь грома излѣчается хлѣбомъ, накоторомъ есть цвѣль: надобно ѣсть этотъ хлѣбъ во время грозы.

Въ другихъ болѣзняхъ очень полезны травы: петривъ батыгъ (цикорія), шевлія (шалфей), конвалія, любистокъ, чабрець, и просерень.

Тайны—*пожаръ гасить, разкручивать закрутки* и *ловить змѣй* принадлежатъ не многимъ, но въ числѣ немногихъ и мнѣ.

Когда *ужъ* начнетъ глотать жабу, схватите лѣвою рукою ужа подъ жабры, а правою, съ помощью палочки, избавьте жабу отъ смерти. Съ этой палочкой обойдите загорѣвшійся домъ и пожаръ погаснетъ.

Закрутку уничтожить гораздо труднѣе. Тутъ ужъ нечистая сила дѣйствительно замѣшана. Закрутку дѣлаетъ дурной и злой сосѣдъ по ненависти къ сосѣду; онъ завиваетъ колосья ржи на сосѣдской нивѣ, загинаетъ колосья концами отъ солнца и дѣлаетъ завязку. Семейство хозяина въ ужасѣ; если онъ съѣстъ хлѣбъ съ этой нивы—неминуемая гибель постигнетъ его и всю его семью.

Тотчасъ надобно запречь въ телѣгу неѣзженную лошадь, взять подстилку изъ свиннаго логва, положить на телѣгу, и скакать на ниву во весь духъ; этою подстилкою должно накрыть закрутку; но съ предосторожностью: не дотрогиваясь рукой до закрутки и до ее стеблей; не то, опять бѣда. Сдѣлавши это, опять скакать во весь опоръ домой и не оглядываться; въ противномъ случаѣ нечистая сила свернетъ голову на сторону. Пріѣхавъ домой, запречь лошадь поѣзженную, набрать въ телѣгу конскаго навозу и ѣхать въ поле, пожалуй, хоть рысью, хоть шажкомъ. Этимъ навозомъ обложить корни стеблей, на которыхъ сдѣлана закрутка.

Ловля змѣй—другое дѣло; на счетъ этого слѣдовало-бы сдѣлать опытъ; что, впрочемъ, весьма легко. Здѣсь чисто тайна природы, переходившая изъ рода въ родъ, быть можетъ, въ продолженіи вѣковъ и нынѣ открытая. Но должно ее извѣрить, чтобъ убѣдиться въ ней. Вымыть платье въ щолокѣ изъ *ясеневой золы*, напрыскаться отваромъ коры, листьевъ, стружекъ ясеневыхъ; натереть тѣмъ-же отваромъ руки и подходить смѣло къ змѣѣ; она теряетъ способность кусать, становится почти неподвижною, вздрагиваетъ, жмется къ землѣ при ва-

шемъ приближеніи. И наконецъ если вы станете ее трогать, она издохнетъ. Капнуть на нее ясеневою настойкою она 5 миминутъ не переживетъ; отъ укушенія змѣи мазать деревянымъ масломъ ранки и обмывать ихъ ясеневою настойкою.

Теперь должно сказать о примѣтахъ по животнымъ.

VI. ПРИМѢТЫ ПО ЖИВОТНЫМЪ.

Если *дятелъ* долбитъ стѣну дома, это не насѣкомыхъ, не шашели онъ ищетъ; онъ предсказываетъ хозяину смерть.

Если *тараканы* вдругъ оставляютъ избу, въ которой они долго жили, будетъ въ ней пожаръ.

Если *филинъ* кричитъ на домѣ, кто нибудь въ немъ умретъ.

Если *собаки* воютъ подъ окнами, или роютъ посреди двора ямы, это значитъ, что опять кто нибудь умретъ. Если собаки сѣвъ, какъ онѣ садятся обыкновенно, станутъ ѣздить по полу—будутъ гости.

Если *котъ*, полизавъ свою лапу, умываетъ ею морду—будуть гости.

Если *мыши* появляются въ большомъ количествѣ въ домахъ будетъ холодъ; если-же въ гумнахъ—будетъ голодъ.

Если *конь*, выѣзжая со двора, станетъ упираться или спотыкнется—будетъ неудача.

Если *кукушка* въ первый разъ кричитъ и въ это время есть у васъ въ карманѣ деньги, то какія есть, такого сорта будутъ и вестись цѣлый годъ.

Если *аисты* улетаютъ изъ двора неожиданно и не возвращаются въ гнезды, то или будетъ пожаръ или дворъ запустѣетъ.

Если *курица* запоетъ пѣтухомъ, то произойдетъ что нибудь необыкновенное; но это очень рѣдко случается.

VII. ЛЮБОЩИ.

Любощи составляютъ одно изъ самыхъ интересныхъ повѣрьевъ; это повѣрье у всѣхъ народовъ есть и никогда не истребится; потому что любовь есть и всегда будетъ у всѣхъ народовъ. Страсть пылкая, жгучая, не вознагражденная взаимностью, омрачаетъ умъ и заставляетъ вѣрить всему, что можетъ подать хоть малую надежду на блаженство, выше котораго на землѣ нѣтъ.

Часто это желанье нравиться основано на расчетахъ интереса. Въ томъ и другомъ случаѣ средства одни; должно прибѣгнуть къ любощамъ.

Мнѣ разсказывалъ одинъ пріятель, человѣкъ очень вѣрный, слѣдующій случай: родной дядя и лучшій другъ его былъ не здоровъ; служанка, очень хорошенькая, терла ему ноги; самъ онъ сидѣлъ возлѣ больнаго на кровати. Еще на канунѣ замѣтилъ онъ, что дѣвушка что-то тайкомъ положила подъ голову его благодѣтеля; онъ не рѣшался однакожъ иначе ему донести о томъ, какъ поймавъ «чаровницу» на дѣлѣ. Весьма ловко, передъ самою тою минутою, когда должно было начать треніе ногъ больному, она мгновенно выхватила что-то изъ за пазухи, и начала этимъ тереть ноги господина; не менѣе ловко молодой человѣкъ схватилъ ее за руку подъ одѣяломъ, открылъ одѣяло, и сжавъ руку дѣвушки притянулъ ее къ больному. Въ рукѣ нашлась какая то лепешка; вслѣдъ за тѣмъ изъ подъ подушки вытащили какія то травы, локонъ волосъ этой дѣвушки, уголекъ и проч. Дѣлать было нѣчего, должно было признаться;

она хотѣла «до себе пана прывернуть.» Разумѣется, что клюшница, довольно строгая, какъ всѣ клюшницы обыкновенно, и довольно скупая, на этотъ разъ очень щедро подарила ее урокомъ противъ любощей.

Въ старину эти любощи были въ большомъ употребленіи; въ особенности должно было остерегаться отъ нихъ господамъ. Желанье быть любовницею барина, имъ овладѣть и потомъ властвовать надъ всѣми своими равными, увлекало служанокъ употреблять знахорскія тайны. Но иногда нельзя дойти до барина; никакой связи съ нимъ нѣтъ и развѣ только жалобу или просьбу можно ему принесть; что же тогда дѣлать? и на это есть средство: лѣтъ за сорокъ пять тому назадъ у моего дѣда въ домѣ жила служанка бабки моей, тогда уже покойницы. Необыкновенно злая, интригантка, сплетница, ненавидимая всею дворнею, она не имѣла случая даже приблизиться къ дѣду моему. Напрасно она старалась обратить на себя его вниманіе, то встрѣчами съ нимъ, то лишними поклонами; онъ даже не замѣчалъ ее. Она прибѣгнула къ какому то знахору; въ слѣдствіе чего дождалась первой ясной ночи во время полнолунія, и, полагая, что въ дворѣ спятъ, раздѣлась совершенно, стала противъ оконъ спальни моего дѣда, въ которой огни были погашены. Тутъ, распустя косу и раскинувъ руки по воздуху, она начала кружиться сколько силъ подъ мѣсяцемъ. Дѣдъ мой стоялъ у окна, и видѣлъ всю продѣлку; онъ послалъ камердинера, который подкрался и схватилъ волшебницу; другой человѣкъ былъ посланъ къ дворецкому; а этотъ, съ помощью ливрейныхъ, не далеко откладывая, тутъ же подъ мѣсяцемъ далъ ей довольно чувствительное наставленіе, котораго содержаніе она всегда помнила. Она уже была старухой, свободной, и злѣе чѣмъ когда нибудь; мнѣ было шестнадцать лѣтъ. Окончивъ курсъ ученья, я пріѣхалъ изъ Петербурга въ Малоросію; мнѣ разска-

зали подробности жизни этой старухи, къ которой я имѣлъ непреоборимую антипатію, и я не могъ встрѣтить ее, не спросивъ: что съ нею говорилъ дворецкій покойнаго дѣдушки моего передъ спальнею въ полнолуніе. Разумѣется, что на вопросъ она отвѣчала ужасными ругательствами.

Впрочемъ здѣсь дѣйствовала только страсть къ интересу; страсть истинной, нещастной любви увлекала иныхъ до того, что они не боялись давать жестокому предмету любви любощи внутрь. Послѣдствія такъ хорошо описаны въ одной изъ нашихъ простонародныхъ пѣсень, что я вмѣсто описанія прилагаю пѣсню.

Не ходы, Грыцю, на вечорныци,
Бо на вечорницяхъ усе чаровныци.

IX. СВАТЬБЫ.

Обрядъ 1-й.

Сынъ приходитъ къ отцу и кланяется ему въ ноги: «тату, позволте мени женытыся!»—Боже тебе благослови!—Отвѣчаетъ отецъ, даетъ ему паляницю или буханецъ и говоритъ: «выйды-жъ попросы въ старосты кого знаешъ, и ступай, куда тоби вгодно».

«Про мене, сынку, хочь свынку,
«Абы на мене не рохкала.»

Молодой избираетъ старостъ, приноситъ полкварты горѣлки; отецъ, мать, старосты и молодой пьютъ могорычь; молодой беретъ большой хлѣбъ на поклонъ отцу невѣсты и ведетъ старостъ, куда знаетъ. Старосты входятъ въ избу; женихъ остается гдѣ нибудь въ скрытномъ мѣстѣ. Въ избѣ старосты кланяются хозяину хлѣбомъ, и этотъ хлѣбъ кладутъ на столъ. Хозяинъ говоритъ: «сядте у мене!»—Усѣвшись на скамьяхъ, послѣ

минутнаго молчанія, старосты говорятъ хозяину: «що-жъ, свату, «мы до тебе прышлы не сыдить, а говорыть и сватать дивкы «за Андрія Юрковыча Чарнышенка.»—Я сей годъ не намиревъ оддавать; у мене нема ничого изготовленного, щобъ сватьбу гулять.—«Щожъ, свату, тоби еіи до вику не держать, а треба «оддавать; намъ вашого хлиба й достатку не пытать; а ка-«жется, за сіого хлопца можно оддать.»—Э, добры люде, вамъ то кажется, що можно, а мени й не можно. У мене теперъ и хлиба нема й горилки ни за що купыть; я сіого не ожыдавъ.—«Сіого у насъ николы не мае, а якъ прыдется, «то щобъ було!»—Що-жъ, добры люде! я не знаю, якъ іихъ любовъ; позовить, що вона скаже?—

Изъ двухъ старостъ одинъ старшій, другой младшій. Старшій староста говоритъ младшему: «добре; пыйды, старосто «меньшій, поищы еіи.»—Младшій староста идетъ къ невѣстѣ, беретъ ее и приводитъ къ отцу. Она должна стать возлѣ печи, «у комына.» Она говоритъ отцу:—я паробку ганьбы не даю и замужъ не пойду.—Отецъ и мать начинаютъ ее бранить: «на що-жъ ты, суча дочко, старостывъ намъ навела, а насъ «и не пыталась?»—Хыба я іимъ наказовала, або за іимы посылала, щобъ мене сваталы? Я сномъ и духомъ не знаю.

Ее начинаютъ уговаривать старосты: «що-жъ дивчыно, такъ тоби не прожить и батько й маты тебе не будуть при соби держать, а треба оддавать; то ты подумай и насъ не володовдь; колы ты намирена—скажи одным словомъ и благословысь у батька й матеры.»

— Всѣ молчатъ, это молчаніе довольно долго продолжается; его прерываетъ отецъ:

«Що-жъ ты, суча дочко, ничого не одвичаешъ; чы ты «согласна, чы ни? говоры, а людей не держи.»—Що-жъ тату

й мамо ваша воля оддавать и неоддавать, а мени у васъ до вику не жыть.

Отецъ встаетъ, проходитъ по хатѣ взадъ и впередъ, принимая видъ задумчивости, потомъ обращается къ дочери:

«Такъ, суча дочко! сама сватаешся, а намъ и не кажешъ; а зъ чимъ ты пiйдешъ?... Напряла? наткала? прыдбала?... чортового батька! а замужъ рыгнешъ!»

Послѣ довольно долгаго молчанiя, онъ обращается къ старостамъ:

«Що-жъ, добры люде, уведить вашого молодого; що тамъ «такее? покажить на лыце; чы вы може прышлы насмiяться тыльки?»—А якъ-же то можно насмiяться; отвѣчаетъ староста;—мы люде проханы не на смихъ, а казать дило; отъ вамъ позовемъ и молодого. Потомъ говоритъ къ младшему старостѣ: «пiйды да позозы, де вынъ е.»

Женихъ входитъ, кланяется отцу и матери, цалуетъ ихъ въ руки; невѣста, оборотясь лицемъ къ печкѣ, закрываетъ лице, какъ будто стыдясь, т. е., соромляется. Отецъ ея говоритъ жениху; «ну колы ты нашъ зять, прошу систы.»—Потомъ невѣстѣ: «а ты, дочко, колы iого любышъ, то шукай рушныки.»

Старшiй староста беретъ ее за руку, приводитъ къ отцу и матери и говоритъ: «просы благословенья и кланяйся до ногъ тры раза.»

— Дочь кланяется: «благословитъ, тату й мамо!»—«Боже тебе благослови!» отвѣчаютъ отецъ и мать. Молодая вноситъ старостамъ рушники, а жениху хустку кладетъ на тарелку и ставитъ передъ ними на столѣ. Старосты берутъ рушники и перевязываютъ себя ими черезъ правое плечо подъ лѣвую руку, говоря: «спасыбу свату, й сваси, й молодой княгыни, що вона «вставала й рушныкы пряла старостамъ. Возьмы-жъ, батькова «дочко, хустку, да пощупай у молодого ребра; ты за iого

«йдешъ, а у іого може й ребра не мае.» Невѣста беретъ хустку и затыкаетъ ее жениху за поясъ; старосты и женихъ кладутъ на тарелки по грошу и ставятъ полкварты горѣлки, т. е., могорыча. Имъ подаютъ закуску: хлѣбъ, соль, капусту, рыбку, что у кого есть. Закусивши, старосты прощаются и говорятъ отцу: «ну, свату, теперъ просымъ до насъ». Потомъ, раскланявшись, уводятъ молодаго.

Обрядъ 2-й.

Отецъ и мать жениха на другой день приходятъ къ отцу и матери невѣсты, т. е., къ своимъ свату й сваси. Эти просятъ ихъ сѣсть; кварта, а когда можно и полведра горѣлки стоитъ на столѣ передъ ними, они пируютъ и ведутъ обрядный разговоръ: «ну, сваты, вы мене знайте, и на пидмогу го-«рилки видра два дайте, а у мене багато не требуйте.»—А що-жъ, свату, по нашымъ достаткамъ, мени не треба ничого.— «Э, ни-бо, брате свату! такъ якъ у людей, щобъ и въ насъ «було. Ось ну лышь, роспережыся, да купы отсе що мы будемо «требоваты: ридному батьку полотна на сорочьку; матеры на-«митку; хрещеному батьку платокъ, родычамъ нашымъ десять «хустокъ и хресной матеры намитку; да щобъ воны за твоею «дочкою не сожалилы, и очей не выбывалы, а намъ за неи для ху-«стынкы не видцураться родынкы, то усе оддай.»—Добре свату! що-жъ ты багацько такъ требуешъ?—«а що-жъ, свату? намъ «родни не выдцураться; що треба, то що годытся.»—Добре, свату, купить же й нашому роду дви пары чобитъ, панчохи й двадцать калачивъ, десять очипковъ, два аршына стіонжки; а молодую хоть и безъ очипка возьмить.—Кончивъ условіе, сваты и свахи пьютъ могорычь вволю; закусываютъ саломъ, картофелемъ и пр., судя по состоянію и по постнымъ или ско-

ромнымъ днямъ. Подгулявши, встаютъ, благодарятъ Бога; отецъ и мать жениха просятъ свата и сваху своихъ къ себѣ въ гости.

Обрядъ 3-й.

Отецъ и мать невѣсты приходятъ въ домъ къ родителямъ жениха. Угощеніе происходитъ обыкновенное и, разумѣется, съ достаточнымъ количествомъ горѣлки. Въ тоже время невѣста собираетъ по селу дѣвушекъ, женихъ собираетъ парубковъ и идутъ къ невѣстѣ въ домъ. Женихъ приноситъ горѣлку и приводитъ музыкантовъ, невѣста приготовляетъ блины, пампушки и проч. Часа три идетъ у нихъ пиръ, ужинъ и пляска.

Обрядъ 4-й.

КОРОВАЙ.

Собираютъ въ домъ жениха женщинъ дѣлать коровай; онѣ входятъ и спрашиваютъ: «чи е въ васъ мука?»---Е.--- Отвѣчаетъ головатая маты.---«Дакъ, давайте-жъ!»---Вносятъ муку двухъ сортовъ: пшеничную и ржаную. Коровайницы сѣютъ и учиняютъ; когда взойдетъ тѣсто, онѣ дѣлаютъ изъ пшеничной муки большой хлѣбъ, а дно, т. е., нижнюю корку дадутъ ему изъ ржаной; тогда коровайницы начинаютъ пѣть:

Засвиты Боже изъ раю
Нашому короваю,
Щобъ було выдиссенько
Краяты дрибнесенько.

***

Ой пійду я, погуляю,
Ставу подумаю:
Да чи мени воду браты,
Чи коровай, може, бгаты.

*
* *

«Старша дружечко,
«Подывысь въ окошечко:
«Чи высоко сонечко на небі?
«Чи багато бояръ на дворі?»—
Багато не багато, тылькп зъ іихъ
Кращій Ивашко одо всихъ.—
Ой вы, бояре, ясныя соколоньки,
Чомъ же вы до насъ нерано пріихалы?
Чи вы, бояре, коныковъ добувалы?
Чи вы, бояре, жупаныв пожычалы?
— Ой вы, дружечки, сывы голубочки!
У насъ коныки посидланы стоялы
У насъ жупаны побганы лежалы,
То у Ивасечка ласковый пань—отченько
Забарывъ насъ ласковымы словамы,
Напoвавъ насъ сладкымы медами;
Прохавъ насъ прозьбою й грозьбою,
Щобъ мы прывезлы Марусеньку съ собою.

*
* *

Заковала зозуленька
У садочку,
Прыхылывшы головоньку
Икъ лысточку:
Ой не буде садъ зимою
Зелениты,
Тылькп буде изъ подъ снигу
Лыстъ чорниты,
А якъ буде да литечко
Дай тепленьке,
Дакъ и буде садовынка
Дай ряспенька.
Заплакала дивчыноцька
У свитлыци,
Прыхылывшы головоньку

До скамныци:
Ой чи буде такъ у свекра
Якъ у батька?
Ой чи пустыть на юлыцю
Погуляты?
Лыхій свекоръ погуляты
Да непустыть;
Ой хоть пустыть молодую
Дай пригрустыть,
Иды, иды, дытя мое,
Не барыся:
У синечки, за дверечки
Да й верныся!
Увыйшовши у свитлоньку
Поклоныся:
Ой спасыбу, мій батеньку,
Погуляла,
У синечкахъ, на дверечкахъ
Постояла,
И челядына у нычи
Не выдала.

***

Да Андрійкова маты,
Да Андрійкова маты
Да по сонцю ходить;
Да по сонцю ходить,
Да сусидочокъ просить;
Да сусидочокъ просить.

Во время пѣнія, онѣ лѣпятъ изъ муки пшеничной шишки и птички. Птички по парно прилѣпляютъ къ хлѣбу, на минуту прерывая пѣсню словами: «Дай Боже, щобъ нашы диты въ пари булы!» Когда должно коровай садить въ печь; тогда онѣ зовутъ мущину и даютъ ему прозванье: «*кучерявый*.»

Онѣ говорятъ ему: «кучерявый! выметы пичь, да посадыш «нашъ коровай.»---Кучерявый выметаетъ и послѣ вмѣстѣ съ коровайницами поетъ:

Кучерявый пичь вымитае, (bis).
Вермянка въ пичъ заглядае,
Въ щаслывому мисти
Короваю систы.

Посадивши коровай, онъ кричитъ: «жонки до дижы!» — Женщины берутъ дѣжу, въ которой творили коровай, носятъ ее по всей избѣ; подымаютъ выше себя и бьютъ ею три раза въ сволокъ, припѣвая вмѣстѣ съ кучерявымъ:

Ой пичь, пичь на стовпахъ,
Да дижу носятъ на рукахъ,
Наша пече, наша пече,
Намъ спечи коровай
Грече.

Потомъ говорятъ хоромъ: «да цѣлуйтеся, да милуйтеся коровайницы.»— Коровайницы обнимаютъ и цалуютъ кучеряваго, головата маты приноситъ закуску и горѣлку, сажаетъ всѣхъ за столъ, угощаетъ, пока коровай спечется; вставъ изъ застола и Богу помолясь, вынимаютъ изъ печи коровай, обертываютъ его длиннымъ рушникомъ и кладутъ на столъ.

Въ это время подходятъ дѣвушки, т. е., дружки, чтобъ вильце вить, ихъ впускаютъ въ избу.

Обрядъ 5-й.

В И Л Ь Ц Я.

Въ назначенную для дѣвичь - вечера субботу въ домѣ у невѣсты происходитъ слѣдующее:

Поутру, въ то время, когда коровай пекутъ, она ходитъ по селу, собираетъ подругъ *у дружки*. Дружки поютъ:

Туда идуть дружечки пышныи;
Несуть воны корогву якъ огонь;
А на тоей корогви листоньки;
Тожъ нашои Марусеньки мысленьки.

*
* *

Ой ходыла Марусенька по полю,
Ой тисныи юлонки тисныи;
Да плела винокъ съ куколю;
Да просыла матыньки просьбою,
Ой хоть просы доненьку не просы,
До вечера виночокъ доносы
А въ вечери дружечкамъ отласы.

*
* *

Ой поле, поле полечкомъ
Туды іихавъ Андріечко конычкомъ ;
Да ризавъ ризки зъ березки,
«Бижы, бижы, конычецько, швыденько,
Тутъ наша Ганусенька близенько.»

*
* *

Ой помалу дружечкы идите,
Пыломъ не пылыте,
Щобъ нашая пава
Пыломъ не припала;
Щобъ нашая слава
По всѣмъ свиту стала.

*
* *

Ой городъ, городъ, городынъ,
Приѣхавъ Андріечко челядынъ,
На вороном кони,
Въ голубомъ жупанѣ.

Подходя къ избѣ жениха, дружки поютъ:

Заствлайте столы,

Мостыте условы,
Станавить кубочки,
Не далско дружечки.

*
* *

Сяду, паду ластовкою
    Перед синечкамы,
Перед своею матинкою
Изъ своимы дружечками.

Тутъ невѣста входитъ съ подругами въ избу жениха, чтобъ ему *вильце вить.*

Вотъ что значитъ вильце: молодой вырубливаетъ сосонку, елочку, а за неимѣніемъ — вышеньку; но предпочитаютъ деревья вѣчно — зеленыя; у меня въ саду однажды вырубили для вильця молодой — кедръ! Признаюсь, что я не очень былъ радъ свадьбѣ; лѣтъ пятнадцать ужъ прошло и я не могу забыть этаго. Итакъ женихъ вырубитъ сосонку, пригласитъ къ себѣ товарища или родственника и назоветъ *бояриномъ.* Бояринъ вноситъ это деревцо въ избу, даетъ ему названье — *вильце,* и втыкаетъ его въ *великій хлибъ.* Это не тотъ хлѣбъ, который играетъ роль съ начала сватьбы, и на которомъ лежатъ три житнихъ колоска и соль; хлѣбъ лежитъ на столѣ. Молодая говоритъ: «старосто, пане подстаросто, благословить старшу квитку вильцю звыть!» — Боже благословы! — Молодая съ дружками садится за столъ, дружки поютъ:

Благословы Боже,
Благословы Боже,
Намъ вилечко звыты,
Сей домъ звеселиты;
Ой мы вильце вылы,
Да мы меду не пылы,

Да все тее пыво,
Зеленее выно.

Во время пѣсни, онѣ вьютъ вильце; молодая подаетъ имъ по чаркѣ горѣлки если нѣтъ меду; окончивъ дѣло, они встаютъ и идутъ въ домъ молодой вить вильце такимъ же порядкомъ и съ тѣмъ же припѣвомъ и тамъ: — *вить вильце* значитъ вить вѣнки изъ цвѣтовъ, изъ калины или изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ, когда нѣтъ натуральныхъ, и увѣшиваютъ букетами и увиваютъ вѣнками деревцо, т. е. вильце.

Обрядъ 6-й.

Въ назначенную по условію и по возможностямъ субботу отецъ кличетъ жениха, кладетъ ему за пазуху паляницу и говоритъ:

«Пійды, сынку, попросы у дружки Степана и Грицька.»

Сынъ приводитъ Степана и Грицка; отецъ проситъ ихъ садиться и подчиваетъ горѣлкою, потомъ говоритъ:

«Услужить, мому хлощевы: сходить до свата, догово-
«риться зъ сватомъ, скильки треба поiизду, за коня, за мисто
«й за квитку грошей, щобъ зналы зъ чымъ иты завтра до
«сватывъ.»

Дружки отвѣчаютъ: — такъ, батьку головатый! Ну теперь давай намъ хлѣбъ и могоричъ.

«Постойте, добры люде! а де стара? треба людей отпра-
«выты: а пійды стара, да унесы пляшку горѣлкы, бо ты зна-
«ешъ, що се дѣло важне, щобъ намъ очима не лупать; треба
«дать людямъ по чарци, бо имъ треба съ своимъ дѣломъ
«справлятся, а нычь не стоить.»

Дружко требуетъ молодого; поклонясь отцу и матери ставятъ «услонъ,» застиляютъ его кожухомъ шерстью вверхъ;

на немъ садятся отецъ и мать, и держутъ хлѣбъ съ кускомъ соли и съ тремя ржаными колосками, лежащими на хлѣбѣ.

Тогда дружко говоритъ: старосто, пане подстаросто! Благословить молодого князя отцю и матеры отклонить! — «Боже «благословы, дружко.» Это требованье и отвѣтъ повторяются девять разъ; или выражаясь мѣстнымъ словомъ: *трычи по трычы, щобъ було девять разъ*. Дружко обвертываетъ свою руку хусткою, чтобъ голою рукою не трогать молодаго, потомъ беретъ его за голову, подводитъ къ отцу и матери, и предъ ними наклоняетъ его голову; это называется «откланивае,» съ тѣмъ, чтобъ идти въ путь къ невѣстѣ; а между тѣмъ тотчасъ же кличетъ музыкантовъ:

«Веселы, веселы, веселы! скорій идить сюда!»

Музыканты приходятъ и начинаютъ играть, женщины поютъ:

1. **Похилее дерево да ялына,**
Покирнее дитяточко да Андрійко;
Отцю и матци у ныженьки поклонывся
И дрибнимы слизоньками да облывся.

Дружко откланиваетъ молодого и ведетъ его за столъ, говоря: «старосто, пане подстаросто! Благословы молодого князя «за столъ завесты.» — Боже благословы! отвѣчаетъ староста. Дружко беретъ молодаго за хустку и ведетъ его за столъ. Женщины поютъ:

2. **Ишовъ Андрієчко на посадъ;**
Стрычає іого Господь самъ,
Изъ долею щастливою,
Изъ доброю годыною.

Молодого обводитъ дружко вокругъ стола три раза, сажаетъ его на покути, садится самъ возлѣ него и говоритъ «старосто, пане подстаросто! обыщы ты мени батька головатого, або матиръ, чи не булабъ іихъ мылость намъ по чарци

горилки дать. бо мы хочемъ въ Божу путь иты.»—Отецъ подходитъ и поднесши каждому по чаркѣ, ставитъ пляшку на столъ и отходитъ. Дружко говоритъ: «а що-жъ? якъ бы ще «и маты по одной дала на дорогу.»—Мать входитъ, подчуетъ, и потомъ обращается къ мужу своему: «ну, старый, я не «вынувата, дала по чарци и теперъ якъ хочешъ, старый, од-«правляй людей.»

Дружки встаютъ, благодарятъ Бога, отца и мать; требуютъ у отца и матери пляшку горилки для свата на могорычъ. Отецъ наливаетъ полкварты или кварту въ бутылку и отдаетъ дружку. Этотъ говоритъ: «старосто, пане подстаросто!»—Рады слушать!—Отвѣчаетъ староста.—«Благословить въ Божу путь пыйты.»—Боже благословы!—Отецъ подаетъ дружку буханець. Дружко говоритъ: «а ходимо уси прошены и непрошены поклоны-«тыся батькови одъ молодого.»

Они идутъ къ избѣ, гдѣ невѣста живетъ; всѣ останавливаются на дворѣ; одни дружки входятъ въ избу, кланяются хозяевамъ хлѣбомъ и солью и говорятъ: «сватъ и сваха кла-«няются хлибомъ и солью и просятъ васъ якъ бы не гаять «насъ: изыскать свое дитя и посадыть за столомъ, а мы жъ «іий и пару уведемъ.»—Подождить!—говоритъ отецъ невѣсты. Начинаетъ ходить по избѣ то взадъ, то впередъ какъ будто съ безпокойствомъ и потомъ посылаетъ своихъ пріятелей къ невѣстѣ:—скажить, щобъ вона сей часъ була, бо до мене люде прышлы; треба іимъ щось казать!—пріятели отыскиваютъ и приводятъ дѣвушку къ отцу. Онъ обращается къ ней:

«А що се ты, дочко, крыешся? аже-жъ ты се сама за-«вела; а черезъ тебе и мени покою нема; щось симъ людямъ «да треба казать, що прыйшлы до насъ; гей, хлопци, шукайте «мени кожухъ, да услынъ, то мы знайдемъ свій порядокъ; а ну,

«стара, де ты? готово дило, щобъ намъ всю нычь людей «не держать.»

— А нужъ, батьку, сидайте да отклонить свое дытя!—говорятъ пріятели.

«Я, диты, заразъ! тыльки шукайте брата молодой.»

Если она не имѣетъ брата, то родственникъ или даже посторонній молодой человѣкъ принимаетъ на себя роль брата. Его вводятъ; онъ говоритъ:—«старосто пане подстаросто, благословить батькови й матеры сестру одклоныть.»—Боже благословы!—отвѣчаетъ староста. Это повторяется трычы по трычы щобъ було девять разъ. Тутъ одклоняютъ невѣсту и зовутъ музыкантовъ присланныхъ молодымъ.

«Веселы, веселы, веселы! а йдить сюда! грай музыко!»—

Музыкантъ говоритъ: а нуте дружки спивайте голосомъ що у молодого. Дружки поютъ;

> Похилее да дерево ялына;
> Покирнее дытяточко Марусенька:
> Отцю й матци у ныженьки поклонилась.
> И дрибными слизоньками да й облылась.

Братъ просится въ избу: «староста пане подстаросто!»—Рады слухать!—«Благословить сестру за стылъ завесты.»—Боже благословы.—Это все повторяется какъ и прежде: трычы по трычы щобъ було девять разъ. Тутъ братъ сестру заводитъ за столъ, усаживаетъ ее и садится возлѣ. Видя что жениха негдѣ посадить, дружки просятъ, чтобъ братъ уступилъ мѣсто: «устань, брате, а мы молодшого посадымо икъ Ганци въ пару.»—Братъ требуетъ за свое мѣсто денегъ или бочку горѣлки: «щобъ за сестрою зъ добрымы людьмы погулять.» Дружки просятъ у невѣстинаго отца пляшку горилки: «якъ бы «молодои брата изъ миста изкупыть и молодого на тому мисти

посадыть.»—Отець подаетъ горилку, дружки наливаютъ чарку и просятъ брата, чтобъ уступилъ молодому мѣсто.

Въ это время, а иногда часа четыре, женихъ стоитъ на дворѣ, не смотря ни на какую непогоду. Дружки говорятъ, обращаясь къ брату невѣсты:

«Молодый стоить на двори часа чотыри и просить, щобъ «и його у хату упустылы; то ты, брате, уступы намъ мисто «сее, а мы тоби и завтра подякуемо.»

Братъ отвѣчаетъ: «налыйте-жъ хочь чарку горилки теперъ, а завтра мени оддасте бочку, що бъ и я за сестрою погулявъ; щобъ и мене люде зналы, що сестра моя замужъ иде.»— Дружко подаетъ ему чарку горилки и говоритъ: «пора, брате, «на выступци, бо вже мы й такъ загаялись.» Братъ невѣсты выходитъ изъ застола, благодаритъ Бога и говоритъ: «ну, сестро! «Прощай до завтрого; а що ты намъ у двори и въ городи на-«портыла черезъ гулянки, то я завтра изыщу. Ты мени батька «годувать не будешъ, а сама йдешъ прычь.»

Догда дружко идетъ изъ избы за молодымъ, вводитъ его, останавливается на порогѣ и начинаетъ трычи по трычы: «старосто пане подстаросто!»—Рады слушать.—«Благословить у сей честный домъ уступыть, и молодого князя коло молодой посадыть.»—Боже благословы!—Послѣ девятикратнаго повторенія этой формулы, дружко вводитъ жениха и сажаетъ его на мѣстѣ брата, по лѣвую руку отъ невѣсты. Потомъ говоритъ:

«Старосто, пане подстаросто; обыскайте сiому дому батька «головатого або матирь, чы не булабъ iихъ мылость хлиба— «солы поставыть, такъ якъ мы люде дорожнiи.»

Отецъ подходитъ съ матерью; ставятъ хлѣбъ—соль на столѣ. Дружки продолжаютъ: «що-жъ, батьку, мы люде до-«рожнiи; у насъ руки не чысты. Мы на безпутыци одынъ дру-

«гого ратовалы й руки свои помазалы. То не була-бъ ваша «мылость позволыть намъ руки помыть и рушныками потерты?»

Отецъ и мать невѣсты подходятъ къ столу, ставятъ «пытунъ»; дружки моютъ руки, мать подноситъ имъ ручники на тарѣлкѣ, и проситъ, чтобы они приняли ихъ руки обтереть; дружки берутъ ручники и говорятъ:

«Спасыбу свату й сваси и молодой княгыни, що вона рано «вставала, подарки пряла и намъ за нашы труда давала. Теперъ, «батьку, мы за кимъ пьемъ и гуляемъ, а е той що скоса «поглядае, що іому подарковъ немае.»—Требуйте, отвѣчаетъ батьку, мы дамо.—«Що-жъ, батьку и ты мамо, намъ треба «молодому, боярыну й музыци; изъ кымъ прышлы, тому й «требуемъ.» Мать подаетъ всѣмъ названнымъ хустки; молодому на терѣлкѣ и на столъ; бояриню и музыкантамъ въ руки. Они, принявъ, благодарятъ. Дружки обращаются къ невѣстѣ:

«А ну лыщень, Марусю, возьмы отсю хустку, да подывысь, чи е въ іого ребра, бо мы теперъ поночы йшлы, по«года худая, може вынъ де впавъ и пробывъ ребро,—подывысь.» Невѣста затыкаетъ хустку молодому съ боку, за поясъ. Дружки говорятъ: «спасыбу батьку й матцы за подарки; те«перъ, чи не була-бъ ваша мылость намъ по чарци могорыча «дать, або одъ насъ потребувать.»—Уже була одъ насъ; отвѣчаетъ батько, якъ бы вы свою прынеслы й поставылы, то-бъ и я зъ своимы родычамы выпывъ.—Дружко вынимаетъ изъ кармана бутылку горѣлки, ставитъ на столъ, подчиваетъ отца, мать и всѣхъ родныхъ. Хозяева ставятъ на столѣ завтракъ, всѣ закусываютъ и благодарятъ Бога.

Тогда женихъ и невѣста берутся за платокъ дружка; выходятъ изъ за стола и за дружкомъ идутъ учиться танцовать. Дружко зоветъ музыку: «иды—лышь намъ заграй!» Выходятъ въ сѣни, музыка играетъ; дружко водитъ молодыхъ вокругъ

себя, какъ будто-бъ учить танцованью; три раза обвевъ, оставляетъ ихъ въ сѣняхъ, это бываетъ иногда и на дворѣ; самъ-же онъ идетъ въ избу и начинаетъ договоръ съ отцомъ.

«А що-жъ, свату, мы теперъ вамы довольны, да скажы «намъ, скильки завтра поизду провезты?»

— А що-жъ, дружки, скажить свату, щобъ не було лышніого; мени колыбъ такъ щобъ лишняго не було: видтыля девять а мое десяте.—«Добре, свату; а якъ же намъ батько, да тамъ-же й молодый захочуть прыслать и быльше по іого велыкой родни? то не откажить!»—Скажы свату мому: якъ вынъ хоче поизду прыбавить, то нехай присыла велыкій капшукъ грошей: за коня 2 рубля, за мисто 2 рубля, за квитку рубъ.—«Спасибо, свату; да щобъ и нашему батьку гнивно не було.»—Э вже-жъ, братья, колы вы нехочете роду оставлять, дакъ и мени треба свій родъ чимсь обдилить.—«Ну, свату, изъ симъ прощайте.»

Дружко встаетъ и говоритъ: «що-жъ свату? благодаримъ Богу и вамъ за хлибъ и силь, да чи нема у васъ ище по чарци горилки.» На это отвѣчаетъ отецъ:—да се е!—«Тото, свату, «я доволенъ за твоимъ столомъ, а музыка нашъ и доси на-«двори, то щобъ не жаловавсь нашому батькови, а вашому «свату на насъ!»—Уклычте іого, да почастуйте.—Отецъ подчуетъ музыкантовъ. Послѣ этаго дружко говоритъ: «теперъ, свату, прощай, а на завтра ожыдай.»—Отецъ называетъ себя впервые сватомъ; даетъ дружку бухапецъ и кланяется черезъ него свату и свахѣ своимъ, прося ихъ, чтобъ и они у него побывалы завтра. Прощаются всѣ, дружко беретъ молодого боярина, музыку, всѣхъ родныхъ жениховыхъ и его пріятелей ведетъ ихъ къ отцу жениха на хлѣбъ, на соль и на вечерю. Пришедши, кланяется ему буханцемъ отъ свата и свахи.—Отецъ спрашиваетъ: а що вамъ тамъ було въ свата? Дружко отвѣчаетъ:» усе добре: нема ніякой насмишки »—Добре,

диты! спасыбу свату; сидайте-жъ диты за стылъ, и вы пріятели, да будемъ свое дило робыть; давай лышень, стара, вечерять; да по чарци, а тоди кому якъ вгодно: хто хоче погулять, а хто й хоче спать, бо завтра треба й дило справлять.—

Садятся за ужинъ, обрядные разговоры и церемоніи оставя на завтра.

Обрядъ 7-й.

ВОСКРЕСЕНІЕ.

По утру входитъ въ избу жениха дружко, и говоритъ отцу: «здраствуйте, тату; спасыбу за учорашнее! а теперъ чи у васъ «усе готово, щобъ намъ до Божого дому?»—Готово усе; нехай, съ Богомъ одѣвается и идить.—Дружко вводитъ молодого, проситъ отца и матъ сѣсть на услонъ; они берутъ хлѣбъ—соль и три житнихъ колоска, чтобъ отклонить въ путь молодого. Дружко подводитъ его къ нимъ и не голою рукою, а закрывши руку платкомъ, наклоняетъ ему голову предъ отцомъ и матерью. Отецъ говоритъ: «Боже благословы тебе, сыну, у законъ уступыть!» Дружко идетъ тогда съ бояриномъ въ домъ невѣсты; ея отецъ долженъ отклонить пару, «у Божу путь до церквы.» Невѣста беретъ съ собою сваху, чтобъ слала рушныки подъ ноги и дружку вѣнца держать. Когда свершится вѣнчальный обрядъ—молодыхъ ведутъ прямо въ домъ молодого; музыка играетъ маршъ; отецъ и мать ихъ встрѣчаютъ на дворѣ съ тѣмъ же хлѣбомъ—солью и тремя колосками; они кланяются въ сѣняхъ отцу и матери; эти ихъ поздравляютъ; въ сѣняхъ они снова кланяются и цалуютъ отца и мать въ руку. Ихъ вводятъ въ избу, сажаютъ за столъ, отецъ приноситъ горѣлку, подчиваетъ молодыхъ а потомъ и все общество; мать подаетъ завтракъ и проситъ *закусить*; молодые кланяются и «соромляются,» то есть, глаза опустя, не смотрятъ ни кому въ лицо и не принимаются за завтрикъ. Дружко, видя, что молодые соромляются,

говоритъ: «Давайте, мамо, и вы по чарци: то лучше будутъ «нашы молодыи іисты.»—

— Да добрежъ, отвѣчаетъ мать, я заразъ.—Попотчивавши, она отступаетъ; отецъ повторяетъ просьбу закусить. Молодые принимаются за завтракъ; потомъ подаютъ обѣдъ; отецъ приглашаетъ обѣдать; но молодые опять сором яются; тогда отецъ говоритъ; «Клыме, прыгоняй пшенъ и Гапку; чи вона такъ «буде и дило робыть якъ іисты?»—Э! тату,-говоритъ дружко,— якъ бы була ваша мылость и по третій чарци дать къ обиду.— Батько беретъ чарку и частуетъ прежнимъ порядкомъ. Дружко, увидя что всѣ поподчиваны, говоритъ: «а нуте, молодыи дыты «и вы добры люде, обидать у нашого батька, бо намъ ище «дила багато, треба и въ дорогу збираться пообидавши.»

Отецъ проситъ «выбачать» и «систы на мисти, гдѣ хто сыдивъ,»—молятся Богу, садятся и обѣдаютъ. Послѣ обѣда подаютъ варенуху на столъ. Старуха выпиваетъ чарку, потомъ подноситъ попорядку каждому, начиная съ старика и молодыхъ. Тотчасъ послѣ обѣда всѣ встаютъ; мать говоритъ: слава Богу, що я «дождала невистки!» Всѣ благодарятъ стариковъ за хлѣбъ за соль; старикъ беретъ буханецъ, подаетъ молодой и говоритъ: «клавяйся, *дочко*, своему батьку, а мому сватови, и «скажы іому, якъ прыдуть мои люде, то щобъ не держалы «довго, щобъ меньшъ було утраты.» Молодая цалуетъ свекра и свекровъ въ руки, беретъ сваху и дружку и идетъ къ своему отцу. Дружко и молодой проводятъ ее съ музыкою шаговъ за сто и возвращаются назадъ.

Вшедши въ избу, дружко говоритъ: «що, тату, пора и намъ избираться?»—Э! пора, хлопци!—«Клыме! а йды-жъ «по свитилкы и по свахи, да скорій.»—Молодой приводитъ изъ своей родни двѣ дѣвушки въ свитилки и двѣ молодицы въ свахи, другого боярина, двухъ старостовъ, два

дружка, музыку и *возныка,* то есть кучера; садятся всѣ за столъ; старшій дружко разщитываетъ сколько нужно поѣзду: за столомъ сидитъ двѣнадцать безъ молодого; молодой безъ пары тринадцатый, а его пара, которую привезутъ будетъ четырнадцатая; видя это дружко говоритъ:

«Тату, уси нашы! теперъ вы, свахы й свитилкы! берить «шапкы й пришывайте квитки, щобъ наше військo позначене «було, якъ придемъ до свата.» Свахи и свѣтелки берутъ квитки, стёнжки, пришиваютъ ихъ къ шапкамъ и поютъ:

Да стоить верба,
Не рикъ не два;
    Да рано, рано!
Не стый вербо,
Розвывайся;
    Да ранесенько!
Розвый соби
Симсотъ квитокъ;
    Да рано, рано!
Симъ-сотъ квитокъ
И чотыры;
    Да ранесенько!
Всимъ боярамъ
По квиточцы;
    Да рано рано!
Усимъ дружкамъ
По квиточцы;
    Да ранесенько!
Андріечку
Нема квитки;
    Да рано, рано!
Андріечку квитка:
Марусенька дивка,
    Да ранесенько!

Дружко говорить: «беры свахо пляшку горилки на столи: частуй старостывъ, дружкивъ, бояръ, музыку й возныцю; нехай выкупляють шапки!»—Сваха подаетъ на тарѣлкѣ по чаркѣ каждому; каждый выпивъ, беретъ шапку съ квиткою и кладетъ деньги на тарелку. Свитилки поютъ:

Теперъ у насъ да дивычъ вечоръ,
Рано, рано, да дивычь вечеръ хороше изряженъ,
Да не такъ изряженъ, якъ обсаженъ:
У тры стины каменныи, четвертая золотая;
А на той стини теремъ стоить,
А на теремочку маковочка,
А на маковочци ластовочка,
Да свила гниздечко съ чорного шовку
Да вывела диткы—однолиткы:
Перве дытятко молодый Андрійко,
А друге дытятко молода Марусенька.

***

Слала зоря до мисяця:
«Ой мисяцю, товарышу,
«Не заходь ты ранiй мене,
«Зайдемо обое разомъ,
«Освитимо небо й землю,
«Зрадуеться звиръ у поли,
«Зрадуеться гость въ дорози!»
Слала Марья до Андрійка;
«Ой Андрійку, мiй суженый,
«Не сидай ты на посаду,
«На посаду ранiй мене;
«Сядемо обое разомъ,
«Звеселимо мы два двора:
«Ой первый двиръ—батька твого,
«А другiй двиръ—батька мого.

***

Плыве утонька безъ утеняты
На мори ночоваты;

А проты ей, сызый селезень
Съ чорными косыцямы.
«Ой постой, утко!
«Да не плывы, хутко!
«Щось тоби за висть скажу:
«Бувъ я на ставку,
«Чувъ я славоньку
«И про тебе сиру утоньку,
«Да плетуть ситкы
«Да на твои диткы
«И на тебе сира утонько.»
—Да нехай же плетуть
И прыплетують;
Яжъ того не боюся:
Я на дно порну,
Я ситкы порву,
И диточокъ повыпускаю.
Идуть дружечки
У два рядочки,
А Маруся посереду;
Проты ей молодый Андріечко,
Зъ своимы боярамы:
Ой постой, постой Марусечко,
Щось тоби за висть скажу:
Бувъ я на мисти
Чувъ же я вісты
И про тебе, молода Марусечко.
Да купують чепци
Й кибалочки
Да на твою головоньку.
Да нехай купують,
Да нехай торгують,
Яжъ того не боюся
Я у недилоньку, да увечери
Да у тее прыберуся.

*
* *

Выйлы, матинко, огляды
Що тоби бояре прывезлы:'
Да прывезлы скрыню й перыну
И молодую княгиню.

***

Ой кони нашы вороны
Чи чуєте на сылу?
Чи звезете княгиню,
Да на тую гировьку крутую,
Да у тую свитлоньку новую?
А у той свитлоньци медъ—выно пьють;
Да вже нашу Марусеньку давно ждуть.

***

Маты Марусеньку родила,
Мисяцемъ обгородыла,
Совечкомъ пидперезала,
До свекорка выпровожала.

***

Да сказалы: Марусенька не пряха;
А матинка Марусеньки не ткаха;
Ажъ вона ранесько вставала,
Тонкіи рушныки напряла,
У тыхого Днипра билыла,
Молодыхъ дружкивъ дарыла.

***

Да гадайте, бояре, гадайте!
Да по червоньцу складайте,
Бо теперъ годыночька не тая,
И дорыженька склызькая;
Треба нашому Андріечку
Чобитокъ
И золотыхъ пидкивокъ.

Собравши деньги, сваха отдаетъ ихъ старшей свитилкѣ эта-же кидаетъ ихъ молодому за плечи за сорочку и говоритъ «щобъ вы богаты булы!»

Тогда дружко говоритъ: «а що ты свахо справыла свое дило?»—Вже!—«Ну, пора въ дорогу йты. Старосте й пане пидстаросто! обыскайте сіему дому. батька головатого!»—Заразъ!—Входитъ батько; дружко обращается къ нему: «благословы, тату, въ Божу путь пойты!»—Боже благословы!—«Да давай, тату, по чарци горилки на дорогу: да шукайте чого намъ треба.—Отецъ приказываетъ: стара! а шукай, що у тебе тамъ е до сватывъ, а я буду частовать поiиздъ.

Тутъ онъ беретъ въ руки хустку, хусткою беретъ чарку, и подноситъ ее молодому. Молодой тоже не голою рукою а хусткою берется за чарку; это для того, чтобъ по общей примѣтѣ, молодые хозяева были богаты. Молодой подчиваетъ всѣхъ остальныхъ изъ голой руки; въ это время мать выноситъ изъ хижи 2 пары чобитъ, чулки, 10 очипковъ, 20 калачей и 2 аршина стіонжки; все это отдаетъ она свахѣ для передачи роду молодой. Дружко обращается къ отцу: «тату! а знайды намъ три пляшки горилки до сватывъ на могорычь: намъ одну, а старостамъ дви: одну на воротяхъ а другу iимъ у хату, а намъ для могорыча.» Послѣ этаго требованья онъ ставитъ посреди двора услонъ, на услони дѣжу вверхъ дномъ, на дѣжѣ хлѣбъ и соль; наряжаетъ мать молодого въ кожухъ, шерстью вверхъ, надѣваетъ ей на голову самую дрянную шапку: она беретъ овесъ, орѣхи, тыквенное сѣмя и обсѣваетъ ими поѣздъ; дружко требуетъ благословенія у старостъ: «старосто й пане подстаросто! благословить у Божу путь идты!»—Боже благословы!—Дружко беретъ молодого за хустку и весь поѣздъ, съ музыкой, идутъ за молодымъ во кругъ дѣжи, поставленной на скамьѣ. «Весели, весели, весели! грай!» Кричитъ дружко, мать обсѣваетъ, свахи и свитилки поютъ:

Ой чія то дружина
Кругомъ дижы ходыла.

Изъ скрыпкамы, съ цымбаламы,
Зъ молодымы да боярамы?

По обходѣ, мать беретъ молодаго за руку, проводитъ со двора и говоритъ: «сынку, щобъ ты до мене у вечоръ зъ парою прышовъ.»—Они выходятъ изъ двора подъ пѣсню:

Соколонько да не вылеты;
Андріечко да на выходи;
Соколонько да по галочку;
Андріечко по Марусечьку.

Тотчасъ же отецъ молодого зоветъ возницу, частуетъ его и говоритъ: «запрягай волы да іидь до свата за скрынею молодои, да за постилью; да не жалуй сватового сина, волы годуй добре, щобъ не попрыставалы.»

СЦЕНА У ТЕСТЯ.

Поѣздъ приблизился къ воротамъ; родня молодой стоитъ у воротъ и не впускаетъ поѣзда; подымается шумъ. Эта родня говоритъ:» що вы за люде, шо позначены? у нашого батька такихъ нема; давайте пашпортъ, покажемо батькови; колы звелыть пустыть, дакъ пустымо.»—Пашпортомъ въ это время называется бутылка горѣлки. Староста вынимаетъ изъ за пазухи паспортъ и отдаетъ тестевой роднѣ; тѣ не несутъ его въ избу, а тутъ-же сполна прочитываютъ, отпираютъ ворота и впускаютъ въ дворъ.

Возлѣ избы они опять останавливаются: дружки одни входятъ въ избу и кланяются отъ свата буханцемъ: «свату! мы у васъ учора булы, то пустить и сіогодня.»—У мене людей багацько, отвѣчаетъ тесть, я васъ боюсь, що вы позначены, не знаю хто вы.—«Мы пашпортъ оддалы вашымъ калаврнымъ.»—Ну, сядьте, добры люде!—Усившись, дружки продолжаютъ: «щожъ, свату, мы булы у васъ учора поночи; то чи

позналы насъ? Мы тыи, що за Клыма у васъ дочку полюбылы; то чи не булабъ ваша мылость іеіи знайты й застылъ посадыть; а мы й Клыма коло іеіи посадымъ, щобъ побачыть, по выдному.»— Заразъ хлопци нашы! становить услынъ, да стелить кожухъ, да шукайте молоду, бо людямъ на двори цилый день не стоять.— Тесть и теща садятся на кожухѣ, вводятъ молодую, наклоняютъ ей голову передъ родителями и поютъ:

Похилее дерево да ялыва. *(смот. выше.)*

Братъ заводитъ молодую за столъ, старикъ говоритъ дружкамъ: сядте и вы, люде добрыи; а ты, стара, поставъ хлиба й закуску.—Онъ проситъ закусить; но ему отвѣчаютъ: «щожъ свату? мы рукъ не помывшы не будемъ іисты: мы люде дорожни; може й рукы помаралы.» Предъ ними становятъ пытунъ воды; кладутъ рушники на тарелкѣ, они моютъ руки, утираются рушниками, перевязываются ими черезъ плечо, кладутъ по грошу на тарелку, сватъ подчиваетъ ихъ водкою, они закусываютъ и потомъ говорятъ: «а наряжайте матиръ зятя стричать!»—Самы выходятъ, чоломкаются съ поѣздомъ; свахи и свитилки поютъ:

Да пусты, свату,
Въ хату!
Да доки-жъ мы да стоятымемъ,
Сыру землю да топкатымемъ
Червоными да чобытками,
Золотыми да пидковками?

Передъ ними ставятъ услынъ, на услони дижу засланную, на дѣжѣ хлѣбъ и соль, а возлѣ ведро пива. Выходятъ двое старостъ отъ молодой съ буханцемъ, цалуются съ старостами молодого и просятъ ихъ въ избу: «а йдить товарышы въ хату, бо намъ дило буде.» Входятъ, садятся за столъ у порога; старикъ подноситъ имъ водку; въ это время старуха наряжается

въ кожухъ шерстью вверхъ и въ самую дрянную шапку, беретъ ковшъ воды съ овсомъ, выходитъ встрѣчать затя, кланяется ему, цалуетъ его въ лице, онъ ее въ руку, она подаетъ ему ковшъ. Онъ беретъ и выливаетъ воду съ овсомъ на свою палку, т. е., на «*ципокъ*;» братъ молодой садится на этотъ ципокъ верхомъ, какъ на коня и ѣдетъ на немъ отъ молодого къ молодой. Къ матери выносятъ бутылку горѣлки, она подчиваетъ молодаго и весь поѣздъ. Свахи и свитилкы поютъ:

У гордого тестя
Стый, зятю, да за воритьмы
Ой на двори да метиль мете (bis)
Ой на двори дрибенъ дощъ иде;
Крыйся, зятю, крыйся зятю,
Й кунами й бобрамы, (bis)
Й чорнымы да соболямы.

ДРУЖКО ВЫКУПАЕТЪ КОНЯ.

Дружко говоритъ: «мамо, дай намъ пляшку й чарку, выкупыть коня зятя твого.»—Мать молодой подчуетъ ввесь поѣздъ даетъ дружку пляшку и чарку и говоритъ: «нате вамъ пляшку й чарку, да спольняйте свое дило скорійше.» Дружко беретъ прежде тарелку съ буханцемъ, принымаетъ пляшку горѣлки и чарку, потомъ идетъ къ брату, молодой выкупать коня и кланяется съ просьбою: «свату, оддай коня, бо вже ты й такъ іого заганявъ.» Тотъ отвѣчаетъ:—щожъ свату, якъ положышъ тыи грошы, що батько казавъ, дакъ и коня заберешъ.—»Эй, свату, чы не була-бъ твоя мылость уважыть хочъ на половыну грошей! одынъ рубъ да могорычь за сестру прынять одъ насъ велыко!»—Эй, свату, сестра у мене дорогая, а положыть тыи грошы, що батько казавъ; я сіого двадцять лытъ ожыдавъ.—Дружко вынимаетъ деньги, сколько, требуютъ, подчиваетъ и платитъ. Тогда братъ отдаетъ дружку вмѣсто коня

ципокъ (палку) для передачи молодому и приглашаетъ весь поѣздъ къ себѣ въ избу. Свахи поютъ:

> Ой выйды сватечку проты васъ,
> Да засвиты свичечку, есть и въ насъ:
> Да стулымо свичечки у рукы,
> Да звелимо литочокъ до купы.

Тутъ свэха молодой зажигаетъ вѣнчальную свѣчу и выходитъ противъ свахъ молодого. Эти свахи зажигаютъ и свою свѣчу, потомъ слѣпливаютъ ихъ вмѣсто и цалуются со всѣмъ поѣздомъ.

«Старосто, пане пидстаросто!»—Говоритъ дружко.—Рады слухать!—«Благословить у сей чесный домъ уступить.»—Боже благословы!—Молодой съ поѣздомъ вступаютъ въ избу, старшая дружка наклоняетъ сидящую съ нею молодую къ столу головой, а дружки поютъ.

> Устань, устань, Марусенько,
> Батенько клыче.
> Ой не встану, не встану
> Не прывытаю.
> Есть у мене служка:
> Старшая дружка;
> Да вона устане и прывытае.
>
> Устань, устань, Марусенько,
> Матинка клыче.
> Ой невстану, и проч.
> Устань, устань, Марусенько,
> Андрійко клыче.
> Ой устану, устану,
> И прывытаю.

Дружко хочетъ посадить молодого возлѣ молодой, а возлѣ нея сыдятъ братья и родные и не даютъ ему мѣста: «положы намъ тыи грошы за мисто, що изъ нашымъ батькомъ уговоромъ положылысь.»—За що-жъ вамъ грошы будемо платыть?

Спрашиваетъ дружко,—«А якъ-же за що? мы іеи двадцять литъ кормылы; вона у насъ на городи и качаны уси поіила; а що ище й добра на доствиткы выносыла! дакъ вамъ хиба даромъ іеи оддать?»—Гай, гай якы сваты вы спорны!—Отвѣчаетъ дружко, кладетъ деньги на тарелку, подноситъ ихъ и по чаркѣ могорыча. Тогда родные, взявъ деньги и выпивъ могорычь, встаютъ съ своихъ мѣстъ. Дружко усаживаетъ молодого возлѣ молодой, и говоритъ: «староста, пане подстаросто!»—Рады слухать!—«Обыскайте намъ батька головатого, або матеры, чи не обыскалы-бъ намъ такои швачкы молодому князю квитку прышыть; бо у насъ усе висько зозначене, а за кымъ пьемъ да гуляемъ, до тому й знака не мае, бо въ нашого батька такои швачкы не обыскалось.»—Сей часъ!—Отвѣчаетъ староста и приказываетъ сестрѣ молодой пришить бантъ къ шапкѣ. Сестра становится на скамью, беретъ у молодаго шапку и говоритъ: «староста, пане подстаросто!»—Рады слухать!—«Благословить молодому квитку прышыть.»—Боже благословы! Дружки поютъ:

Изъ Кіева швачка,
Изъ Кіева швачка,
Да Кіяночка;
Изъ города городяночка,
А изъ миста да мищаночка.
Вона въ торгу була
Вона вторговала
За тры копы голку,
За чотыры шовку.

Пришивъ бантъ, сестра молодой надѣваетъ шапку на себя и поетъ:

Ой глянь, глянь, зятеньку, на мене;
Я краще козакъ отъ тебе,
Бо на мени шлычокъ

Колпачокъ.
Готуй, зятеньку, шостачокъ,
А изъ того шостачка
Грывень шисть;
Отъ тоби, зятеньку,
Ридна свисть!

Дружко беретъ бутылку горѣлки, чарку и подноситъ сестрѣ молодой на тарѣлкѣ. Она нехочетъ пить и требуетъ рубля за квитку. Дружко вынимаетъ рубля и кладетъ на тарелку; она беретъ деньги, выпиваетъ чарку,—снимаетъ съ себя шапку, обводитъ ею надъ головою молодыхъ кругомъ три раза, надѣваетъ на молодого и цалуетъ зятя и сестру.

Дружко: «староста й пане подстаросто!»—Рады слухать!—«Обыскайте намъ сіого дому батька головатого.»—Сей часъ!—«Мы прышлы гости да й зъ гостынцемъ, нехай благословыть на прыятелей роздать.»—Батько головатый подходитъ къ столу и говоритъ: Боже благословы!—Дружко вынимаетъ чулки (панчохы) и калачы, и подноситъ батьку на тарелкѣ, матери калачь и чоботы такимъ же порядкомъ. Они благодарятъ свата, сваху и зятя за подарки. Крестному отцу и матери опять чулки одному, чоботы другой, и обоимъ по калачу, также на тарелкѣ; тѣ благодарятъ. Дядькамъ и братьямъ по калачу, замужнимъ теткамъ и сестрамъ по очипку. Отъ каждаго слѣдуетъ благодарность. Дружко вынимаетъ двѣ связки бубликовъ, и подноситъ ихъ молодымъ и даетъ каждому по парѣ, потомъ дружечкамъ за то «що хороше спывалы,» потомъ своимъ старостамъ. Взявъ бублики, староста спрашиваетъ:» а що, панове сваты, чы довольны одъ нашого батька й матеры хлибомъ и подаркамы?»—Довольны.—«Теперъ же за нашы подаркы давайте намъ оддаркы.»—Сей часъ.—Дружко требуетъ батька головатого и говоритъ ему: «давай, тату, намъ по чарци го-

рилки; за намы подаркы.»—Батько подчиваетъ весь поѣздъ и говоритъ своей женѣ:—«стара! а готуй намъ тее, що намъ треба; а я буду частовать,» Тутъ онъ подчуетъ сперва молодыхъ, обворотя свою руку платкомъ. Молодые принимаютъ чарку платками, и надпиваютъ каждый *по немногу*. Поѣздъ подчуется и принимаетъ чарку голыми руками; въ это время дружки поютъ:

> Да давайте дары, задары! (bis).
> Щобъ нашы бояре зналы,
> Якъ вышенька въ лити
> У билому цвити.

Кончивши подчиванье, батько подноситъ свитилкамъ, свахамъ и боярамъ платки, а дружкамъ и старостамъ рушники, каждому на тарелкѣ; изъ нихъ-же каждый бросаетъ на тарелку по грошу, приговаривая: спасыбо свату и сваси за подаркы й молодой княгыни, що рано вставала й намъ подаркы пряла. «Обдѣливъ поѣздъ, онъ подноситъ своимъ старостамъ рушники на тарелкѣ-же. Они принимаютъ ихъ съ тарелками, спрашивая:» чы вси довольны и нашого батька подаркамы? якъ недовольны дакъ кажить, батько нашъ постачыть.»—Дружко отвѣчаетъ: ище за кымъ пьемъ да гуляемъ, то тому подарка немае, дакъ просымъ дать и тому.—Батько откликается: заразъ! А находь стара й зятеви платокъ, щобъ не дывывсь изкоса на насъ.—Платокъ на тарелкѣ онъ ставитъ на столъ передъ молодымъ. Дружко говоритъ къ молодой: «Марусю! а возьмы, лышенъ, платокъ, да понщупай Андрія у бока, чи е у його уси ребра, чы не выбылы паробкы таскавшысь за тобою?»—Марья беретъ платокъ, затыкаетъ его молодому за поясъ съ боку; молодой вынимаетъ двѣ гривны и кладетъ на тарелку; старшая дружка беретъ деньги съ тарелки, и опускаетъ ихъ за плечи, подъ сорочку, молодой. Батько: «а що, глядить

сваты, може ще кому треба, то кому не достало достачымъ.»— Дружко: теперъ, свату, усимъ. Да якъ бы, свату, за сіи одкарки й по чарци горилки дать?—Батько: «да, сваты, треба! и ябъ выпывъ, дакъ таперъ изъ вашей рукы.»—Дружко вынимаетъ изъ за пазухи бутылку горѣлки, подчиваетъ отца, мать, молодыхъ и всѣхъ родственниковъ Марьи; потомъ подноситъ водку всему поѣзду. Дружечки поютъ:

2. Свитонька да не выдилы;
1. Сыдилы да по недили (bis);—
Выйдемо погуляемо;
Свитонька повыдамо;
Бояръ позглядаты,
Чы не крывы, чы не горбаты,
Чы уміють танціоваты
А бояре побоялыся,
По соломахъ поховалыся.

Кончивъ частованье водкою, дружко говоритъ: «старосто й пане пидстаросто!»—Рады слухать!—«Довольно пылы й гулялы й добры мыслы малы; благословить пойты проходытыся; може хто хоче й потанціоваты.»—Боже благословы!— Дружко вынимаетъ платокъ даетъ конецъ молодому, молодой даетъ конецъ своего платка молодой, дружко ведетъ ихъ къ музыкѣ на дворъ; самъ потанцовавши, оставляетъ ихъ съ боярами, свитилками и дружечками танцовать; идетъ въ избу и спрашиваетъ мать: «а що мамо, чы полудень у васъ буде? то не гайте, бо намъ ще багато дила.»—Иды! отвѣчаетъ она, заразъ; избырай свій поіздъ.—При этомъ беретъ глекъ варенухы и проситъ дѣтей и поѣздъ въ другую хату, гдѣ приготовленъ полдникъ. Войдя проситъ она всѣхъ:—сядте по мистамъ, якъ у моей хати сыдилы.—Поѣздъ садится вокругъ стола. Мать подчиваетъ ихъ варенухой порядочно *«у порядокъ,»* начиная съ молодыхъ; потомъ встаетъ молодая и въ свою очередь

всѣхъ поподчиваѣ, говоритъ сестрѣ: «почастуй, моя сестрыце, й ты, щобъ и ты сіого дождала.»—Эта, обнесши всѣхъ, обращается къ молодой, садится возлѣ нее, и всѣ начинаютъ закусывать; окончивъ, благодарятъ Бога, привставъ съ мѣстъ. Мать проситъ снова сѣсть по мѣстамъ и приказываетъ сестрѣ молодой поднесть еще по чаркѣ горѣлки каждому.

Во все это время тесть не присудствуетъ, онъ остается дома и угощаетъ своихъ родныхъ.

Когда сестра молодой кончитъ подчиванье, дружко говоритъ матери: «мамо! а йды, давай своей дочци худобу, бо нашъ батько насъ ожыдае, а вы насъ барыте; а вже пора до свого батька, поклонытыся изъ дитьмы.»—Мать: постойте, диты! пойду до старого, тогди одправымъ.—Дружко съ молодыми и съ поѣздомъ идетъ къ тестевой хатѣ. Подошедши къ дверямъ ея, беретъ молодыхъ за платки и отпираетъ дверь: «старосто й пане пидстаросто!»—Рады слухать.—«Благословить у сей чесный домъ уступыть и молодыхъ дитей за стылъ завесты!»—Боже благословы!—Эта церемонія повторяется трижды,—трычы по трычы, щобъ було девять разъ. Дружко палкою бьетъ по дверямъ наккрестъ три раза, вводитъ молодыхъ въ хату, усаживаетъ ихъ за столъ и самъ садится возлѣ нихъ: «старосто й пане пидстаросто!»—Рады слухать.—«Обыскайте сіого дому батька головатого й матиръ.»—Заразъ будуть.—Входятъ тесть и теща, подходятъ къ столу; дружко говоритъ: «а що, тату й вы мамо, може у васъ іе й хлибъ на родычывъ роздать? то давайте й насъ не гайте, бо вже пора й молоду искрыть.»—Мать отвѣчаетъ: идить за мною, я оддамъ, що требуете.—Дружко кличетъ поддружаго, посылаетъ его въ слѣдъ за матерью, а самъ обращается къ отцу: «а ты, тату, давай по чарци нашому поизду.»—Батько подчиваетъ всѣхъ подъ рядъ. Поддружій идетъ съ матерью въ комору за

короваемъ. Мать беретъ изъ дижи *вико* и застилаетъ двумя ручниками навкрестъ; кладетъ на ручники коровай, на коровай кладетъ намытку, которою будутъ молодую скрывать. Поддружій беретъ вико на голову и несетъ его съ короваемъ въ хату; подошедши къ дверямъ, говоритъ: «старосто й пане пидстаросто!»—Рады слухать.—«Благословить сей честный хлибъ у хату внесты, на столи поставыть и на родычывъ раздать.»—Боже благословы.—Это трычы по трычы, щобъ було девять разъ. Тогда поддружій входитъ съ короваемъ на головѣ въ избу и поетъ:

Да чы бачышъ ты, дивко, (bis)
Що несе дружко вико?
А на вици покрывало,
То вичнее задывало.

Во время пѣнія онъ обарачивается кругомъ три раза, становитъ коровай съ викомъ на столъ, и окликается:

«Старосто й пане пидстаросто!»—

— Рады слухать.—

«Обыскайте въ сіому доми брата, або сестру молодой, косу розпустыть.»

— Заразъ.—

Братъ и сестра подступаютъ съ словами: «старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Благословить сестри косу розплесты.»

— Боже благословы!

Послѣ девяти разъ благословенія, братъ разплетаетъ косу Маруси, сестра подходитъ ее скрывать, дружки поютъ:

Дежъ твоя, Марусенько, маты?
Часъ тебе розплитаты.
— Десь моя матинка у комори;

Десь братики на войни;
Десь мои сестрыця на сторони;
Да никому розплесты кискы мени.
Прышла матинка зъ коморы,
Прыiихалы братики изъ войны,
Прыiихалы сестрыця изъ стороны,
Да розплелы кисовьку мени.
Якъ розплиталы—порвалы;
Подъ очипокъ клалы—помялы;
И подъ серпанокъ сховалы.

Сестра становится возлѣ Маруси, примочиваетъ горѣлкой волосы, сваха подаетъ очипокъ, сестра начинаетъ его надѣвать ей на голову. Маруся вертится, не хочетъ, плачетъ, схватываетъ очипокъ съ головы и бросаетъ его на полъ; это повторяется три раза. Дружко̀ кричитъ: «Бояре! до шабель!» Бояре выхватываютъ ножи, перерубываютъ въ трехъ мѣстахъ у молодой *жертку*? а дружки поютъ:

Свитилка лобата, (bis)
А сваха горбата;
А изъ того горба
Да выросла верба;
А на той-же верби
Да сыдыть же сова;
Не сидить бояре до ночи,
Бо выiисть сова очи.

Наконецъ сестра надѣваетъ очипокъ, завязываетъ платкомъ, накрываетъ намиткою и цалуетъ молодыхъ. Дружко беретъ бутылку и чарку, подчиваетъ сестру за трудъ, говоря: «за то що намъ изъ дивкы нарядыла молодыцю.» Выпивъ чарку горѣлки, сестра съ свитилками поетъ:

Отъ такъ да нарядылы,
Якъ самы схотилы;

Изъ хлиба да паляницю,
Изъ дивки да молодыцю.

Дружечки отвѣчаютъ пѣніемъ:

Мы схочемъ да розрядымо,
Коло себе да посадымо;
Поведемо да у лызоньки, (въ лозы)
Заплетемо да у кисоньки,
Поведемо да утаночокъ,
Да надинемо виночокъ.

Дружко: «старосто й пане пидстаросто!»—Рады слухать.— «Благословить сей чесный хлибъ на родычывъ роздать!»— Боже благословы!—Онъ вырѣзываетъ изъ короваля главную шишку,—старшу шышку; мать подаетъ платокъ; онъ увязываетъ шишку въ платокъ, подаетъ старшему боярину, а молодой велитъ вильце брать, и посылаетъ ее къ отцу: «кланяйся батьку хлибомъ и вильцемъ, и кажы, щой мы заразъ будемо.» Она приноситъ батьку шышку, онъ принимаетъ и благодаритъ:—Спасыбо свату й сваси за шышку!—Вильце же становитъ на столѣ *съ молодою вмѣстѣ*; а дружко *у молодой* коровай начинаетъ дѣлить. Отрѣзываетъ половину короваля и отдаетъ матери для далекихъ родныхъ не находящихся на лице: остальную половину разрѣзываетъ на куски и кладетъ на тарелки, поддружій подноситъ во первыхъ отцу и матери, потомъ братьямъ, сестрамъ, дядямъ, теткамъ и всѣмъ на лицо находящимся; каждый говоритъ—«спасибо свату й сваси, и молодымъ дитямъ; якъ сей хлибъ чесный, щобъ и воны такъ булы чесны!» Дружки поютъ:

Чогось тебе, дружбонько, попытаю:
Чы дасы-жъ ты мени коровао?
Якъ ты мени коровао не дасы,
То я въ бору нажену
И ковыкы отныму,
Старшому боярыну подарую.

Потомъ другую пѣсню:

Дружко коровай крае, (bis)
А назадъ поглядае.
Ажъ тамъ іого да жона стоить,
И семеро да литей держыть;
Да вси съ кышенями,
Весь коровай забралы.

Раздавъ коровай, дружко спрашиваетъ:—«чи усимъ сватового хлиба достало?»—Молодые люди, стоя у порога, окликаются: «ни, ще запоризьцямъ не давалы.«—Дружко подаетъ куски за порогъ, это значитъ на запорожье; онъ говоритъ: «запорызьци! запорызьци!»—Запорожцы хватаютъ куски съ тарелокъ; а музыкѣ подаетъ дружко сподню корку съ грошомъ на ней: потомъ зоветъ батька головатого и матиръ: «давай, свату, по чарци горилки по вашому хлибу.»—Батько подчиваетъ и говоритъ женѣ:—«а ты, стара, иды, готовъ дочци скрыню й подушкы, й тамъ що іий треба.» Поподчивавши, отдаетъ Марусѣ бутылку, которая налита была въ субботу и заткнута тремя колосками:—почастуй своихъ дружокъ, щобъ хороше спивалы.—Она подчиваетъ свитилокъ и дружокъ и ввесь поѣздъ. Дружки поютъ:

Ой слухайте, дружечки,
Де голубка гуде.—
Тамъ наша Марусенька
Дивуванье здае;
Первее дивуванье—
Суббитнее, да чесанье;
Другее дивуванье—
Недилешне прыбыранье;
Третее дивуванье,—
За виночокъ
Да въ таночокъ.

Дружко: «старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Мы у свата пылы, iилы й гулялы, й добры мысли малы. Пора намъ у Божу путь и до свого батька йты!»

— Боже благословы!—

Дружко обращается къ поддружему: «а йды скажы: нехай возныця подiиздыть до порога, да будемо выносыть скрыню й постиль.» Онъ благодаритъ свату и свахѣ за хлѣбъ и соль, беретъ за платки молодыхъ, ведетъ ихъ къ музыкѣ; послѣ танцовъ, становитъ ихъ въ сѣняхъ, а самъ съ поддружимъ и боярами беретъ скрыню и подушки, выноситъ ихъ и укладываетъ на возъ; потомъ ведетъ молодыхъ въ хату; отецъ и мать снимаютъ образъ, которымъ благословляли, берутъ перепiецъ, садятся на услонѣ, дѣти кладутъ три земные поклона передъ ними, цалуютъ ихъ въ руки и въ ноги, подаютъ руки дружку и идутъ за нимъ къ возу. Молодая садится на возъ, дружко обводитъ три раза молодаго вокругъ воза, молодой грозится и машетъ палкою на молодую, приговаривая: «покыдай батьковы й матерыны коровы, да беры мои.» Сказавъ это, онъ садится на возъ.

Дружко говоритъ невѣстѣ на ухо:

«А що ты, молода, надiешся на свою честь? дакъ будемо просыть *прыданъ*.»

— Дядюшка! Просить моiихъ родычывъ! Надiюсь.—

«Просымъ родычы изъ намы за своею родыною.»

Дружечки поютъ:

Загрибай маты жаръ, жаръ,
Колы дочкы жаль, жаль.
Кыдай маты дрова,
Зоставайсь здорова.

Пропѣвъ эту пѣсню, онѣ расходятся по своимъ домамъ. Остаются свахи и свитилки, чтобъ провожать молодыхъ.

ДОРОГА КЪ СВЕКРУ.

Молодые ѣдутъ. Свахи и свитилки поютъ:

Ой, мисяць дороженьку освитывъ;
Ой братъ сестрыцю выпроводывъ:
Отце тобв, сестрыце, дорога,
Іидь до свекорка здорова.

Кучерявый поетъ:

Возныце, погонай коней швыдче!
Якъ не будешъ погоняты,
Тутъ будемо ночоваты.

Возница погоняетъ и поетъ:

Рысью, конычевьки, рысью.
Идимо за корыстью
Червоною да милійкою,
Зъ молодою да невисткою.

Пріѣхавъ къ избѣ свекра, молодые встаютъ съ воза. Дружко становитъ ихъ у дверей, а самъ идетъ въ избу.

СЦЕНА У СВЕКРА.

Дружко кланяется отцу и матери буханцемъ: «берить хлибъ и сыль и стричайте дитей и просить у хату.»—Свахи и свитилкы поютъ:

Ой выйды, матусенько, огляды,
Що тоби бояре прывезлы:
Прывезлы скрыню,
Перыну
Й молоду княгыню.

Женщины выходятъ изъ избы и поютъ:

> Де, бояре, вы бувалы? (bis)
> Що, бояре, вы чувалы?
> Ой мы булы въ лиску,
> Да поймалы мы лыску,
> Чорную, да чубатую,
> Гарную, да богатую.

Дружко: «идить, тату й мамо, благословить дитей своихъ уступыть у хату.» Батько беретъ хлѣбъ и соль, которыми благословляли прежде; мать беретъ зерна ржи въ запаску, они идутъ къ молодымъ; дружко, взявъ молодыхъ за платокъ, наклоняетъ ихъ передъ родителями; батько бьетъ ихъ хлѣбомъ по головамъ; мать насыпаетъ ржи за плечи молодой подъ рубашку; они приглашаютъ молодыхъ со всѣмъ поѣздомъ въ избу. Дружко ихъ ведетъ и говоритъ:

«Старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Благословить у сей чесный домъ увесты молодыхъ дѣтей!»

— Боже благословы.—

Они входятъ; всѣ садятся за столъ; дружко: «старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Обыскайте батька головатого, нехай подывытся, що мы за птыцю прывезлы.»—

— Заразъ.

Отецъ и мать входятъ въ избу, кланяются дѣтямъ, поздравляютъ ихъ въ парѣ. Отецъ подноситъ молодымъ и поѣзду по чаркѣ водки. Женщины поютъ.

> Добры вечоръ, матусенько моя! (bis)
> А чы мыла дружыноньна моя?
> —Нехай тоби, мій сыночку, мыла,

Абы мене дило робыла,
Абы мене платья попрала,
Абы мене матерью звала.—

Дружко: «старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Благословить пойты одпочыть, бо вже мы й спать хочемъ.»

— Боже благословы!—

Батько беретъ закупоренную въ субботу бутылку съ горѣлкою и съ тремя колосками ржи; отдаетъ ее молодому, чтобъ подчивалъ бояръ; молодой подноситъ имъ по чаркѣ; женщины поютъ:

Ой слухайте, бояре, де голубець гуле;
Тамъ нашъ Андріечко молодецьство зпае:
Первее молодецьство—стрилочокъ пучокъ;
Другее молодецьство—за цвпочокъ да въ таночокъ;
Третее молодецьство—выводыты передочокъ.

Поподчивавъ бояръ, свахъ и свитилокъ, перецаловавшись со всѣми, молодой приглашаетъ бояръ придти къ нему провѣдать о немъ на другой день; затѣмъ со всѣми прощается. Бояре и свитилки расходятся. Остаются дружкй, свахи и старосты.

Дружко выводитъ молодыхъ изъ за стола, ставитъ ихъ посреди избы, родители садятся у стола на услонѣ, берутъ образъ, которымъ благословляли и хлѣбъ—перепіецъ, тѣмъ и другимъ благословляютъ и говорятъ: «идить диты спочываты; а щобъ вы чесны булы такъ, якъ сей хлибъ чесный.»—

Въ это время свахи постель стелютъ для молодыхъ въ коморѣ.

КОМОРА.

Молодые берутъ отъ родителей образъ и перепіецъ, идутъ съ дружкомъ въ комору; женщины поютъ:

Брыды, брыды, Марусенько, брыды! (bis)
Да не бійся холодной воды;

Высоко подымайся,
Съ сорому выкуплайся.

Въ это время родители садятся за столъ въ избѣ, берутъ большой кувшинъ «глекъ» горѣлки и, пока дружко не придетъ съ извѣстіемъ о молодыхъ, подчиваютъ всѣхъ своихъ родныхъ большою чаркою.

Дружко, введши молодыхъ въ комору, беретъ отъ нихъ и ставитъ въ головахъ постели образъ, а на скрынѣ перепіецъ; потомъ велитъ раздѣваться, кличетъ сваху изъ придапъ, требуетъ для молодой чистую сорочку, и приказываетъ молодой разуть молодого.

Въ каждомъ чоботѣ у молодого по гривнѣ денегъ; молодая, снявъ съ него чоботы, встряхиваетъ ихъ, поднимаетъ деньги и кидаетъ въ постель; послѣ этаго сама снимаетъ съ него и шаравары. Сваха раздѣваетъ молодую, снимаетъ съ нее сорочку, надѣваетъ на нее чистую, дружко не отходитъ отъ нее ни на шагъ, изъ предосторожности; потомъ беретъ онъ одѣяла и говоритъ:

«Андрію! а якъ батько жыто ламне?»—Андрій дастъ молодой подножку, черезъ свою ногу опрокидываетъ ее въ постель, а дружко выходитъ со всѣми изъ коморы, приговаривая:

«Андрію! не бары дила, щобъ меньшъ убытку було. А якъ будешъ готовъ, то стукны у дверы.»

Женщины поютъ:

Ой китъ продравъ стелю,
Да впавъ у постелю;
Качався, валявся,
Пидъ пелену прибрався.

Когда молодой застучитъ въ дверь, дружко беретъ огня для освѣщенія, и вмѣстѣ съ поддружимъ идутъ въ комору.»— «А що, якъ у васъ?» Молодая—дывиться, дядюшка.—«Устань

сюды.» Освидѣтельствовавъ и признавъ, что молодая была вѣрна дѣвической обязанности, онъ зоветъ свахъ и старухъ, которыя, удостовѣрясь въ истинѣ показаній дружка, снимаютъ съ нее сорочку, замѣняютъ чистою; дружко складываетъ сорочку, связываетъ ее красною лентою, вноситъ въ избу, зоветъ родныхъ и придан; отецъ и мать закрываютъ образа и встаютъ изъ за стола; дружко съ приданами поетъ:

Ой не цвила калыновька о Петри,
Да зацвила калыновька объ Роздви,
Да въ нашого пана свата у комори,
Да въ нашои Марусеньки.

Всѣ танцуютъ съ сорочкою вокругъ стола, по лавкамъ и по услонамъ и всѣ поютъ:

Ой калына, Марусенька, калына!
Подъ калыною лежала,
На калыну ныженьки поклала,
А на еіи калыновька капнула,
Да на еіи билее облычье,
Нарядыла родоньку велычье;
Да велычье-жъ наше велычье,
Що звелычала тры двори:
Що первый-же двиръ—свекоркивъ,
А другій-же двиръ—батенькивъ,
А третій-же двиръ—родонькивъ.

Тутъ дружко проситъ приданъ сѣсть вокругъ стола; приданe садятся и поютъ:

Да горилки, свате, горилкы!
Да було-жъ не браты въ насъ дивкы;
А теперъ-же вы насъ просите,
Цебромъ горилку носите,
Ой хоть не цебромъ дакъ видромъ:
Взялы нашу Марусеньку изъ добромъ.

Батько вноситъ горѣлку и даетъ дружку подчивать, этотъ подчиваетъ всѣхъ большою чаркою. Батько наливаетъ въ миски горѣлки и ставитъ передъ приданами; эти поютъ:

Да горилко—сывухо,
Да чого въ мысци сухо?
Да не буде писни конця,
Да не буде въ мысци денця.

Дружко, поподчивавъ всѣхъ, отдаетъ чарку приданамъ; они сами льютъ изъ мисокъ и пьютъ сколько хочется, припѣвая:

Да введы, ляше, наше!
Да нехай воно пляше,
Да будемо знаты,
Якои спиваты.

Дружко, надѣвши шапку молодаго на молодую, вводитъ ее въ хату.

ВЪ ИЗБѢ.

Молодая кланяется всѣмъ и цалуется съ приданами своими, родными. Дружко говоритъ:

«А чія шапка на кому, то и той бувъ . . . . .» Придане поютъ:

Марусенько калыно, малыно!
А на тебе дывытыся мыло.
Андріечку повная роже!
А на тебе дывытыся гоже.

Тогда подаютъ ужинъ, послѣ ужина встаютъ, молятся Богу и благодарятъ сватамъ. Дружко проситъ сѣсть снова, всѣ садятся и поютъ:

Вареной горилочки хочу,
А сырои я й сама уточу;
А сырая да не добрая
И на жывитъ не здоровая;

Варена солоденькая
И на жывитъ здоровенькая.

Мать наливаетъ въ миски варенуху и подчиваетъ приданъ большою чаркою. Дружки въ коморѣ наряжаютъ буханецъ, обязываютъ его навкрестъ красною бумагою, называемою «заполочью,»—украшаютъ калиновою вѣточкою съ ягодами, отдаютъ брату молодой, который былъ въ числѣ придановъ. Придане идутъ къ отцу молодой; дружки проводятъ ихъ съ музыкою двора за три и возвращаются домой, а придане дорогою поютъ:

Темного лугу калына, (bis)
Доброго батька дытына,
Ой хочь вона по почамъ ходыла,
Да пры соби черчичокъ носыла:
Куповалы купцы—не продала;
Прохалы хлопцы—вона недала;

Потомъ поютъ:

Била, била Марусеньку маты
Червонымъ дубцемъ изъ хаты;
Вона того побоялася,
Въ комирочку заховалася,
А зъ комирочкы въ огорожу,
Да на червоную рожу.

Да не бий, да нелай, маты!
Да не я червецъ пролыла.

Мать молодаго зоветъ дружковъ и свахъ въ комору, подчиваетъ ихъ горѣлкою и варенухою, хвалитъ невинность невѣстки, молодые кланяются въ землю матери, цалуютъ ей руки и ноги, и садятся еще перекусить. Въ избѣ-же батько «частуетъ усихъ великою чаркою.» Гуляютъ цѣлую ночь. Люди молодые берутъ на возъ или на сани мать, возятъ ее на себѣ по селу, а она, набравъ горѣлки и закусокъ, ихъ поитъ и кор-

митъ на улицахъ; слѣдомъ за нею поютъ и танцуютъ извѣстную пѣсню *журавля:* «а внадывся журавель до бабыныхъ конопель.»

Совершенно иное дѣло, когда молодая не исполняла обязанностей дѣвическихъ и не оправдала надеждъ.

Нерѣдко первымъ привѣтствіемъ принимаетъ она пощечину отъ молодого или нагайку по спинѣ; онъ говоритъ тогда: «иды, просы людей, а я за тебе не буду одвичать и прыданъ твоихъ не хочу знать.»—Она идетъ къ свекру и свекрови, падаетъ имъ въ ноги, проситъ ее простить. Ей отвѣчаютъ:—«якъ ты такъ поступыла, то и прыданъ твоихъ не хочемо знаты. Хлопци! а робить прыданамъ насмишку за іихъ безчесну родыну!»—Молодые люди вяжутъ изъ соломы хомуты, надѣваютъ ихъ на приданъ, завязываютъ имъ головы онучами, и выгоняютъ изъ избы. Женщины поютъ.

Ой щобъ тоби да морозоньку! (bis)
Що заморозывъ да калыноньку,
Да засмутывъ да родыноньку.

Или:

Ой гуръ, гуръ по дорози
Батько носъ отморозывъ;
Наша панимaтка
Не злюбыла батька;
Що короткій висъ;
Нумо валъ валыты,
Батьку носа доточыты!
Наша панимaтка
Полюбыла батька,
Що подовшавъ носъ.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Бояре и дружки приходятъ къ молодымъ; молодая беретъ ковшъ съ водою, взливаетъ дружкамъ на руки, и даетъ имъ по ручнику. Обтерши руки, они повязываютъ ручники

черезъ плечо; бояре получаютъ отъ нее по красной стёжкѣ и по платку. Бояре надѣваютъ на высокій шестъ красный платокъ въ видѣ знамени; дружко вводитъ молодыхъ къ отцу и матери; они просятъ прощенія; батько и мать хвалятъ молодую за честь. Дружки приносятъ блинцы, паляницы и сало на завтракъ молодымъ, ведутъ ихъ въ комору, подчиваютъ горѣлкой и закуской; танцуютъ; расходятся по домамъ. Молодая даритъ дружкамъ по красному поясу; дружки перевязываютъ себя навкрестъ черезъ плечи; молодыя женщины перевязываютъ всѣмъ головы красною заполочью; молодая пара наряжается, ее ведутъ въ церковь; а мать остается съ старухами, и пекутъ пирожки для свата и его родныхъ за то, что получила невинную невѣстку.

Молодые заходятъ къ свату, приносятъ ему склянку горѣлки, курицу, калачь, платокъ и денегъ. Онъ ведетъ ихъ въ церковъ и накрываетъ молодую намиткою; тогда она выходитъ съ мужемъ изъ церкви; женщины поютъ:

> Ой мы булы въ Бога! (bis);
> Да молыся Богу
> И Духу Святому,
> Андріечку молодому,
> И святой Пятынци,
> Марусиной матинци.
> Вона іи да й уродыла
> Хорошаго челядына.

Приходятъ въ избу къ матери и батьку, мать беретъ вико изъ дѣжи, застилаетъ его платкомъ, кладетъ на него хлѣбъ и соль; батько ее беретъ и выходятъ къ молодымъ. Они кланяются молодому, поздравляютъ его съ женою, и приглашаютъ въ избу; тамъ усаживаютъ за столъ, сваха накрываетъ молодую платкомъ; дружко говоритъ: «тату! а дывысь

сёгодни по выдному, бо ты учора не розглядивъ: може слипа, або крыва?»—Батько беретъ палку и палкою снимаетъ платокъ и намитку; онъ обводитъ молодыхъ три раза кругомъ, даритъ ихъ волами или конями, мать—коровой или овцами, батько затыкаетъ платокъ себѣ у бока, а мать подпоясывается намиткою и танцуютъ. Батько беретъ склянку горѣлки и подчиваетъ всѣхъ; мать вноситъ перепіецъ и стаканъ меду, ставитъ ихъ на столѣ; дружко рѣжетъ перепіецъ и, намазавъ медомъ, подноситъ всѣмъ; люди благодарятъ молодымъ за честь.

Дружко выводитъ молодыхъ на дворъ; съ боярами потанцовавши, подноситъ на тарелкѣ боярамъ по чаркѣ водки, они кладутъ на тарелку по грошу. Въ тоже время дружко идетъ съ матерью въ комору готовить пирожки. Они связываютъ ихъ по парѣ заполочью двадцать семь (три–девять) паръ, кладутъ въ миску; дружко вноситъ въ хату, ставитъ на столѣ; молодая приноситъ къ дружку два ручника и два красныхъ пояса; дружко подстилаетъ подъ миску ручники и пояса; батько увязываетъ миску и пирожки ручниками и поясами; мать подаетъ дружку буханецъ, дружко обвязываетъ его заполочью, натыкаетъ кистями калины и требуетъ отъ батька благословенія идти къ сватамъ. Батько беретъ пирожки со стола, отдаетъ ихъ дружку, поддружему подаетъ склянку горѣлки для могорыча, который должно будетъ тамъ выпить послѣ раздачи тамошнимъ родственникамъ пирожковъ; молодая отдаетъ свою сорочку украшенную стенжками и калиною; дружко беретъ пирожки, молодого и музыку и идетъ къ тестю.

Пришедши туда, кланяются буханцомъ, тесть принимаетъ, благодаритъ за нихъ свата и сваху, а дѣтей благодаритъ за честность; дружко говоритъ: «свату! прынявши малый хлибъ, просымъ прынять и велыкій.» Тогда тесть беретъ у дружка пирожки, ставитъ на столъ, проситъ за столъ дружковъ и мо-

лодаго и подчиваетъ ихъ горѣлкою. Его весильныя молодыя женщины поютъ:

Злавимъ дружка за жыжку, (bis)
Нехай поведе у хижку.
Да будемо знаты,
Якои спиваты.

Дружко ведетъ ихъ въ хижу, показываетъ сорочку, возвращаются въ избу, скачутъ по лавкамъ и услонамъ; молодой сидитъ за столомъ, и, наклоня голову на столъ, ожидаетъ пока кончатъ скакать; обскакавши, садятся за столъ, дружко говоритъ тестю: «свату, благословы сей чесный хлибъ на родычивъ роздать.»—Боже благословы!—

Дружко: «старосто й пане пидстаросто!»—

— Рады слухать!—«Обыскайте сіого дому клюшныка, чи не одымкнувъ бы сіого *палоба?*» мы свои дорогою ключы погубылы.—Оттожъ ключныкъ, батько головатый; у іого ключы до того палоба.—«Постарайсь, тесте, послухай, ключы до сіого палоба, бо се ваша прыбыль, а насъ не гайте.»—Добре, отвѣчаетъ тесть, побачу, що тутъ за прыбыль, може й одымкну.—

Онъ развязываетъ ручники и пояса, дружко говоритъ поддружому: «а шукай талирки». Поддружій подаетъ тарелки, на которыхъ дружко разноситъ пирожки тестю, тещѣ и ихъ роднымъ; женщины поютъ:

Ой добры булы бережки,
Заробылы матеры пырожкы
Хочъ не пшеньычны дакъ ялыны
Нашэму родоньку съ подячыны.

Тесть подноситъ водку всѣмъ подъ рядъ, дружки, раздавши пирожки, просятъ, чтобъ еще теща водкою поподчивала, ручниками перевязываются «за труда,» поясами подпо-

ясываются «на красу молодой;» тесть требуетъ отъ дружковъ частованья, говоря имъ: «ни, сваты! треба ще й одъ васъ, а маты описля почастуе.» Дружко вынимаетъ изъ за пазухи склянку и подчиваетъ всѣхъ.

Теща подаетъ обѣдать, послѣ обѣда наливаетъ варенуху, женщины поютъ:

Шипшына чи не дерево?
Поколола усе черево;
Да будемо узваръ варыть,
Да будемо черево . . . . . .

Тогда всѣ благодарятъ за хлѣбъ и соль, молодой проситъ тестя и тещу къ своему отцу; это называется *«у перезву.»* Дружко туда же приглашаетъ всѣхъ гостей. Молодой беретъ тещу подъ руку. Женщины поютъ.

Ой зять тещу веде (bis)
Да за товстее ребро,
Щобъ еіи дочця добро.

Приходитъ къ батьковой избѣ, бояринъ беретъ выше описанную хоругвь, обходитъ съ нею три раза вокругъ молодаго и сватовъ, а *перезвяне* хотятъ ее вырвать у него, если не купитъ имъ горѣлки, и поютъ:

Де твоя, Марусенько, кытайка,
Що учора прывезла одъ батька?
Да постелы, Марусенько, по двору
Своіому родовьку на славу.

Тогда выходятъ съ буханцемъ мать и отецъ, цалуются съ сватомъ, приглашаютъ къ себѣ ихъ и перезвянъ, садятся за столъ; женщины поютъ.

Розсунь свату, розсунь свату,
Велыкую перезовъ маешъ;
Де-жъ ты насъ да подиваешъ?

кою лепешки, и это подается вмѣстѣ. Буханци не должны быть помазаны ничемъ.

5. *Баба-шарпанина*. Отварить тарань или чабакъ, вынуть его изъ бульону, обобрать кости, поломать кусочками, положить эти кусочки на сковороду, разболтать пшеничнаго тѣста на этомъ бульонѣ, какъ размазню, положить въ тѣсто поджареной олѣи съ лукомъ, прилить этимъ кусочки рыбы, посыпать перцомъ, потомъ поставить въ духовую печь, и когда подымется—подавать.

.6 *Бублики*. Учинить пшеничное тѣсто, когда подойдетъ опара, мѣсить круто на постномъ или скоромномъ маслѣ, дать подойти тѣсту, катать тонко, дать форму кольца, присыпать макомъ, или солью, или чернушкой; потомъ обварить и посадить въ печь.

7. *Бураки*. Отварить кислые или прѣсные буряки, просолить, изрѣзавъ прежде въ кружки, поджарить въ постномъ маслѣ, прилить хрѣномъ съ буряковымъ квасомъ или съ уксусомъ, и подавать.

8. *Вареныки*, бываютъ съ сыромъ, съ *урдою*, т. е., макомъ, изъ котораго выжато молоко, съ ягодами: вишнями, земляникою, наконецъ съ мясомъ и называются тогда *«пилуны.»* Взять пшеничной или гречневой муки, замѣсить на водѣ густо, раскатать на столѣ качалкою, порѣзать на четвероугольники, лѣпить съ вышесказанымъ фаршемъ; они станутъ треугольниками; варить въ кипяткѣ, и когда готовы—подавать: тѣ, что съ сыромъ—при сметанѣ, что съ урдою—при постномъ маслѣ, что съ ягодами—при меду, что съ мясомъ—при маслѣ коровьемъ.

9. *Вареницы*—тѣсто какъ предыдущее, но безъ фаршу.

10. *Вьюны съ хрѣномъ*. Зажарить въ постномъ или скоромномъ маслѣ вьюны, сложить ихъ на блюдо, стереть

хрѣну на терку, размѣшать хрѣнъ съ масломъ, солью и уксусомъ, прилить вьюны и подавать.

11. *Гилуны*; см. вареники.

12. *Галушки*. Взять гречаной муки, подбить на водѣ довольно густо, кидать ложкою въ кипячую посоленую воду, полчаса покипятить, положить постнаго или скоромнаго масла, или сала свинпаго съ лукомъ и подавать.

13. *Галушки въ квасу*. Сдѣлать изъ ржаной муки галушки; поставить буряковаго квасу по поламъ съ водою; положить поджаренаго съ постнымъ масломъ луку; вскипятить и класть галушки въ этотъ квасъ.

14. *Голубци*. Пшенная каша, завернутая въ листья капусты, и поджареная въ постномъ маслѣ. При подачѣ должно быть постное масло, поджареное съ лукомъ.

15. *Гречаны пампухи съ часнокомъ*. Взять гречишнаго тѣста, замѣсить, поставить на печь, чтобъ подошло, выкатывать круглыми шарыками, кидать въ кипятокъ почти цѣлый часъ, вынуть на сито, разтереть въ макотрѣ часноку съ постнымъ масломъ, класть туда пампушки, присолить солью, и подавать.

16. *Гречаныки*; взять гречишнаго тѣста; когда будетъ готово, сажать на капустяный листъ и въ печку; растереть конопляпаго сѣмени съ солью и водой, смазывать гречаныки, и снова въ печку, пока будутъ готовы.

17. *Гарбузы вареные*. Очистить тыкву, накрошить въ горшокъ, налить водой, поставить въ печь; когда сварится, класть пшено; когда готово—не много соли, маку или сѣмени конопляпаго; а если не постъ такъ вмѣсто маку и сѣмени,— молоко, масло и яйцы.

18. *Гарбузы печеные*; разрѣзать тыкву на двое и печь просто; подавать съ масломъ.

19. *Гурки* соленые изрѣзываются на тонкіе куски и подаются съ лукомъ тоже изрѣзаными въ ломти, съ квасомъ и съ постнымъ масломъ.

20. *Драгли съ свиныхъ ногъ.* Подаются на заговѣнье передъ масленицею. Очистить свиныя ноги, сварить въ горшкѣ съ солью, растереть часноку въ макотрѣ, смѣшать съ бульономъ, въ которомъ варились ноги, и, смѣшавъ съ ногами, разливъ въ мыски, застудить. Когда застынетъ подавать. Называется «*Ножкове Пущенье.*»

21. *Затирка.* Взять пшеничной муки сколько нужно, замѣсить тѣсто очень круто, срубить его мѣлко, катать кусочки въ рукахъ въ форму шариковъ, а чтобъ ихъ поравнять подсѣвать на рѣшето, класть въ присоленый кипятокъ, когда сварится—подавать съ масломъ.

22. *Зубци.* Обтолчонный ячмень сварить прежде въ водѣ, а потомъ два раза вскипятить его въ молокѣ изъ коноплянаго сѣмени.

23. *Индыкъ съ подлевою.* Индѣйку изжарить; подъ нею будетъ сокъ, положить въ этотъ сокъ луку, чтобъ онъ поджарился; поджарить особо муки съ масломъ, разводить это вышесказаннымъ сокомъ, положить туда сметаны и уксусу до вкусу; облить индѣйку и поставить въ печь, чтобъ напиталась и подавать въ соку.

24. *Ковбасы.* Свиное мясо съ саломъ порѣзать въ куски, посыпать солью, перцемъ и набить этимъ кишки свиныя же; опечь въ простой печи, а передъ подачею поджарить. *Кровяныя* дѣлаются такъ: протираютъ кровь сквозь рѣшето, нарѣзываютъ сала мѣлкими кусочками, намачиваютъ пшеничнаго хлѣба въ молокѣ; этотъ хлѣбъ растереть и класть туда сало, кровь, соль, перецъ и яйцы съ бѣлкомъ и желткомъ разболтанныя, потомъ наполнить этимъ кишки и варить, а передъ

подачею поджарить. *Печоночныя*—варятъ свиную печонку съ саломъ; сваривши, толочь ее въ ступкѣ, протирать на рѣшето, еще нарѣзать въ кусочки сало и класть туда съ перцомъ и солью яйцы до вкуса, все это набить въ кишку и варить; передъ подачею поджарить.

25. ***Кишки***. Набить свиныя кишки пшенною кашею, сдѣланною на молокѣ, а потомъ жарить въ растопленномъ салѣ; такія же дѣлаются съ гречневыми крупами: обвариваютъ крупы кипяткомъ, кладутъ сало, набиваютъ кишку и потомъ жарятъ въ салѣ

26. ***Кендюхъ***, свиной желудокъ. Взявъ грудины, гдѣ сало проросло мясомъ, изрѣзать въ куски, просолить мѣлко изрубленнымъ лукомъ, солью, перцемъ и начинить кендюхъ, потомъ жарить и подавать холодный или горячій, какъ кто любитъ. Другой сортъ: ***Кендюхъ вареный***. Взять сырую голову свиную, сварить, обобрать мясо отъ костей, срубить мелко, положить соли и перцу, начинить этимъ кендюхъ, зашить и варить въ томъ бульонѣ, въ которомъ кипѣла голова; потомъ вынуть и застудить.

27. ***Кутья***, подается 24 Декабря, 31 Декабря и 5 Генваря за ужиномъ. Бываетъ ячменная, пшеничная и рисовая. Обтолочь ячмень или пшеницу и варить въ водѣ. Подается съ молокомъ: конопляным, маковымъ, миндальнымъ или разведеннымъ медомъ, называемымъ *сыта*,—въ сыту набрасываютъ миндаль, грецкіе и простые орѣхи. Противъ 1-го Генваря подаютъ къ кутѣ и сливки.

28. ***Кныши***. Учинить житняго тѣста, замѣсить гречаною мукою; когда подойдетъ, выкатывать на столъ; лѣпить кныши посредствомъ ложки, обмакиваемой въ ростопленое свиное сало. Слѣпивши, сажать въ печь, а потомъ вынувши, опять смазывать свинымъ саломъ.

29. *Кулишъ*. Смыть крупъ или пшена въ горшкѣ, налить водой и сварить съ постнымъ или коровьимъ масломъ, или съ свинымъ саломъ.

30. *Кисиль*. Взять овсяной муки, положить въ горшокъ, развесть теплою водою; положить кислаго тѣста, поставить на печь чтобъ подошло тѣсто, процѣдить на сито, наложить въ горшокъ, варить, простудить и подавать съ маковымъ, или другимъ молокомъ, или съ медовою сытою.

31. *Коржъ*. Замѣсить прѣснаго пшеничнаго тѣста, раскатать его тонко и посадить въ печку; сомять маку въ макотрѣ съ солью, покрошить коржъ въ макъ и подавать. Дѣлаютъ также *коржики*, замѣшивая на гусиномъ жирѣ, и ѣдятъ сухія.

32. *Капуста съ колбасою*. Шаткованая капуста поджаривается въ салѣ и кладутся туда куски колбасы.

33. *Картофель съ саломъ*. Сварить и очистить картофель, изрѣзать въ кружки, жарить въ свиномъ салѣ; нарѣзать свинаго сала мелкими кусками, жарить сало съ лукомъ, смѣшать съ картофелемъ и присыпать тертымъ пшеничнымъ хлѣбомъ.

34. *Картофель съ макомъ*. Очистить и сварить картофель въ соленой водѣ; слить воду прочь, тереть въ макотрѣ качалкою картофель, пересыпать ее толченымъ макомъ, сложить потомъ въ макотру, поставить въ печь, чтобъ зажарился.

35. *Капуста сѣчена*. Рубить капусту и квасить.

36. *Капуста шаткованая*. Рѣжутъ мелко узкими полосками, солять, притрушиваютъ чернушкою и складываютъ въ бочки.

37. *Кулики*. Взять гречанаго тѣста, замѣсить и по-

катать длинными лепешками; сварить въ водѣ съ солью; сжарить постнаго масла съ лукомъ, положить въ макотру или миску лепешки, облить масломъ съ лукомъ и, перемѣшавъ, подавать.

38. *Крашанки*. Вареныя круто яйцы подаются на Свѣтлый Праздникъ окрашенными въ красную краску — сандаломъ съ квасцами.

39. *Каша* бываетъ пшенная, гречневая, овсяная, ячная, и пр. и пр.—Общее кушанье для русскихъ, извѣстное каждому.

40. *Кваша*. Взять ржаной муки, гречишной и солоду, положить въ кадушку, размѣшать полукипяченою водою, дать полчаса или часъ посолодать; вскипятить сильно другую воду и разводить до вкуса, чтобъ была жидкая или густая, кто какъ любитъ; поставить на печку въ теплое мѣсто, чтобъ приняла кислоту; тогда варить съ горшкѣ и, вскипятивши, подавать.

41. *Коровай*—свадебный хлѣбъ. Дѣлается какъ обыкновенная булка, но размѣръ большой; потомъ накладываются, вымятые изъ того-же тѣста и спеченные такъ-же какъ и хлѣбъ, шишечки, голуби, вензеля и пр. Знамениты короваи лубенскіе.

42. *Лемишка*. Поджарить ситной или гречневой муки; поджаривъ, развести соленымъ кипяткомъ; сложить въ горшокъ, поставить въ печъ на одинъ часъ; подавать до коровьяго масла или до поджареннаго постнаго съ лукомъ.

43. *Лемишка съ конопляныимъ сѣменемъ*. Сдѣлавши лемишку какъ обыкновенно, столочь сѣмя, и катать въ сѣмени лепешками, складывать въ макотру, ставить въ печь, чтобъ зажарилась.

44. *Лободянка*. Взять молодой лободы, изкрошить и перемыть въ холодной водѣ, поставить вариться; какъ будетъ

готова, положить пшена, толченаго свинаго сала и ставить варить опять, чтобъ загустѣла какъ каша.

45. *Локшына*. Замѣсить пшеничнаго тѣста на яйцахъ, разкатать въ тонкій пластъ, изрѣзать узкими полосами и сварить въ водѣ съ масломъ или въ молокѣ.

46. *Макуха*. Выжимки маковыя, или конопляныя, остающіяся отъ масла и молока, также изъ тыквенныхъ сѣменъ.

47. *Медовый шулыкъ*, тоже что и коржъ, только на меду сдѣланный.

48. *Оселедци*—Крымскіе и Донскіе сельди мѣлкія и крупныя сильно соленыя; очищаютъ ихъ, изрѣзываютъ и ѣдятъ съ уксусомъ и перцомъ.

49. *Пашкеты въ кахляхъ*. Кахли—это печные изразцы; за неимѣніемъ паштетныхъ формъ, зажиточные крестьяне готовятъ это блюдо въ кахляхъ. Замѣшиваютъ пшеничное тѣсто съ масломъ и съ молокомъ; обкладываютъ этимъ тѣстомъ кахлю, вымазавши ее прежде масломъ, кладутъ гусиныя почки, печонки, кусочки мяса, заливаютъ толченою печонкою, закрываютъ его краями того-же тѣста, ставятъ въ печку пектись,—пока будетъ готово.

50. *Путря*. Варить ячменную кутью; выложить ея въ ночовки, обсыпать житнимъ солодомъ, перемѣшать хорошенько, сложить въ кадушку, налить сладкимъ квасомъ, поставить въ теплое мѣсто на сутки.

51. *Пелюстки*. Взять качанъ капусты, отварить, раскрыть листки и начинить мяснымъ фаршемъ, сложить опять листки и сварить въ водѣ. Вынувъ изъ воды на мыску, облить коровьимъ масломъ.

52. *Пелюстки соленыя*. Разрѣзать качанъ капусты на четверо, посолить и сложить въ шаткованную капусту. Вынимая оттуда, подавать.

53. *Печерыци*. Это шампиньоны; жарятъ ихъ на сковородѣ, какъ обыкновенно то дѣлается съ грыбами.

54. *Паляныци;* см. кныши. Все различіе въ формѣ: паляницы—плоски.

55. *Паляныччки изъ овечьяго сыру*. Взять овечьяго молока, *заглягать его,* когда станетъ творогомъ помѣшать, чтобъ лучше становился, откинуть его въ холстяную торбочку, чтобъ сыворотка стекла, и дать такъ повысѣть часа три; катать въ величину, какую угодно, палянычки, сажать на желѣзный листъ, и ставить въ горячую печку на полчаса; вынуть, дать остыть; а при подачѣ поджаривать до красна на сковородѣ въ маслѣ.

«Заглягать» значить взять изъ маленькаго ягненка, который не ѣлъ еще травы, т. е., изъ сосуна, пузырь, изъ котораго дѣлаютъ рубцы, что называется въ Малороссіи *глягы, глягушки,* положить его съ вечера на завтра въ сыровцѣ, на другой день въ ведро парнаго овечьяго молока влить три ложки этого сыровцу, глягушку-же оставить въ сыровцѣ. Молоко превратится въ прѣсный сыръ. Это значитъ *глягадый сыръ*.

Пундыкъ. Взять пшеничнаго кислаго тѣста, покатать коржиками, поджарить луку съ олѣею, перекладывать на каждый коржикъ этого луку, а на лукъ коржикъ слоевъ въ 15 или 20, поставить въ печь, когда готовъ—вынуть, смазать масломъ и подавать.

57. *Пундыкъ скоромный*. Срѣзать лапши пшеничной, отварить ее на молокѣ или на водѣ, положить масла яицъ, сложить это въ каменную макотру, поставить въ печь; когда будетъ готовъ—подавать съ масломъ.

Точь въ точь жидовки приготовляютъ такъ свой *гугель*.

58. *Поребрина*. Поджарить съ лукомъ покрошенную поребрыну, налить буряковымъ квасомъ, варить и когда готова бу-

детъ—подавать. Другой сортъ—поджарить съ лукомъ и капустою и подавать жареную.

59. *Пряженя.* Набить яицъ въ чашку, разболтать, положить пшеничной муки, развесть молокомъ, жарить на сковородѣ, мѣшая ложкою.— Другое: яичница обыкновенная съ кусками свинаго сала.— Третье: такая-же съ колбасою.

60. *Полотки.* Вынуть изъ гуся грудь, посолить солью. Возьмемъ пропорцію десять полотковъ: нужно фунтъ соли, лотъ мѣлкаго перцу, лотъ селитры, лотъ лавроваго листа, 4 лота толченаго можжевельника; всѣ эти припасы смѣшать, обсыпать полотки, сложить въ кадку, нагнѣтить плотно; поставить на 12 дней; вынуть, обвернуть бумагою, повѣсить въ дымъ на 8 сутокъ, чтобъ дымъ все это время курился; потомъ вывѣсить въ сухомъ мѣстѣ, на сквозномъ вѣтрѣ, на сутки, чтобъ обдуло дымъ.

61. *Перепичка.* Когда готово тѣсто для обыкновеннаго хлѣба, то взять этого тѣста, расплескать его на столѣ, положить сала или масла на сковороду, подогрѣть и положить туда расплесканое тѣсто; потомъ печь съ четверть часа; должна быть горячею подана на завтракъ.

62. *Плескана.* Сдѣлать гречишную лемишку; потомъ истолочь и просѣять конопляного сѣмя на решито, катать съ этимъ семенемъ лемѣшку, давая форму паляничекъ и обтаптывая крѣпко, складывать въ макотру; потомъ поставить въ печь, чтобъ поджарились.

63. *Потрухи въ юшци.* Гусиныя лапки, крылья, печонки, почки, пупки сложить въ кострюль и варить; когда вскипитъ два раза, очистить, положить луку и крупныхъ ячныхъ крупъ, потомъ подавать.

64. *Пасха.* Хлѣбъ кислый и сладкій, подающійся только на Свѣтлый Праздникъ. Сладкая пасха: взять кварту молока,

вскипятить, положить фунтъ муки крупичатой въ каменную. чашку и разводить вскипяченнымъ молокомъ, положить $^1/_8$ фунта сахару, дать остыть, но не совсѣмъ холодно, а чтобъ только можно было класть дрожжу; положить столовую винную рюмку дрожжей и поставить, чтобъ подходило; когда будетъ готова процѣдить сквозь сито—это будетъ опара. Отбить яичныхъ желтковъ, безъ бѣлковъ, въ кадушку 50, положить мѣлко столченаго сахару $1^1/_2$ фунта, тереть желтки съ сахаромъ, въ макотрѣ цѣлый часъ, чтобъ хорошо размѣшались, положить муки пшеничной 2 фунта и два столовыхъ стакана (въ $^1/_4$ кварты) опары; бить тѣсто три часа, а если нужно то и долѣе; поставить въ теплое мѣсто чтобъ подошло; когда подойдетъ— мѣсить на столѣ, положивши $^1/_8$ фунта сливочнаго масла, и мѣсить долго; положить въ формы сдѣланныя изъ бумаги и вымазанныя масломъ, и поставить въ печь не холодную и не жаркую, а главное просторную и высокую. Неимѣющіе сахару кладутъ медъ, и это называется пасхою медовою. Паска кислая дѣлается также; только не кладутъ ни сахару, ни меду.

65. ***Редька*** изрѣзывается въ тонкія ломти, просоливается, подается прилитая самымъ лучшимъ конопляным маслом.

66. ***Рубцы***. Берутся изъ барана рубцы, очищаются, вымываются чистою водою; ставятъ ихъ варить и когда будутъ готовы, вбросить въ холодную воду. Между тѣмъ положить въ кострюль масла, крупичатой муки и поджарить, развести говяжимъ бульономъ, поставить кипѣть, вынуть рубцы изъ холодной воды, искрошить на подобіе лапши, и вложить въ соусъ, прибавить перцу, коровьяго масла и петрушки зелени, кто любитъ ее, кипятить въ соусѣ и, положивъ въ соусъ, въ которомъ подаваться будетъ на столъ, поставить еще на полчаса въ печку, присыпавъ тертымъ хлѣбомъ. Готовятъ такъ-же и юшку, приготовивъ сперва рубцы, какъ выше ска-

зано; еще бараньи кишечки набиваютъ кашею и прибавляютъ къ рубцамъ.

67. *Сластіоны*. Ставятъ сперва пшеничнаго тѣста, даютъ подойти; когда тѣсто готово — помочить руку водою, взять тѣсто въ руку, щипать его кусками, и бросать на сковороду въ масло скоромное или постное, гдѣ и жарить до красна.

68. *Стовпци*. Сдѣлать жидкое, грешневое, кислое тѣсто; заставить его подойти; повымазывать кухлыки постнымъ масломъ, поналивать ихъ тѣстомъ и поставать въ печь, чтобъ пеклось. Ѣсть съ постнымъ масломъ. *Кухлыкъ* есть стаканчикъ глиняный съ полудой, имѣющій дно уже краевъ.

69. *Смалецъ*. Гусиный жиръ, употребляющійся въ приправахъ, соусахъ, коржахъ и пр.

70. *Соломаха*. Взять гречишнаго прѣснаго тѣста, разболтать довольно жидко; вскипятить воды въ горшкѣ, посолить ее, запустить тѣсто въ воду во время кипѣнія; еще вскипятить, помѣшивая и положить масла постнаго или коровьяго.

71. *Сало свиное*. Откормленную превосходно, и самое лучшее, хлѣбомъ, свинью заколоть въ грудь подъ правую лопатку ножомъ костоломомъ; осмалить осторожно, чтобъ кожа не потрескалась; для чего поливаютъ свинью водою, накладываютъ на нее солому и зажигаютъ, что повторяется нѣсколько разъ съ тѣми же предосторожностями; тогда обдать ее водою холодною, прикрыть соломою, она вспотѣетъ, отпариться, пригаръ отъ кожи отстанетъ; потомъ оскоблить кожу, она сдѣлается чиста и совершенно бѣла. Опять обмыть чистою водою, перевернуть брюхомъ вверхъ и выпотрошить. Снять сало полосами, каждая полоса должна имѣть 3 вершка ширины, въ длину всей свиньи; порѣзать эти полосы квадратными кусками въ 3 вершка длины или даже 4. Взять внутренность этой свиньи,

называемую *здоръ*, обтирать куски сала солью (*), засыпать ихъ сю и складывать въ здоръ; наполнивши здоръ туго, зашить его ниткою, обвязать навкрестъ крѣпко тремя соломенными крутенями, поставить въ корыто на сутки, а потомъ повѣсить на вѣтрѣ или въ сараѣ, только не въ сыромъ мѣстѣ; чрезъ мѣсяцъ оно готово. Тогда это сало употребляется въ борщѣ, въ юшкѣ, въ жареномъ картофелѣ, въ колбасахъ и пр. Подается кусками на завтракъ безъ всякаго приготовленія; также нарѣзывается со споду до кожи четвероугольными въ 1/2 вершка квадратами, не трогая только кожи, зажаривается на сковородѣ и подается; это называется у насъ «смажене сало».

72. *Свынача голова до хрину*. Очистить, вымыть и поставить вариться свиную голову; натереть хрѣну, сжарить хрѣнъ съ масломъ, положить туда муки, развести немножко бульономъ, положить сметаны и вскипятить съ небольшимъ количествомъ соли; вынуть голову, отдѣлить отъ нея нижнюю челюсть, облить хрѣновымъ соусомъ и подавать.

73. *Свынача печинка съ часныкомъ*. Отварить печонку, срѣзать свареную въ длинные тонкіе куски, стереть часноку съ свинымъ саломъ; облить этимъ печонку, сложивъ ее прежде на сковороду. Присыпавши тертымъ пшеничнымъ хлѣбомъ, поставить въ печь, чтобъ зажарилась.

74. *Сальныкъ*. Столочь печенку свиную, заварить гречневую кашу, смѣшать ее съ печенкою; положить перцу и соли; влить туда топленаго свинаго сала; обложить кострюлю внутреннимъ саломъ, т. е. чепцомъ; положить туда печенку съ кашею; закрыть внутреннимъ саломъ, поставить въ печь; когда изжарится—подавать.

75. *Силь крымка и силь бахмутка*. Первая соль предпочитается второй.

(*) На пудъ сала нужно 7 фунтовъ соли.

76. *Сыръ гляганый* приготовляется коровьи и овечій, какъ выше сказано. См. палянычки изъ овечьяго сыру.

77. *Тарань* отвариваютъ въ водѣ, вынимаютъ на блюдо и подаютъ съ сырымъ изрѣзанымъ лукомъ и уксусомъ.

78. *Тарань съ медомъ*. Сварить тарань въ водѣ, очистить, изрѣзать въ куски, обвалять въ муку, положить на сковороду, облить медомъ и поджарить.

79. *Таратута*. Взять свѣжихъ буряковъ, очистить, изрѣзать въ кружки и варить; когда сварятся—вынуть въ каменную чашку, изкрошить соленыхъ огурцовъ въ кружки, смѣшать съ хрѣномъ, лукомъ и постнымъ масломъ; потомъ налить все это въ огуречный росолъ, смѣшанный полъ наполъ съ буряковымъ отваромъ и поставить въ холодное мѣсто на сутки, а чрезъ сутки подавать.

80. *Тетеря*. Взять гречишнаго тѣста, разболтать какъ для блиновъ, вымыть пшена равное количество съ мукою, варить въ горшкѣ, посолить и положить масла постнаго или скоромнаго, наконецъ все это вмѣстѣ вскипятить.

81. *Товченыки*. Взять щуку, карася или какой другой рыбы свѣжей или просоленой, изкрошить рыбное мясо ножомъ отобравъ кости, толочь въ деревяной ступкѣ, положить муки, соли, перцу и постнаго масла и бросать въ воду—кипятокъ; вынувъ изъ кипятка облить постнымъ масломъ и лукомъ жаренымъ.

82. *Товченыки скоромные*: тоже приготовленіе; но вмѣсто рыбы—мясо, а вмѣсто масла постнаго—скоромное.

83. *Узваръ* подается вечеромъ: 24 Декабря, 31 Декабря и 5 Генваря. Взять сухихъ грушъ, яблокъ, вишень, сливъ, изюму, винныхъ ягодъ и рожковъ; обмыть и налить кипяченою водою; накрыть крышкою, поставить въ печь до утра; по утру

вынуть изъ печи, налить меду, и поставить въ холодное мѣсто, а вечеромъ подавать.

84. *Хринъ съ квасомъ*. Натереть хрѣну, разтереть его съ солью и постнымъ масломъ, развести буряковымъ квасомъ, и ѣсть съ хлѣбомъ. Это блюдо подають въ понедѣльникъ 1-й недѣли великаго поста. Называется: «Заправляться хриномъ.»

85. *Хомы съ конопляным сѣменемъ*. Взять хорошаго чистаго гороху, сварить съ солью, растереть въ макотрѣ, положить толченаго и просѣяннаго на рѣшето конопляннаго сѣмени, смѣшать хорошенько съ горохомъ, покатать как большія пампушки, сложить въ миску и поставить минутъ на десять въ печь; ѣсть горячіе.

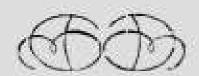
86. *Чахонь* и

87. *Чабакъ*. См. тарань. Приготовляется одинаково.

88. *Червячки*. Сварить гречневую кашу густо, протереть ее на мочалочное рѣшето, она станетъ червячками; намочить въ горячей водѣ маку, разтереть качалкой въ макотрѣ, разведши холодной водой; процѣдить на сито и подавать этотъ макъ къ червячкамъ.

89. *Шпундра съ буряками*. Взять свиной грудины, поджарить съ лукомъ на сковородѣ, положить муки, налить буряковымъ квасомъ, нарѣзать въ видѣ шпека буряковъ вмѣстѣ съ грудиной, сложить въ горшокъ и сварить.

и 90. *Юшка*. Это супъ; дѣлается съ картофелемъ, съ фасолью, съ постернакомъ, какъ обыкновенный супъ, съ саломъ или съ постнымъ масломъ.

2.) ПРОСТОНАРОДНЫЙ, МАЛОРОССІЙСКІЙ ДЕССЕРТЪ.

Онъ состоитъ какъ обыкновенно изъ сырыхъ и изъ запроста приготовленыхъ фруктовъ; фрукты эти: груши, яблоки, вишни, черешни, сливы, крыжовникъ, смородина, земляника, полуницы, суницы, ежевика, дыни, кавуны, тернъ, бузыновыя ягоды, калина, малина.

Лакомства не сладкія: пасліонъ, козельцы, маковки водяныя, макъ обыкновенный, сѣмяна подсолнечныя и тыквяныя, орѣхи лѣсные.

Лакомства покупныя: пряники, медовые орѣхи, рожки.

Изъ фруктовъ дѣлаются кисѣли:

Бузиновый кисиль. Взять ягодъ, начистить безъ корешковъ, высыпать въ ночовки и перетереть въ ночовкахъ съ мукою ржаною, сложить въ горшокъ полно, налить кипячею водою, можно класть и не класть туда свѣжія груши съ дерева, варить его часа полтора, а потомъ засунуть въ печь часа на полтора, чтобъ упрѣлъ. Ѣсть его можно съ медомъ и безъ меду.

Грушовый,

Яблочный,

Сливной,

Вишневый,

Земляничный, и

Ежевичный кисели дѣлаются одинаково; сварить фрукты протереть на мочалочное рѣшето, положить въ этотъ мар-

меладъ муки пшеничной или картофельной, развести отваромъ, въ которомъ кипѣлъ фруктъ, и поставить, мѣшая лопаткой, пока вскипитъ.

Калиновый кисиль дѣлается, какъ и бузиновый, только обваливается мукою пшеничною; косточекъ не вынимать.

Калынныкъ; т. е., хлѣбъ съ калиною. Взять тѣста, которое готовится на простой хлѣбъ, начистить калины, и смѣсить съ тѣстомъ чтобъ ягодъ больше было нежели тѣста; потомъ скатать, давъ форму хлѣба, поставить на печь, чтобъ подошелъ; сажать въ гарячую печь, какъ хлѣбъ.

Сверхъ того сушатъ просто а иногда въ меду всѣ эти фрукты; тогда ихъ употребляютъ сухими или въ зварахъ.

Вареники съ сухими грушами. Столочь въ ступкѣ сухихъ грушъ, размѣшать съ медомъ, лѣпить вареники какъ обыкновенно. *См. Вареники.*

Всѣ же эти фрукты и ягоды варятся въ меду какъ варенья; см. *Павыдло*. Всѣ медовыя варенья называются павыдлами.

Пасліонъ.

Изъ него ѣдятъ ягоды.

Козельцы.

Изъ него ѣдятъ стебли.

Водяныя маковки.

Изъ нихъ—кашку цвѣтка.

Макъ,

когда созрѣетъ, то вытрушиваютъ головку и—прямо въ ротъ.

Сѣмена тыквенныя и подсолнечныя.

Это любимое дѣвичье занятіе, сидѣть и «лузать» симечко.

Пряники: имѣютъ множество формъ: пѣтушками, двуглавыми орлами, кониками съ позолотою и безъ позолоты, и пр.

Вскипятить медъ безъ очистки шуму, положить пшеничной муки въ деревяныя почовки, размѣшать муку съ медомъ

на 10 фунт. муки нужно 5 ф. меду. Поставить въ печь на ночь, накрывши чистымъ полотенцемъ; вынуть изъ печи и замѣсить; опять поставить въ печь; когда сдѣлается горячимъ, вынуть на столъ и тереть въ рукахъ на столѣ покуда простынетъ; тогда положить 4 лота поташу; съ поташемъ перетереть такъ чтобъ сдѣлался рыхлымъ какъ губка; давать форму, выпечатывать печати, класть на желѣзный съ ножками листъ, и ставить въ посредственно теплую печь.—Это пряники городскіе.

Вскипятивъ медъ безъ очистки шуму, положить муки ржаной 10 ф. на 5 меду, размѣшать въ ночвахъ и бить горячее тѣсто въ рукахъ, пока побѣлѣетъ и сдѣлается мягкимъ; тогда сложить на столъ, насадить ядрами простыхъ орѣховъ. Потомъ дать формы лепешекъ, сосулокъ, квадратовъ и пр., не накладывая печатей; ибо орѣхи тому помѣшаютъ. Ставить въ печь на желѣзномъ листѣ на $1/4$ часа; они будутъ за это время готовы.—Это пряники деревенскіе.

Медовые орѣхи. Изъ городскаго пряничнаго тѣста нарѣзать въ кубики величиною съ орѣхъ и засушивать, чтобъ были крѣпко сухи.

Постилы:

Яблочная. Взять 50 путыковъ, спечь ихъ, протереть на сито, и положить этотъ мармеладъ въ деревяную кадочку; тереть его долго; положить $1\frac{1}{2}$ фунта меду и продолжать тереть; когда начнетъ пѣниться; тогда, збивши 8 штукъ яичныхъ бѣлковъ, положить ихъ туда-же и бить ихъ 5 часовъ; все это превратится въ пѣну; тогда накладывать на тарѣлки и ставить на ночь въ ту печь, которая топилась по утру. Вынувъ ихъ изъ тарелокъ деревяннымъ ножемъ, верхъ ихъ будетъ ровный, а сподка отъ съемки ножемъ будетъ неровна. Эту сподку намазывать мармеладомъ такимъ какъ и вчера, но вновь сдѣланнымъ; потомъ

класть въ печь на деревяныхъ лѣстничкахъ, на полотенцахъ, вверхъ новымъ мармеладомъ, опять до утра.

Постная медовая бываетъ безъ яицъ.

Сахарная, вмѣсто меду—сахаръ а яйцы нужно класть; впрочемъ дѣлается какъ первая.

Сливная сырая, спечь столько штукъ сливъ, чтобъ протерши на рѣшето составилось 2 фунта мармеладу; сварить 2 фунта меду или 2 фунта сахару, распустивъ его въ очень небольшомъ количествѣ воды, чтобъ сыропъ былъ очень густъ. Класть туда мармеладъ и мѣшать на огнѣ; когда онъ станетъ тянуться за лопатой, значитъ готовъ. Смочить блюдо водою и выложить; кагда застынетъ—ѣсть. Но его долго нельзя держать: можно дней до семи, до десяти.

Такимъ образомъ дѣлаются изъ всѣхъ фруктовъ.

Употребляются въ дессертъ вмѣсто ликеру фрукты изъ подъ наливокъ и изъ варенухи.

Маковныки. Варятъ медъ; снимаютъ пѣну; кладутъ макъ и варятъ покуда сдѣлается густъ и крѣпокъ; смачиваютъ водою столъ, выливаютъ это на столъ, и когда застынетъ рѣжутъ на тонкіе четвероугольные куски; иногда вкладываютъ въ медъ макъ, вкидываютъ орѣхи лѣсные.

Орихи смажены. Насыпаютъ орѣхи въ горячую печь, вынувъ оттуда вкидываютъ въ холодную воду, и когда простынутъ, вынимаютъ.

Павыдло; бываетъ яблочное, грушовое, вишневое, бузиновое и вообще изъ ягодъ. Поставить на 1 фунтъ ягодъ 2 фунта меду, а если кислы ягоды очень, какъ напримѣръ ежевика, то и 2½ фунта; переварить медъ, очистить отъ шуму, класть ягоды, варить пока сгустѣетъ; чѣмъ болѣе варить тѣмъ лучше, лишь бы не превратилось въ леденецъ. А если будетъ мало варено, то заиграетъ и скиснетъ.

Сцильныки—Медъ въ сотахъ; необходимое блюдо, которое въ церквѣ освящаютъ 6 Августа и подаютъ съ яблоками, грушами тогда-же святыми и освященными.

Шишечки. Замѣсить шевичнаго тѣста на однихъ яйцахъ: покатать червячками, срѣзать мелко сухариками, жарить въ коровьемъ маслѣ, откинуть на сито, чтобъ стекло масло прочь; переварить меду безъ шуму, и класть сухарики въ медъ; потомъ въ меду варить до пропорціи; вынувъ, оставлять изъ *нихъ шишечки въ водѣ еловыхъ*, пока они теплы, для чего имѣть воду холодную для смочки рукъ; потомъ когда простынутъ и затвердѣютъ подавать.

и 3.) НАПИТКИ.

Ихъ должно раздѣлить на слѣдующіе разряды:

1. *Не имѣющіе спиртуозности:* сыровецъ, квасы, березовый сокъ, кленовый сокъ.

2. *Имѣющіе спиртуозность:* брага, медъ, пиво и наливки, а именно: вишневка, сливянка, терновка, дуливка, рябыновка.

3. *Спиртовые* или *водки*: пинна, третепробна, перегонна. Если они не хороши—ихъ зовутъ въ насмѣшку сывуха, мокруха, чыкылдыха. Настойки: калганывка, ганусывка, шаправывка, бодянывка, перчикивка, кусака.

4. *Приготовленные на огнѣ:* варенуха, запиканка.

Сыровецъ. Взять изъ ржаныхъ отрубей прѣснаго тѣста, высушить. Вынувъ изъ печки, поломать въ куски и положить въ кадку: налить это кипяткомъ, такъ чтобъ покрыло только хлѣбъ; дать часовъ 6 солодать; размѣшать весломъ, положить кислаго тѣста изъ дѣжи откуда хлѣбы пекутъ; оставить играть и закисать сутки. Тогда развесть холодной водой, какъ остоится—пить.

Квасы дѣлаются изъ лѣсныхъ грушъ и яблокъ; груши печь, а яблоки оставлять сырыми; класть въ бочки съ водою, груши особенно отъ яблокъ. Квасы будутъ готовы: груши чрезъ два мѣсяца, а яблоки черезъ три; бочки должны стоять въ погребу.

Березовый сокъ дѣлается въ Апрѣлѣ; просверливается дырка въ березѣ глубины два вершка; вкладывается туда дудка изъ бузины; подъ дудку ставятъ ведро. Когда сберется бочка, тогда класть въ сокъ вощины, поджареный горохъ или горячій ржаной хлѣбъ, ставить въ анбарѣ; чрезъ полторы недѣли можно пить.

Кленовый сокъ дѣлается также, но въ мартѣ.

Брага изъ просянаго солода. Взять этаго солоду запарить густо кипяткомъ; дать нѣсколько часовъ, примѣрно 8, солодать. Развести холодною водою и процѣдить на сито; слить въ боченки, поставить въ холодное мѣсто на сутки.

Медъ дѣлается какъ и въ Россіи.

Пиво—тоже.—И то и другое любимые напитки малороссіянъ; пивоварни въ малороссіи издавна составляли богатство владѣльцевъ, и называются—*броварни*.

Наливки всѣ одинаково дѣлаются; а именно: накладывается сороковая бочка какими нибудь фруктами особенно: вишнями, сливами, терновками, рябиной, грушами или яблоками. Поэтому она называется вишневкой, сливянкой и пр., ягодъ должно бы на 30 ведеръ, а на десять ведеръ пустоты; тогда налить всю эту бочку сполна хорошею 20—26 градусовъ водкою. Чрезъ 1½ мѣсяца будетъ готова. Сливы предпочитаются лубенскія и опошнянскія.

Мусулесъ. Сточить какую нибудь наливку, разсытить меду, взять на ведро воды 5 фунтовъ меду и налить тѣ ягоды, съ которыхъ слита наливка; количество этой жидкости само себя

покажетъ. Недѣли чрезъ двѣ мусулесъ будетъ готовъ. Когда сыта наливается она должна быть тепла.

Настойки дѣлаются просто: въ 20—градусную горѣлку кладутъ калганъ, анисъ и пр. Настойка по специи получаетъ имя. Чтобъ скорѣй настоялась ставятъ въ горячую печь.

Кусака настаивается перцемъ, имбиремъ, кордамономъ и другими специями, но главная пропорція—перцу.

Дѣлаютъ настойку на молодомъ березовомъ листѣ — эту считаютъ полезною для желудка; называется *Березовка*.

Запиканка. Инбирь, перецъ стручковый, корица, гвоздика, мушкатъ, курдамонъ, лимонная корка, всего этаго вмѣстѣ 4 фунта на ведро 20—градусной горѣлки, все это вливается въ большой горшокъ, который закрывается хлѣбною коркою, обмазывается прѣснымъ тѣстомъ такъ, чтобъ воздухъ не проходилъ; ставится въ горячую печь на 12 часовъ; чтобъ не сорвало крышки накладывается кирпичъ на хлѣбную корку. Вынувъ изъ печки, дать совершенно остынуть, тогда откупорить и слить жидкость въ штофъ.

Варенуха. Всѣ припасы тѣ, что для узвару; см. узваръ; налить ихъ горѣлкой, положить меду по своему вкусу, и немножко стручковаго перцу. Закупорить горшокъ, какъ при запеканкѣ и поставить на 12 часовъ въ горячую печь. Вынувъ употреблять. Горячая вкуснѣе; а потомъ и фрукты ѣдятъ.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

